

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:

141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:

8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

 ПРОЗА

<i>Василий БЕЛОВ</i>	
Холмы	4
<i>Камиль ЗИГАНШИН</i>	
Свора	37
<i>Таисия ГУСЬКОВА</i>	
Ручеек (Сказка-притча)	79
Господин Пылесос (Сказка-притча).....	80
<i>Леонид ЧИГРИН</i>	
Вязальная спица.....	93
<i>Николай ЗАЙЦЕВ</i>	
Княжий воин.....	140
<i>Виктория КОЛТУНОВА</i>	
Заира.....	159

 ПАМЯТЬ

<i>Владимир КРУПИН</i>	
Василий Белов – классик нового времени	6
<i>Ирина УШАКОВА</i>	
Лад и разлад русской жизни	8
<i>Айлар КЕРБАБАЕВА</i>	
«Жизнь – как дом: фундамент её надо закладывать глубоко и прочно!»	120

 ПОЭЗИЯ

<i>Евгений СЕМИЧЕВ</i>	
И никуда от памяти не деться... ..	12
<i>Владимир ШУГЛЯ</i>	
Очнись, душа!.. ..	20
<i>Нина ПОПОВА</i>	
На перекрестье северных ветров... ..	31
<i>Вячеслав БОНДАРЕНКО</i>	
Не нужно будет расставаться... ..	43
<i>Борис КАТКОВСКИЙ</i>	
Колокольный звон не умолкает... ..	54
<i>Хасан ТХАЗЕПЛОВ</i>	
Добрая песня	65
<i>Антонина ШМАТКОВА</i>	
Есть в России Сибирь – необъятная ширь... ..	77

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№4(6) 2012
Выходит четыре раза в год

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.
Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 18.12.12.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 5406.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2012
© Авторы, 2012

Владимир РОДИОНОВ Я в любви к России вышел объясниться... 83
Вячеслав ДУЛИКОВ Потерпи ещё малость, Родина... 90
Юрий РЫЛОВ Во мне пела душа... 118
Оксана ШЕВЧЕНКО Листопадные выходные... 152
Елена ТКАЧЕВСКАЯ Состарилось лето... 137
Николай ПОЛОТНЯНКО Школа... 166

ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий ЗЮГАНОВ Не разбрестись на перепутье... 16
Сергей КАРА-МУРЗА Русский коммунизм... 26
Михаил ДМИТРУК Жива родная деревенька... 72

АЗБУК

Мария АЛЕКСЕЕВА Помни обо мне (фрагменты из повести)..... 49

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Георгий СВИРИДОВ Тайна Бородинского хлеба... 58
Александр АЛИЕВ Рукою Петра Великого... 180

СОБЫТИЯ

Борис ВИЛЕНСКИЙ Дагестанский дневник... 86

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Виталий СЕРКОВ «Красный день календаря» О прозе Светланы Замтеловой... 185
--

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Входящем году Россия столкнулась с новыми испытаниями. Очередное обострение смуты и навязанная народу унижительная необходимость выбора между плохим и очень плохим... Ряд техногенных катастроф, разрушивших призрачное рыночное благополучие многих людей... Усиление идейного вакуума, отнимающего у людей, особенно молодых, смысл существования... Увеличение, постоянно прогрессирующее, социального расслоения, ставящее под угрозу хрупкое и небесспорное единство нации... Высокомерное презрение со стороны СМИ к истории России, к её святыням, к её героическому прошлому... Вопиющая некомпетентность обнаглевшего от беззащитности и безответственности чиновничества... Унизительные уступки «стратегическим партнёрам», угрожающие национальной безопасности нашей страны... Череду коррупционных скандалов, ещё больше дискредитирующих нашу государственность в глазах всего мира... Использование национального фактора в качестве инструмента для разобщения народа... Много, многое другое... Но в то же время появилось ощущение, что что-то сдвинулось, что по-старому уже не будет. Судя по ряду признаков, «верхи» не могут. А что же «низы»? Время покажет...

Этот номер журнала, завершающий год, содержит важные материалы. Гостем и автором нашего журнала стал Председатель ЦК КПРФ Геннадий Андреевич Зюганов. Публицистика Сергея Георгиевича Кара-Мурзы также не оставит равнодушным читателя, озабоченного судьбой России. Мы публикуем прозу недавно ушедшего от нас великого русского писателя Василия Ивановича Белова, а также слово о нём его соратника по борьбе за русское дело Владимира Николаевича Крупина. Как и всегда, на страницах нашего журнала представлено творчество талантливых российских поэтов и прозаиков...

Журнал «ВЕЛИКОРОССЪ» поздравляет всех своих читателей с наступающим Новым годом! Желаем в грядущем году мужества, душевной стойкости и веры в светлое будущее нашего Отечества – Великой России!

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Действительный член Петровской Академии наук и искусств

Холмы

Он пробудился от какой-то смутной щемящей тревоги. Глядел на яркий и мощный солнечный пук, бьющий в конце бревенчатого сарая, и старался понять, чем рождена эта смятенная и чем-то приятная душевная боль. Старался припомнить, что ему снилось, но образы ночного сна ускользали, оставляя неудовлетворённость.

Солнце било и в узенькие щели пазов. Ласточки со свистом влетали через окно, прижимаясь хвостиками к стропилам, щебетали, потом вновь улетали на улицу. Пахло травяной зеленью и высыхающей росой. Где-то на речке кричали ребяташки, купающиеся спозаранку, а в поле стрекотала конная косилка.

В доме никого не было. Мать, по извечной привычке, наверное, со старушечьим стоном и оханьем ушла на покос. Жена с двумя ребяташками каждое утро ходила загорать и купаться к дальнему омуту.

Он вспомнил вчерашнюю встречу со своим деревенским сверстником и вдруг понял причину своей щемящей душевной тоски.

Вчера он не успел осознать, каким немолодым, постаревшим выглядит его деревенский сверстник. А ведь он даже чуть постарше сверстника, и сегодня ночью, во сне, пришло ощущение необратимости...

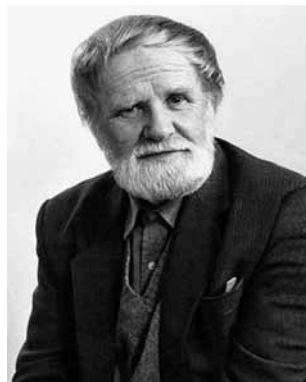
До этого он всё ещё считал себя молодым, а тут, во сне, в подсознании, вдруг понял, что молодость давно кончилась, что он разменял вторую половину своей жизни. «Разменял»... Какое странное слово.

В деревне никого не было. Как тогда, в сенокосном детстве, стояли у ворот домов батожки, и одни стрижи с ласточками стригли над крышами синеву тёплого воздуха. Солнце с утра нагревало мягкую дорожную пыль.

Он вышел в зелёное, звенящее кузнечиками поле и на ходу медленно обвёл взглядом родные, много лет не виденные окрестности деревни. Он ощутил сейчас какое-то странное радостное и грустное чувство причастности ко всему этому и удивился: «Откуда он взялся, и что значит всё это? Где начало, кто дал ему жизнь тогда, ну хотя бы лет четыреста назад? Где все его предки и что значит “их нет”? Неужели теперь все они это и есть всего лишь он сам и два его сына? Странно, непостижимо...»

Он вышел на крутой и зелёный холмик, огибаемый голубой озёрной подковой. Купол церкви плыл в небе, плыл в редких белых облаках, плыл и всё не мог никуда уплыть. Пчёлы тихо жужжали над купами верб. Внизу от ветра и солнца мерцало озеро, голубизна,

Василий БЕЛОВ

Василий Иванович Белов – родился 23 октября 1932 г. в деревне Тимони-ха Вологодской области в крестьянской семье. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. С 1963 г. член Союза писателей СССР. Лауреат Государственной премии СССР (1981). В 1992 г. удостоен Ордена благоверного князя Даниила Московского III степени, а в 2002 г. – Ордена Преподобного Сергия Радонежского III степени. В 1997 г. присвоено звание Почетного гражданина города Вологды. В 2003 г. писатель получил Орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени. В 2004 г. Василию Белову присвоена Государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства.

пронизанная лучами, темнела, дробилась в своём бесконечном изменении. А здесь, на холме, было тихо и зелено. Зной истекал в небо, искажая лесной горизонт волнистыми вертикальными струями. Не в масть серым, реденьким, словно захмелевшим от времени, крестам белел свежий штакетник, и арка новых сосновых ворот плыла в небе вместе с церковным куполом.

Он долго бродил по холму, искал могилы и не находил их, пробираясь меж сильных молодых лопухов. Могила тётки оказалась далеко за оградой, он узнал её по камню. Но где же лежит бабка? Он помнил, что бабушкина могила была около верб, но ничего не нашёл и сел на чей-то ещё не очень давнишний холмик. «Да, четырёх прабабок и искать нечего, если даже бабушкина могила затерялась... А ведь здесь где-то лежит и вторая бабушка, бабушка по отцу... Но где же она? Ни слуху, ни духу, всё сровнялось, заросло травой и лопухами...»

Вдруг его впервые обожгла, заставила сжать зубы простая, ясная мысль. Никогда раньше не приходила она в голову. Здесь, на его родине, даже кладбище только женское. Он вдруг вспомнил, что в его родословной ни одного мужчины нет на этом холме. Они, мужчины, родились здесь, на этой земле, и ни один не вернулся в неё, словно стесняясь женского общества и зелёного этого холма... Поколение за поколением они уходили куда-то, долго ли было сменить грабливище на ружьё, а сенокосную рубашку на защитную гимнастёрку? Шли, торопились будто на ярмарку, успев лишь срубить дома и зачать сыновей. И вот сейчас на родине, одинокие даже в земле, лежат прабабки и бабушки.

Он закурил. Изображение на сигаретной коробке впервые заставило его вспомнить, что один из его предков погиб в Болгарии на войне с турками. Об этом рассказывала бабушка. И он с горькой иронией подумал о несправедливостях женской судьбы: прадеду и тут повезло. Может быть, над его, прадедовой, могилой стоит четырёхгранный памятник, поставленный болгарами славным героям Шипки. А могила прабабки затерялась...

Он думал о том, что и деда также не обделила судьба: наверное, приятнее лежать в маньчжурском холме, когда об этом холме написаны романы и повести. Когда в музеях толпятся у батальных полотен потомки, а печальные вальсы о маньчжурских холмах звучат по радио. А бабушкина могила исчезла, нигде не видать ни креста, ни камня.

Он погасил сигарету, но вновь закурил: что это? Чёрт возьми, ведь отец его, отец обставил. Пожалуй, и деда и прадеда... Нигде в мире нет такого грандиозного, такого могучего памятника, как там, на Мамаевом кургане. Он вспомнил, как прошлым летом был в Волгограде, как целый день ходил по Мамаеву кургану. Холм, взявший отца в свои недра, был велик и печален, громадная скульптура, венчавшая вершину, бросала на город исполинскую тень. В зале воинской славы ещё шли работы, но он, сын погибшего на Волге сержанта, всё же увидел свою фамилию на гранитной стене...

Ушли, все ушли под сень памятников на великих холмах. Ушли деды и прадеды, ушёл отец. И ни один не вернулся к зелёному родному холму, который обогнула золотая озёрная подкова, в котором лежат их жёны и матери. И никто не носит сюда цветы, никто не навещает этих женщин, не утешает их одиночество, которое не кончилось даже в земле.

Он сидел под вербой на зелёном, тихом, знойном холме и думал об этом.

А может быть, придёт и его черёд? Идти дорогой мужских предков, к чужим неродимым холмам?

Пока готовился номер, 4 декабря 2012 г. скончался Василий Иванович Белов. Журнал «ВЕЛИКОРОССЬ» выражает родным и близким писателя свои соболезнования.

ПАМЯТЬ

Владимир КРУПИН

Василий Белов – классик нового времени

А честно говоря, тянуло написать в заголовке: «Последний классик нового времени». Но решил не торопиться с оценкой. Русская литература загадочна в своей основе и, как знать, ещё явит изумлённому миру новые откровения прозы и поэзии. Хотя поверить в это после явления в литературе таланта такого уровня, как Василий Иванович Белов – дело почти фантастическое.

Из русских северных просторов, от небогатой, но тёплой вологодской земли пришёл он в мир и удивил его мощью и чистотой русского языка, великими откровениями о тайнах русской души. Белова понимаешь, когда вчитываешься в его «Лад», в эту энциклопедию народной жизни. Вот где родники творчества создателя таких памятников словесности, как «Деревня Бердяйка», «За тремя волоками», «Привычное дело», «Кануны», «Час шестый», «Год великого перелома», «Плотницкие рассказы», «Воспитание по доктору Споку», «Бухтины вологодские», «Рассказы о всякой живности».

Сказать, что география произведений лишь деревенская – неправда. Цикл рассказов о Косте Зорине «Моя жизнь» сплошь городской, как и роман «Всё впереди».

Названные произведения по тематике невеселы, во многом трагичны. Но почему же, читая их,

В. Шукшин и В. Белов

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

В.Н. Крупин, В.Г. Распутин, В.И. Белов

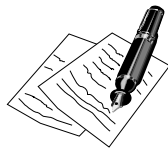
наполняешься духовной силой, верой в Отечество, хочется жить, работать во славу России? Это можно объяснить одним – русским языком. Он подчиняется только тому писателю, который больше жизни любит родину. Однажды, работая в издательстве, я читал присланные из типографии листы, а в них, по ошибке, вложили беловский лист. И вот, я продирался через описание заседания парткома, и вдруг что-то случилось – я очутился в заснеженном лесу, увидел огромную, в полнеба, сосну, стал мечтать вместе с Павлом, пока эта сосна подойдёт для строительства ветряной мельницы. Я не видел строчек, пока опять не въехал в партком. Жизнь, сама жизнь живёт на страницах великой прозы.

Друг Василия Белова, тёзка его, Шукшин, писал: «Я легко и просто подчиняюсь правде беловских героев. Когда они разговаривают, слышу их интонации, знаю, почему молчат, если замолчали...» («Нравственность есть правда» М. 1979, с. 167).

Термин «деревенская проза» был придуман для насмешки над писателями, пишущими о деревне. Но прошло быстрое время, и принадлежать к деревенщикам стало почётно. Именно они определяли магистральное направление развития русской классики. Ведь они писали о народе, о главном двигателе истории.

И первый среди них Василий Иванович Белов.

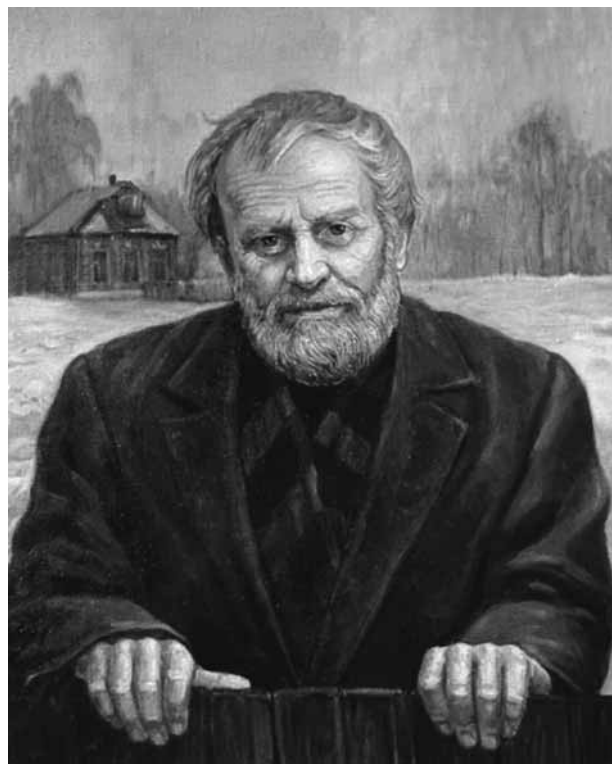
ПАМЯТЬ

Ирина УШАКОВА

Лад и разлад русской жизни

Именем Лада древние славяне называли не только богиню любви и красоты, но весь строй своей гармоничной жизни. В Толковом словаре В.И. Даля слово «лад» толкуется как «мир, согласие, любовь, дружба, отсутствие вражды, порядок». В семьях славянских народов веками жена называла мужа ладо, а муж жену – ладушкой. «Лады», – говорят люди, когда положительно решено благое дело. «Не то хорошо, что хорошо, а то, что ладно», – звучит русская пословица. «В лад да в меру» строилась жизнь русского крестьянина.

На мирный лад настраивает деревенское лето со всеми его трудами и чувствами. Моё лето ладится в Тверской губернии, поскольку там всё напоминает о жизни моих дедов и прадедов. Как радостно подышать разнотравьем, простором, старым русским бытом!

Писатель Василий Иванович Белов.
Худ. Ф. Москвитин. Холст, масло. 2009 г.

Ирина Владимировна Ушакова – родилась 23 февраля 1980 г. в п. Оленино Тверской обл. Окончила факультет журналистики Московского Экстерного Гуманитарного Университета. С 1998 по 2001 гг. – корреспондент, а с 2006 по 2008 гг. – ответственный секретарь редакции «Историческая газета». С 2009 г. – корреспондент газеты «Русь Державная». Автор двух поэтических сборников «Пробуждение» (2000), «По велению ранней весны» (2011). Публиковалась в журналах: «Подвиг», «Роман-журнал XXI век», «Божий мир», «Путеводная звезда», «Казачи». Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

ИРИНА УШАКОВА

В сенях нашего дома висят на стенах сани, косы, рыболовные сети, стоят плетёные коробки для сена. И всё это напоминает о былой – богатой и цельной – жизни. Все эти предметы только вчера, казалось, выпустили хозяева из натруженных рук. Будто бы только что вышли они в поле или уехали на ярмарку. В моём воображении возникают образы из книги Василия Белова «Лад», написанной им о родной Вологодчине. Старые, но крепкие холсты напоминают, что в доме моём пряли лён под пение протяжной песни: «Ты удайся, удайся, ленок, / Ты удайся, мой беленький, / Не крушись ты, мой миленький»; скамью эту вытесал да сколотил дед; подзоринку вышила бабушка...

Но нет. Не в поле хозяева дома, не на ярмарке. Ибо нет здесь уже засеянных полей, не шумит в ближнем селе ярмарка. Только борщевик подступает к самым избам. И стоят они неммым укором нам, забывшим свой дом и свой лад.

Последние десятилетия невозможно не думать о разладе, о трагедии русской деревни начала XX века: поругание святынь, раскулачивание трудолюбивых, достойных хозяев – крестьян, отток рабочего народа в города... Ибо умирание деревни в начале XXI века – это следствие трагедии столетней давности.

Мы в долгу перед нашей деревней, вскормившей и взлелеявшей десятки поколений наших предков. И мы расплачиваемся теснотой и маятой в переполненных городах. Платим за свой комфорт здоровьем и будущим наших детей. К примеру, отсутствие натурального молока привело к «измельчанию» молодого поколения. «В молочных продуктах, лежащих на прилавках магазинов, – говорит писатель Александр Арцибашев на очередном заседании Общественного Совета по возрождению деревень, – содержится до 60 % пальмового масла, которое раньше использовали как смазочный материал в промышленности. Потребление его в пищу, по данным исследований, снижает минеральную плотность костной ткани и накопление костной массы. От этого 90 % детей у нас имеют ту или иную патологию».

Обесценился человек, обесценился его труд, обесценился и сам смысл жизни.

Куда подевалось ладное обращение друг к другу – по имени-отчеству, которое существовало в крестьянском быту?

Стало модно ругать деревенское, мол, чёрствое. Мы забыли, что русская музыкально-речевая культура состоялась на созданных народом жанрах: предание, бывальщина, сказка, бухтина, пословица, песня, причитание, частушка, загадка... Могли они возникнуть в городе? Нет. А далее стало модно ругать и всё русское, мол, отсталое. Но разве могли ругать наши предки своё село, своё Отечество? Нет. Они бы сейчас не поняли, о чём мы говорим. Ибо смысл их жизни был в созидательной работе: созидание природы, созидание своего дома и семьи, созидание государства, сохранение духовного и физического здоровья детей, то есть забота о продолжении рода. «Пекись о теле своём, как о храме Божиим», – говорит святитель Тихон Задонский. «Если ребёнок надорвётся, он плохо будет расти. Женщина надорвётся – не будет рожать. Поэтому надсады боялись словно пожара. Особенно оберегали детей, старики же сами были опытны», – пишет Василий Белов в книге «Лад». Если же заболел человек, то ложился отлёживаться, как и любое животное, как зверь в дикой природе. А современный человек бежит в аптеку. Наши малограмотные деды понимали, то, о чём писал в начале XVI века в своих заметках великий мастер Леонардо да Винчи: «Медицина есть восстановление согласия стихий, утративших взаимное равновесие; болезнь есть нестроение стихий, соединённых в живом организме».

Жизнь среди природы сродни молитве, ибо человек повсюду видит созданное Богом благолепие, полный круг годового изменения природы – рождение и увядание, который возвещает и о человеческом рождении и переходе в мир иной. Человек видит всевозможных тварей Божиих, которым дано Творцом своё предназначение. Пчела старается изготовить мёд – человеку. Лес дарует свои плоды – человеку. Река полна рыбой – для человека. Травы дикие – от всех недугов – для человека растут. Где же ты, человек?

«Всё, что было лишним, – рассказывает в своей книге «Лад» Василий Белов, – или громоздким, или не подходящим здравому смыслу, национальному характеру, климатическим условиям, – всё это отсеивалось временем. А то, чего недоставало в этом всегда стремившемся к совершенству укладу, частью постепенно рождалось

в глубинах народной жизни, частью заимствовало у других народов и довольно быстро утверждалось по всему государству». Таким разумным устроением и сохранялась жизнь крестьянина и в пору мирного труда, и в тяжёлую военную годину. Сколько нашествий прошло по Белскому уезду, где жили столетиями мои предки? Литовцы, наполеоновская армия, фашистские орды. Великая Отечественная война смешала с землёй город Ржев, город Белый. И один Господь знает, как тогда в землянках выживали крестьяне и вели партизанскую войну, когда полтора года дни и ночи продолжались бои, бомбили нашу землю самолёты, хозяйничали в избах фашисты. Какую силу надо было иметь крестьянину, чтобы за послевоенное десятилетие поднять из руин свои сёла и деревни. Уже в 50-е годы прошлого столетия выстроились новые избы с резными наличниками, народились ребятишки, зазвучали песни в той деревне, что недавно ещё была полем боя.

Из «неперспективной» деревни вышли будущие учителя, врачи, инженеры, облагородившие своим трудом города. «А что дальше?», – думаешь в переполненном в «час-пик» транспорте, вдыхая прокуренный городской воздух и слыша разрушающую сознание музыку. «Что же дальше?», – возникает вопрос, когда мы видим, как оскверняются чтимые веками святыни.

Понятия добра и зла подчас настолько размыты в современном обществе, что над добром посмеиваемся, а зло ценим – как проворство и удачу. Не так было в русской деревне. «Деревня, – повествуется в книге «Лад», – каждому воздавала по его истинному облику. Безбожник был безбожником, пьяница пьяницей. Ни за какие заслуги здесь не спрячешься. Человека, находящегося в чести у мира, знали и чтили не только в своей деревне, но и далеко за пределами волости. Чаще всего это были люди трудолюбивые, иногда богатые, но чаще не очень».

В городе обеднел наш язык. Всё реже дети слышат от мам ласковое: «касатик мой», «дитячко моё», «родненький», «любимушка», «золотенький», «ягодка моя». Все эти слова навеяны были окружающей природой. Они непередаваемы ни на какой другой язык. Они только наши. Чем их заменить в век технического прогресса? Ничем. С этими словами ушли чувства, присущие им, исчезла оберегающая сила этих слов. Поэтому сегодняшние дети страдают нервными расстройствами, депрессиями, и, что самое угрожающее, склонностью к суициду.

Как тут родиться таланту, когда ничто его не созидает. «Лён», «лес» – это неисчерпаемые стихии, которые служат почвой для народного искусства и «метят многих людей золотым тавром художественного творчества», – пишет Василий Белов. – «И только в широкой среде таких людей рождаются художники высоты и силы Дионисия или плотника Нестерка, закинувшего свой топор в голубое Оного...».

Единение с окружающим миром было свойственно как крестьянину, так и барину. Ибо откуда такой колорит и лад в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова, в «Антоновских яблоках» И.А. Бунина. О романсе П.И. Чайковского «Благословляю вас, леса» на слова А.К. Толстого, Василий Белов пишет: «...Этот шедевр дворянской культуры с удивительной точностью отражает состояние типичного для Руси простого нищего-странника, понимающего и чувствующего “и в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду”».

Почему же в середине XX века певцов Руси, таких, как Василий Белов, назвали «деревенщиками»? Значит, и Лермонтов, написавший «дрожащие огни печальных деревень», тоже относится к деревенщикам? А С.Т. Аксаков и подавно.

Да, нам оставлены в старых домах эти косы, сети, сани, русские печи и русские бани, от всех недугов исцеляющие. А ещё нам оставлено живое слово Василия Белова. Его книги – это не просто учебник крестьянской жизни, но пример того, как не ленив и любопытен должен быть человек к пониманию и изучению своей Родины, своего народа.

Я отнюдь не призываю вернуться к сохе, но возвращение к тому ладу и миру, к национальным устоям, которые создались в семьях наших недавних предков, всё актуальнее звучит в сегодняшнем мире. «Обожжённая глина, – продолжаю цитировать книгу «Лад», – пусть даже в черепках, сохраняется практически вечно. Может

быть, без них, без этих черепков, мы были бы более высокомерны по отношению к прошлому и не так самонадеянны по отношению к будущему».

Стремление «в приют спокойствия, трудов и вдохновенья» – это не пустая ностальгия. Я знаю десятки прекрасных семей, переселившихся из города в деревню. Дети их занимаются музыкой и рисованием, поют в сельской церкви, побеждают на областных конкурсах и олимпиадах, поступают в лучшие вузы столицы.

Всерьёз тему деревни сегодня поднимает, как ни странно, кинематограф. Такие фильмы, как «Одиноким рай» и «Русский заповедник» Валерия Тимощенко, передают не просто красоту русской деревни, но дают ответы на многие вопросы о духовном смысле жизни.

Надо надеяться на то, что чувство жизни пересилит в нас чувство самоуничтожения. Об этом напоминают нам своей прозой Василий Шукшин, Валентин Распутин, Василий Белов.

Их созидательными мыслями продолжается русская литература, и приходят новые певцы России, чьё творчество в XX веке несправедливо названо «тихой лирикой». Мне хочется привести строки моего ровесника, собеседника в поэзии – Василия Попова, – строки, которые тоже звучат продолжением «песни» Василия Белова:

*Спи деревня, спи, не умирай.
День придёт, и я приду, – открою
И амбар твой низкий, и сарай,
И глаза, забитые доскою.*

*И увидишь ты, как мир хорош,
И услышишь ты звучанье мира,
Но, очнувшись вдруг, ты не поймёшь,
Что же это, что же это было.*

Василий Белов

ПОЭЗИЯ

Евгений СЕМИЧЕВ

Евгений Николаевич Семичев – родился в 1952 г. в г. Новокуйбышевске Самарской области. Окончил Куйбышевский государственный институт культуры и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького. Автор книг «Заповедный кордон» (1991), «Свете Отчий» (1992), «От земли до неба» (1995), «Российский развилоч» (1999), «Соколики русской земли» (2002), «Небесная крепь» (2005). Секретарь Правления Союза писателей России. Лауреат премий имени М.Ю. Лермонтова, имени Александра Невского, премии «Новая русская книга – 2002», Большой литературной премии России, Всероссийской премии им. Расула Гамзатова.

Живёт в Новокуйбышевске.

И никуда от памяти не деться...

Опять блокадой и осадой
Пытают звонкий русский щит...
Не жду от Родины пощады –
Россия русских не щадит.

И всё же я верю, что мир не бездарен,
Ведь в нём проживает Серёжа Бударин –
Поэт с удивительно солнечным взглядом
Приносит мне солнце весеннее на дом.

Сутулясь, стоит у меня на пороге.
И брезжит рассвет в моей мрачной берлоге.
Он мнёт в рукаве записные листочки,
И брызжут из них лучезарные строчки.

Как будто в руках он запрятал чинарик,
Который с ухмылкой сейчас мне подарит.
Но вряд ли сегодня меня он обдурит –
Я знаю, Серёжа Бударин не курит!

Похоже, что в будущем-светлом-манящем
Поэзия будет служить некурящим.
И всё же я верю – в бездымном грядущем
Найдётся местечко немножечко пьющим.

Иначе безвестно поэзия канет.
И грешных поэтов никто не помянет.
Я в жизни смертельно стихами отравлен,
И всеми на свете от света отставлен.

И мне, как побитой дворовой собаке,
Удобнее жить в недоверчивом мраке.
Куда не суют свои сытые рожи
Салонные псы и тупые вельможи.

Но что это вдруг у меня на пороге?
Забрезжило солнце, как в райском чертоге.
На юных поэтов я тайно надеюсь,
Мне их не догнать, но лучами согреться.

И верится – век мой не так безнадежен,
Ведь светит ему светлый лучик Серёжин.
И Бог небездарен, и мир благодарен...
Строчи свои звонкие вирши, Бударин!

...А росы на рассвете – капли крови
На гимнастёрках утренних полей.
И горизонт прерывист и неровен,
Как бинт, алеет в кронах тополей.

И никуда от памяти не деться
Среди кричащей этой тишины
Всплывает солнце – огненное сердце
Солдата, не пришедшего с войны.

Соберу я неба полные горсти.
И пойду я с Богом к Господу в гости.
Не принёс я, Господи, Тебе хлеба.
А принёс Тебе я русское небо.

Это небо было Тобой завещано.
По нему ходила русская женщина.
По нему ступали русские дети.
Мне оно милей всех небес на свете!

Разреши, я ангелов им умою,
Чтоб они познали русскую долю.
Чтоб они могли в небесах согреться,
Как умеет только русское сердце.

Это я пришёл к Тебе – русский сыне
С головой седой, как вселенский иней.
Это я пришёл к Тебе, Отче, в гости,
Зачерпнувши русское небо в горсти.

Я пролетел семь тысяч вёрст
И одолел такие дали,
Чтоб отразиться в полный рост
В байкальском солнечном зеркале.

Байкал священный и седой,
Мы друг от друга слёз не прячем.
Умыл меня живой водой,
И моё сердце стало зрячим.

Давно бы мне понять пора,
Что я за всех и всё в ответе.
Теперь мне Ангара – сестра,
Мы все большой России дети.

Байкал – России светлый нимб.
А значит – стоило родиться,
Чтоб преклониться перед ним
И в русском небе отразиться.

Моя небесная родня
Моё прозреньё не осудит.
Теперь Байкал и за меня
Взывать в своих молитвах будет.

Долой – ботинки, куртка, кепка,
Ремень, багаж... Аэропорт!
За воздух зацепился крепко
Взлетающий иркутский борт.

Пред небесами я бессилён,
Но не бессилён самолёт.
Байкал. «Сияние России».
Душа искрится и поёт.

Сибирским солнечным ампиром
Иркутск возвышен и велик.
А у меня в душе – Вампилов.
Я выбираю Кутулик.

Здесь, где таёжные рассветы
Встречает неказистый дом,
Вихрастый мальчик был поэтом,
А драматургом стал потом.

Здесь в бывшем каторжном бараке
Жить Саше в детстве повезло.
И все в округе буераки
Ещё хранят его тепло.

Здесь каждый камешек окрестный
Бывал с Вампиловым знаком.
И вечный Млечный путь небесный
Кропят бурятки молоком.

Здравица

За твоё здоровье, Скиф!
За твои стихи и думы,
Разрушающие миф –
Тот, что скифы все угрюмы.

Приангарский дивный свет
На плечах возносят кедр.
Он обласкан и согрет
И твоей улыбкой щедрой.

За тебя! За молодца!!
За улыбочное сердце!!
Утирая хмурь с лица,
Я люблю в улыбках греться.

Из таёжных мрачных недр
Жизнь не зря тебя взыскала –
Золотой сибирский кедр,
Свечка светлая Байкала.

Жизнь одна и смерть одна
По одной дорожке ходят.
Потому и пью до дна
За тебя, мой друг Володя.

В светлый полдень на пароме
Переходим Ангару.
Словно в солнечном шеломе
Сосны в бронзовом бору.

Мы ангарскому парому
И Сибири не враги.
Примеряемся к шелому
Щедрой матушки-тайги.

Катинан, седой паромщик,
Воздавая нам почёт,
На лихую жизнь не ропщет –
Глубь ангарскую толчёт.

Говорит: «Жеманство бросьте!
Нынче праздник в Усть-Уде.
Разве можно ехать в гости
На сухую по воде?..»

Угощает нас грибами
И кедров в стаканы льёт...
... Высоко-светло, как в храме,
Небо русское поёт.

Не разбрестись на перепутье

Сегодня Россию вновь обвиняют в «возрождении великорусского шовинизма» и «проведении имперской политики». Это – результат возрастающих волнений мировой закулисы, понимающей, что вся многолетняя антисоветская, антирусская интрига находится на грани срыва. Очнувшись от глубокого забытья, осознавшая свои подлинные национально-государственные интересы, возрождающаяся на основе многовековых традиционных ценностей Россия не принимает навязываемой ей унижительной роли. Постепенно, шаг за шагом отвоёвывает свои естественные претензии на роль великой мировой державы.

Первый и главный шаг состоял в том, чтобы собрать на своей земле, под своим крылом, в рамках единой могучей государственности всех, кто считает Россию своей Родиной, все те народы, которые согласны связать с ней свою историческую судьбу.

Второй, не менее важный шаг заключался в том, чтобы обеспечить в собственном доме, в нашем едином государстве безусловный и прочный мир, гарантированный от любых посягательств извне и изнутри, создав для этого соответственные внешнеполитические условия. Чтобы защитить свою историческую индивидуальность и самобытную духовность от агрессии чуждых, извращённых стереотипов массового сознания, от тлетворного влияния безнравственности, возведённой в норму жизни, индивидуалистического эгоизма, восхваляемого как добродетель. Тем самым создать своим согражданам гарантируемые условия для получения качественного доступного образования и здравоохранения. Реализовать право на труд и на отдых. На участие в развитии науки и культуры. На счастливое детство и спокойную старость.

Впервые за три столетия мы имеем реальный шанс – восстановить созидательное единство наших духовных и государственных традиций. Ибо мы достаточно хорошо знаем, сколь тяжким бывает либеральное иго, навязанное стране вопреки воли народа. Слишком хорошо чувствуем, какую страшную нравственную цену приходится платить за утерю идеалов, способных придать нашему соборному, национальному общественному бытию священный, вечный и непреходящий смысл.

Патриотизм был всегда основой нашей русской цивилизации. Поэтому недруги России всегда стремились превратить русских и другие близкие им народы

Геннадий Андреевич Зюганов – Председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе Российской Федерации, доктор философских наук.

Евразии то в «лучших» немцев, то в варягов и хазар. Потворствовали всяческим проявлениям смердяковщины и идолопоклонства перед Западом. Но всякий раз патриотическое чувство оказывалось сильнее внешнего давления. Россия так и не стала колонией, не растворилась в чуждых этносах. Так было в 1612 году, когда народное ополчение под руководством Минина и Пожарского избавило страну от разного рода Лжедмитриев. Так было в 1812 году, когда война с Наполеоном переросла в войну Отечественную, стала венцом русской цивилизации. Так было в прошлом веке, когда под стенами Сталинграда и на Орловско-Курской дуге наши отцы и деды осуществили коренной перелом в Великой Отечественной войне против фашистских захватчиков, отстояв цивилизацию советскую.

Теперь-то мы хорошо знаем, что в планах «холодной войны» главный удар наших политических соперников всегда готовился и наносился по животворной основе нашей духовности – патриотизму. Мы знаем результат «крестового похода» против нашей великой Родины.

Русские оказались крупнейшим в мире разделённым народом. И это разделение настолько глубоко и многомерно, что заставляет говорить о реальной угрозе исчезновения русских как нации.

Русские разделены географически. Двадцать пять миллионов человек в одночасье превратились в иностранцев в своём Отечестве, где они подвергаются дискриминации и вытеснению. Не лучше их положение и в некоторых так называемых национальных окраинах РФ.

Русские разделены социально на «новых» и «старых», пропасть между которыми углубляется с каждым днём.

Русские разделены идеологически. В след нападкам на советскую культуру идёт беспримерное по своим масштабам наступление на культуру русскую, и прежде всего на такую архитипичную составляющую национального самосознания, как православие. И здесь главная стратегическая задача недругов России расколоть национально-освободительные силы по отношению к христианству. Заметьте, именно к христианству.

В чём же причина? Конечно, причин много. Как идеологического и исторического, так и социально-экономического характера. Огромную роль в происходящем играет то, что христианство, и особенно православие, вобрало в себя вековые мечты человечества о справедливости, равенстве и братстве. То есть является носителем тех идей, которых – аки бес крестного знамения – больше всего боятся и ненавидят всевозможные глобализаторы, весь прогнивший и торгашеский капиталистический мир. Тех ценностей, которые близки исконно гуманистическим прогрессивным силам, и прежде всего нам, коммунистам.

Отсюда та мощная и циничная «психическая атака» на православие в России. Ритуальные убийства православных священников, демонстративные осквернения храмов, наглые глумления в СМИ – особенно на телевидении – над высшими иерархами русской православной церкви, развязные издёвки над святыми для верующих вещами со стороны тех, кто мнит себя хозяевами жизни.

Не будет большим преувеличением сказать, что наскоки на православие сегодня уже мало чем отличаются от нападков на всех, кому дорога и близка Россия, её верования, традиции, обычаи. Поддержать слабеющий колосс православия – значит не дать отбросить на обочину российской истории значительную часть верующих, не отвергающих социальные приоритеты, выраженные в Программе КПРФ.

Как известно, И.В. Сталин, многое сделавший для возрождения православия в нашей стране, ещё 80 лет назад говорил: «Если раньше христианство считалось среди угнетённых и задавленных рабов обширнейшей Римской империи якорем спасения, то теперь дело идёт к тому, что социализм может послужить (и уже начинает служить!) для многомиллионных масс обширнейших колониальных государств империализма знаменем освобождения». Сегодня эта историческая близость роли и судеб христианства и коммунизма как никогда становится очевидной.

Избиратели КПРФ на треть состоят из людей верующих. Наша партия во многом является представителем православного мира в делах политики. Она всегда защищала

интересы верующих. Мы не раз возвышали свой голос в защиту наших национальных православных святынь, как и святынь всех других традиционных российских конфессий. Мы готовы употребить всё наше влияние для защиты доброго имени и авторитета тех священнослужителей, кто подвергается глумлению, клевете и шельмованию.

Конечно, на многое мы с церковью смотрим по-разному. Мы ведём дискуссии и даже споры с ней. Однако если смотреть не назад, а вперёд, очевидно – коренные наши взгляды на суть и будущее человека, всей земной цивилизации в решающей степени совпадают. И когда русская православная церковь поднимает свой авторитетный голос в защиту всего христианства, мы не можем не заявить о солидарности с ней. Ибо только настоящие патриоты, люди высокой культуры и духовности, способны остановить ту тьму, что неуклонно наползает на нашу Россию и мир.

Понимая это, я отношу себя к политикам, которые максимально трезво и жёстко оценивают происходящее. Считаю, что мы, русский народ, сильные, умные, духовно богатые и целеустремлённые – кроме себя в этом мире совершенно никому не нужны.

На Земле истопили половину нефти и газа. Человечество всё больше испытывает дефицит чистой пресной воды. Каждому четвёртому на нашей планете не хватает куска хлеба. В 50 странах мира за последний год пробушевали голодные бунты.

Мы в 3–4 раза по ресурсам превосходим США. В 27 раз – объединённую Европу. На нас внимательно смотрит бурно развивающаяся Азия.

Чтобы быть в этом мире конкурентоспособными, нам надо иметь население порядка 300 млн. человек. К примеру, в США сегодня проживает 315 млн. человек. В объединённой Европе – 500 млн. человек. В Китае – 1 млрд. 340 млн. плюс 100 млн. китайцев работают за рубежом. При этом в отличие от российской компрадорской буржуазии, китайцы, работающие за границей, везут деньги на родину, а не вкладывают их в иностранные банки.

Залогом выживания в этих условиях должен стать Союз славянских государств. Без братского славянского союза России, Украины и Белоруссии невозможно двигаться вперёд. И это не прихоть нашей партии, это вопрос нашего исторического выживания.

Атака идёт не только на эти главные святыни. Атака продолжается на остатки нашей общегосударственной собственности. Сегодня она составляет около 10 процентов от всей собственности в стране, на распродажу выбрасывается последнее, что может обеспечить хоть какие-то равные возможности в любой сфере.

Атаке подвергается и образование. Почитайте закон об образовании, который принесли в Думу. Этим законом ликвидируется русская и советская классическая школа, нам предлагают образование, от которого дурно пахнет. Из 19 обязательных предметов оставили 12, а потом из оставшихся предложили сделать обязательными только физкультуру, ОБЖ, «Россию в современном мире» и предмет по выбору.

Сегодня мир на глазах радикально меняется. Разрушаются старые стереотипы, идёт агрессивная наступательная политика НАТО, глобализм руками Соединённых Штатов пытается диктовать свою волю всей планете. Вслед за советской цивилизацией ей атаке подвергается русская цивилизация.

Между тем, интерес к советской цивилизации заметно возрастает. Это связано с охватившим мир кризисом, в яму которого попали почти двести стран. Поиск выхода из кризиса неизбежно обращает внимание к советскому опыту.

Лучше всех кризис проходят страны Азии — в первую очередь социалистические Китай, Вьетнам, это касается также Индии и некоторых других. У них есть общий знаменатель: более умное государственное регулирование, более эффективное управление и планирование, более социализированные программы бюджетной политики. Это как раз именно то, на чём во многом строилась политика нашей Советской страны.

Мне довелось изучать причины и следствия 12 кризисов капитализма за 150 лет его истории. Так вот, два последних общих системных кризиса закончились двумя мировыми войнами, в эпицентре которых оказалась наша страна. И она же по существу вытащила мир из этих кризисов, спасла человечество от катастрофы.

В первом случае имеется в виду Великий Октябрь и последовавшие за ним гениальные ленинские планы – ГОЭЛРО и НЭП. Советская цивилизация базировалась на

всём мировом культурном наследии, она впитала всё лучшее, что было выработано мыслью человечества, и прежде всего вывод Маркса о том, что капитализм обречён на периодические кризисы, войны, насилие и дикую эксплуатацию. Он неизбежно должен быть сменён новым строем – социализмом.

Из второго системного кризиса мир вытащила победа над гитлеровским фашизмом при решающей роли Советского Союза. Это стало возможным уже благодаря сталинской модернизации страны, включившей в себя индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию.

После этой губительной войны мы сумели не только за короткий срок восстановить порушенное, но и первыми прорваться в космос. Это стало свидетельством наивысшего достижения советской цивилизации, концентрированным выражением её преимуществ и приоритетов. Напомню такой факт. На Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году самым посещаемым был наш павильон. И это можно было тоже назвать своего рода торжеством советской цивилизации. Золотой медалью там была отмечена наша машина «Газ-21» (первая «Волга»), признанная лучшей легковой автомашиной мира. Золотой медали удостоился и первый в мире самоходный комбайн, созданный на Ростсельмаше. Кроме того, демонстрировались модель первой атомной электростанции и первый искусственный спутник Земли, вокруг которого в восхищении ходили все посетители выставки.

Мы имели основания гордиться прошлым и приумножать достигнутое. Шутка ли сказать, то, что и по сей день держит на плаву правительство Медведева-Путина, создавалось в советскую эпоху. Всё без исключения! Ни одного современного наукоёмкого предприятия они не построили, а угробили почти 70 тысяч производств.

Суммируя вышесказанное, следует отметить: советская цивилизация соединила творческий порыв масс, политический гений Ленина и победу Великого Октября, сталинскую модернизацию и трудовой подвиг народов нашей страны. Мы стали первопроходцами новой, справедливой жизни для всех трудящихся, стали примером для всего мира и спасли человечество от третьей мировой войны.

Но, как только идеалы советской цивилизации – уважение к труду, дружба народов, гуманистическая роль государства и другие – были преданы, так всё и посыпалось.

Сегодня мы, патриоты России, считаем себя продолжателями лучших русских и советских традиций. Наступает новая эпоха, когда планета на глазах краснеет и левеет. Нам предстоит огромная по масштабам борьба за возвращение нашей страны на социалистический путь развития. Но для этого мы не должны позволить разного рода добродетям разбить скрепы, соединяющие в одно целое русскую-советскую цивилизацию – основу величия и могущества нашей державы.

И я рад, что в первых шеренгах борцов за единую и социалистическую Россию выступает ваш журнал с гордым и ёмким названием «Великороссь».

ПОЭЗИЯ

*Владимир Фёдорович Шугля – почётный консул
Республики Беларусь в Тюменской области.*

Владимир ШУГЛЯ

Очнись, душа!..

Шепни мне, сердце, что устало,
Что дальше жить со мной нельзя,
Что от вокзала до вокзала
Не жизнь... Что всё проходит зря.

Что жить, как все, я не умею,
Покой души не берегу,
Несусь потоком, ветром вею...
А надо бы – на берегу...

В ответ – стук сердца под рукою,
И сбои ритма, как слова:
А по-другому разве стоит?
Жизнь, что разлил реки весной...
Нет стрелы – жизнь твоя мертва.

Вдруг солнце сквозь тучи –
весны островок –
Зарёй растворило над городом смог.
Лучами улыбка – зима, не зима, –
Нежданностью тёплой пьянит без вина.

Кресты засияли красавиц-церквей...
В забытые грёзы летит снеговой.
На окнах слезинок резная печаль,
Зеркально блистает небесная даль.

... Но гаснет лучистых небес островок,
Вновь сонное утро и хмурый восток...
Так в сердце блеснёт вдруг, себя не тая,
Улыбка любви среди туч бытия.

Словно капельки слёз –
Ещё звёзды над нами...
Края солнечный плёс
На востоке, как знамя,
В затухании звёзд
Бьёт лучами-крылами.
И незрячая плоть,
И забытый скворечник.
Ждёт на небе Господь...
Ждёт прощенья грешник...

Крутится времени мельница,
Вечности льётся вода...
Сердцу по-прежнему верится
В то, что не молвят уста...

Где же вы, полосы белые?!
Плевелы стали зерном,
Вёсен подснежники светлые
Сгинут под горьким дождём...

Но не проклятья мы выхрипим –
Веру с любовью возьмём,
Души очистим и высветим
Вечным, небесным огнём.

Пусть мы у Века последние,
Пусть нас осталось чуть-чуть –
Входим в столетье соседнее,
Не растеряв свою суть...

Мы как и прежде – передние! –
В Млечный уносимся Путь...

Ты спишь?! Уже давно пора...
А я всё нет и нет...
И в ожидании утра
В душе не гаснет свет.

Ночные тайны за окном
Да перестук колёс...
И кажется волшебным сном
Покой ночных берёз.

Тревожит душу в темноте
Мельканье фонарей.
И боль струится по воде,
Других более острей...

Беззвучно мчит в небеса,
Летит к тебе мой зов!
И ты уже во сне без сна
Мне отдаёшь любовь...

Хотелось, как лучше – опять как всегда,
И поздним раскаяньем – дней череда...

По-прежнему сотни вопросов к себе –
По-прежнему совесть и грешность в судьбе.

По-прежнему тропка ведёт в никуда...
По-прежнему сердце, как место суда.

Душевный стон в секундах и минутах,
Желаний – нет, покоя – тоже нет.
И нить судьбы, как тонкой сети путы...
Не половодье чувств, а в сердце смуту
Несёт душе похмелье горьких лет...

Очнись, душа! С судьбой тебе подвластной
Вставай скорей на вещий путь зерна –
Верни любовь... Всё в мире не напрасно,
Коль ты ежеминутно, ежечасно
Творишь её... Тебя ж – творит она ...

Отец нам строил дом,
Мне было восемь.
Всё сам... Своим трудом –
Семь зим и вёсен.

Дом рос... А с ним и я
Из сини в просинь.
Ложилась колея
На дни-колосья.

И белых яблонь сад
Вёл в поднебесье...
Цветочный аромат
Струился песней.

И правдою поил
Родник деревню.
Душе давали сил
Поля... Деревья...

... За поворотом – брод,
Лес в птичьих гнёздах.
И мама в дом зовёт,
И небо в звёздах...

Куда бы ни поехал,
Куда бы ни пошёл,
Она явит, как веху,
К виску прижатый ствол.

Что ей мои заботы!
Вселенский в ней размах,
Космические оды
В планетных, синих снах.

Но все её просторы,
Где б ни был – наяву.
Как свет... Как поезд скорый,
Что мчится в синеву.
Дышу ей и живу...
Родина...

Словно русское застолье
Снега вьюжная любовь...
Всюду зимнее приволье,
Сосны и рябины кровь.

Слышны ветра переплясы,
Словно шум хмельных гостей...
Песни леса, вихрей ласки –
Тост небесный для полей.

... Стихнет день. Его похмелье
Чуть луна посеребрит...
Позабудется веселье.
Тишина... Природа спит.

В сердце хруст шагов морозный,
В дымке далей – горизонт...
Белый край снежинок звёздных!
Ты и явь... И дивный сон.

Что там дальше за краем,
где солнце не в счёт,
За околицей в звёздах?
Мне оттуда свет в сердце
невидимый бьёт
И пьянит собой воздух.

Кто-то тянет за душу
«незнамо куда»,
В неизвестность – дорога.
И мои не по рельсам
бегут поезда,
А иначе – убого.

Среди туч в вышине –
вместо меркнущих звёзд –
Белый свет маячковый,
И дорога домой,
и рассыпчатость рос...
Я, как голубь почтовый...

Этот свет, словно храм,
над моей головой
Купол неба смыкает
И незримо ведёт,
как слепца, за собой,
Брызги солнца роняя...

Не брать чужого, не лукавить,
Кусок последний разделить...
И вдруг с самим собой не сладить,
За всё душою заплатить.

И ночь пустить, как тьму, в день летний
В себя... Слепым на мир глядеть...
И каждый день, как час последний,
Встречать... Покоя не иметь...

Где стан твой, друже, горделивый?!
Глаза пусты... А в лике стынь.
Мелодий грустных переливы...
Мой друг...
Один...
Совсем один...

В душах – плесень, в душах – гнилость,
Дни – как сырости пора.
В душах серая немилость,
Звон в них злата-серебра.

В них гламур и зов картинный,
Серых чувств ложится след...
И укутал «серый иней»
Все мечты... Надежды свет.

Слава Богу! Солнце ныне...
Снег, как тихий звёздный плач.
Снова день безумно синий,
Я сегодня снова зряч...

Блестит солнечный амвон,
И свету в небе тесно...
Вдруг гром... Гроза... И тёмный фон
Стеною встал отвесной.

Упал на землю серый дождь,
Путь в лужах пузыристых...
Как будто в тучах сам Господь
Грехи земные чистит.

... Алеют неба кровь и пот –
Без неба свет томится.
Земная рвётся к свету плоть,
За облака стремится...

Цвета и полутоны
Бывают у людей...
Но цвет хамелеонный –
Иных цветов страшней...

Меняют шкурки... шкуры,
Своим чтобы прослыть.
Скелеты и фигуры...
А в душах – волчья сыть.

Вальсируют паркетно
И свой теряют цвет...
Мечтают жить безбедно...
А счастье-то... из бед!

Со всех сторон, как дятел, долбит –
Трындит-вопит телеэкрэн.
Включаю... слышу: «Жуйте “Орбит”...
Убили здесь... Взорвали там...»

Не уставая, крутят фильмы,
Где кровь и происки врагов,
Где пир чумной и звон могильный...
И судеб повреждённый кров.

В руках безродных симулянтов
Неправедности лживый перст,
Но отсвет правды бриллиантов
И честь возносит русский крест...

Ушедший век принёс потери –
Смятенье душ, смертей гряда.
Как солнце вспыхнет в правду вера
Во время Страшного суда...

Русский коммунизм

В ходе перестройки и реформы в нашем общественном сознании был создан хаос, который превратился в особый порядок, называемый Смутой. И кризис, и хаос, и смуты – важные состояния общества, как и болезни у человека, они изучаются наукой.

Смута – это «система порочных кругов», историческая ловушка, из которой народу трудно выбраться. Свойством этого состояния является утрата способности к рефлексии – анализу предыдущих состояний. Это мешает понять происходящее (оно ведь «вырастает» из прошлого), а затем – и предвидеть будущее. Иными словами, не даёт различить те возможные пути в будущее, которые идут от нынешнего перекрёстка. Это трагедия: представьте себе «витязя на распутье», который от камня не видит никаких путей.

Здесь речь пойдёт лишь об одном провале в нашем сознании – Смута как будто проглотила целый кусок той мировоззренческой матрицы, на которой и был собран наш народ. XX век – это несколько исторических периодов в жизни России, периодов критических. Суть каждого из них была в столкновении противоборствующих сил, созревающих в течение веков. В разных формах эти силы будут определять и нашу судьбу в XXI веке. Но весь XX век Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, называемой русский коммунизм. Знать её суть необходимо всем, кто собирается жить в России, а уж тем более тем, кто желает Россию укреплять. Блок этого знания и вышибли из нашего разума за последние 20 лет.

Это была одна из главных операций психологической войны против России, начатая в 70-е годы. В 80-е годы в неё включились отечественные силы, в том числе и «патриоты», а потом и государство. В самые последние годы государство перешло к обороне, но очень вялой – его «личный состав» тоже контужен. Вся история советского проекта стала для нас чёрной дырой (или «чёрным ящиком»), а мы все стали «людьми ниоткуда» по кличке «постсоветские».

В результате трезвое знание о русском коммунизме имеют именно враги России, а те, которым без России не жить, воюют друг с другом из-за призраков. Одни не желают никакого трезвого знания потому, что возненавидели «коммунак», другие потому, что не могут отвлекаться от защиты светлых идеалов коммунизма. И те, и другие остаются слепыми – бродят по исторической ловушке и тянут назад тех, кто пытается выбраться.

Сергей Георгиевич Кара-Мурза – родился 23 января 1939 г. в Москве. Советский и российский учёный, химик по образованию. Доктор химических наук. Профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, социолог, политолог, публицист. Член Союза писателей России. Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Член Экспертного совета «Политического журнала». Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники. Профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ.

Живёт в Москве.

В лучшем положении сейчас студенты. «Битвы призраков» их затронули меньше, они более открыты непредвзятому знанию. Оно для них – прагматическая ценность. Я выскажусь, имея в виду именно такого читателя.

Русский коммунизм – сплетение очень разных течений, необходимых, но в какие-то моменты враждебных друг другу. Советское обществоведение дало нам облегчённую модель этого явления, почти пустышку. До войны иначе и нельзя было, а потом Хрущёв искажал картину из своих фракционных интересов. При Брежневе верхушка была не на высоте задачи, да и уже заблокирована интеллектуалами с «новым мышлением». Они ещё оставались коммунистами, но уже «евро». Главные вещи мы начали изучать и понимать в ходе катастрофы – глядя на те точки, по которым бьют.

В самой грубой форме я представляю русский коммунизм как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905-1907 гг. и стали единым целым перед войной (а если заострять, то после 1938 г.) Первый блок – то, что Макс Вебер назвал «крестьянский общинный коммунизм». Второй – русская социалистическая мысль, которая к началу XX в. взяла как свою идеологию марксизм, но им было прикрыто наследие всех русских проектов модернизации, начиная с Ивана IV.

Оба эти блока были частями русской культуры и имели традиции, о которых много написано. Оба имели сильные религиозные компоненты. Общинный коммунизм питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью, со многими ересями, имел идеалом град Китеж («Царство Божье на земле»), у социалистов – идеал прогресса и гуманизм, доходящий до человекобожия. Революция 1905 г. – дело общинного коммунизма, почти без влияния второго блока. Зеркало её – Лев Толстой. После неё произошёл раскол у марксистов, и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда «союз рабочего класса и крестьянства», ересь для марксизма. Возник большевизм, первый эшелон русского коммунизма. Раскол социалистов в конце привел к Гражданской войне, все «западники» объединились (под рукой самого Запада) против большевиков-«азиатов».

Во время Гражданской войны крестьяне ещё различали большевиков и коммунистов (как русских и евреев). Это показано в фильме «Чапаев», но раньше мы не понимали смысла вопроса: «Василий Иванович, ты за кого – за большевиков али за коммунистов?» Фурманов понимал. После Гражданки демобилизовался миллион младших и средних командиров из деревень и малых городов – «красносотенцы». Они заполнили госаппарат, рабфаки и университеты, послужили опорой сталинизма. Конфликт между «почвенной» и «космополитической» частями коммунизма кончился кровавыми репрессиями, тонкая прослойка «космополитов» была почти сожрана, с огромными потерями для страны. Но в благополучный сытый период 70-80-х годов возродилась уже как сознательный враг – и взяла реванш. Теперь в основном в виде «оборотней» типа Гайдара.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц, было в российском обществе уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имел – ни народники (и их наследники эсеры), ни либералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консерваторы-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно). В то же время, большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданки видные кадры из всех них включились в советское строительство.

Какие главные задачи, важные для судьбы России, смог решить русский коммунизм? Что из этих решений необратимо, а в чём 90-е годы пресекали этот корень? Что из разработок коммунистов будет использовано в будущем? Тут и нужен трезвый анализ. Главное я вижу так.

Большевизм преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Это произошло в советском проекте, где удалось произвести синтез космического чувства русских крестьян с идеалами Просвещения и прогресса. Это – исключительно сложная задача, и сегодня, разбирая её суть, поражаешься тому, как это удалось сделать. Японцам это было сделать гораздо проще, а уже Китай очень многое почерпнул из опыта большевиков.

Н.И. Махно

П.А. Столыпин

Если брать шире, то большевики выдвинули большой проект модернизации России, но, в отличие от Петра и Столыпина, не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на её главные культурные ресурсы. Прежде всего, на культурные ресурсы русской общины, о чём мечтали народники. Этот проект был в главных своих чертах реализован – в виде индустриализации и модернизации деревни, культурной революции и создания специфической системы народного образования, своеобразной научной системы и армии. Тем «подкожным жиром», который был накоплен в этом проекте, мы питаемся до сих пор. А главное, будем питаться и в будущем – если ума хватит. Пока что другого источника не просматривается (нефть и газ – из того же «жира»).

Сразу выскажу своё убеждение в том, что проект реформ, предполагающий опору только на структуры западного типа (гражданское общество и рынок), обречён у нас на провал. Если у реформаторов будет достаточно сил, чтобы держать традиционную культуру в хрипящем полузадушенном состоянии, то Россия как цивилизация и как большая страна будет ликвидирована. По крайней мере, на обозримое будущее. Только Запад смог осуществить проект развития, порвав с традиционным обществом, но лишь потому, что длительное время мог изымать огромные средства из колоний, а потом уже собирать со всех дань как технологический лидер. Россия такой возможности не имела и не получит.

Второе, чего смогли добиться большевики своим синтезом, это на целый (хотя и короткий) исторический период нейтрализовать западную русофобию и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920 по конец 60-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передышку. Россия в облике СССР стала сверхдержавой, а русские – полноправной нацией. О значении этого перелома писали и западные, и русские философы, очень важные уроки извлёк из него первый президент Китая Сунь Ятсен и положил их в основу большого проекта, который успешно выполняется.

Из современных мыслителей об этом хорошо сказал А.С. Панарин: «Русский коммунизм по-своему блестяще решил эту проблему. С одной стороны, он наделил Россию колоссальным «символическим капиталом» в глазах левых сил Запада – тех самых, что тогда осуществляли неформальную, но непреодолимую власть над умами – власть символическую.

Русский коммунизм осуществил на глазах у всего мира антропологическую метаморфозу: русского национального типа, с бородой и в одежде «а la cosack», вызывающего у западного обывателя впечатление «дурной азиатской экзотики», он превратил в типа узнаваемого и высокочтимого: «передового пролетария». Этот передовой пролетарий получил платформы для равноправного диалога с Западом, причём на одном и том же языке «передового учения». Превратившись из экзотического национального типа в «общечеловечески приятного» пролетария, русский человек стал партнёром в стратегическом «переговорном процессе», касающемся поиска действительно назревших, epochальных альтернатив».

Надо сказать, что сейчас, всеми своими телодвижениями демонстрируя свою лояльность Западу, мы получаем в ответ не знаки уважения и любви, а более или менее вежливое презрение. Очень там тонка прослойка дальновидных людей, которые понимают значение России и ценят её независимо от конъюнктуры, даже «всеми плюнутую».

Третья задача, которую решили большевики и масштаб которой мы только сейчас начинаем понимать, состоит в том, что они нашли способ «пересобрать» русский народ, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе – как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение – после того, как опыт второй половины XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Как только I Мировая война погрузила в кризис сословное общество и монархию России, национализм развалил Империю. Либералы Временного правительства ему помогали. Белые пытались бороться под флагом Реставрации и, по словам историка, «напоролись на национализм и истекли кровью». А коммунисты нейтрализовали этнические элиты своим предложением собраться всем народам в «республику Советов». И Красная армия везде принималась как своя, нигде националисты не смогли представить её как иностранную. Этнический национализм элиты нерусских народов России был загнан в бутылку, где и сидел, пока его не выпустил Горбачёв, добивший русский коммунизм изнутри.

Но в решении этой задачи ещё важнее было снова собрать русских в имперский (теперь «державный») народ. Этот народ упорно «демонтировали» начиная с середины XIX века – и сама российская элита, перешедшая от «народопоклонства» к «народоненавистничеству», и Запад, справедливо видевший в русском народе «всемирного подпольщика» с мессианской идеей, и западническая российская интеллигенция. Слава Богу, что сильна была крестьянская община, и она сама, вопреки всем этим силам, начала сборку народа на новой матрице. Матрица эта (представление о благой жизни) изложена в тысячах наказов и приговоров сельских сходов 1905-1907 гг., составленных и подписанных крестьянами России. И слава Богу, что нашлось развитое политическое движение, которое от марксизма и перешло на эту матрицу («платформу»). Так и возник русский коммунизм. Это был случай, о котором Брехт сказал: «Ведомые ведут ведущих».

Сейчас духовные потомки тех, кто тогда пошёл наперекор «ведомым», вроде бы взяли реванш – ну и в каком состоянии оказался народ? Но это другая история, а тогда сборка народа была совершена быстро и на высшем уровне качества. Так, что Запад

Сунь Ятсен

этого не мог и ожидать – в 1941 г. его Нашествие встретил не «колосс на глиняных ногах», а многомиллионная образованная и здоровая молодёжь с высочайшим уровнем самоуважения и ответственности. Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ в 30-40-е годы, «ведомый» русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

Это уже частность, но ведь факт, что русский коммунизм доработал ту модель государственности, которая была необходима для России в новых, труднейших условиях XX века. Основные её контуры задала та же общинная мысль («Вся власть Советам»), но в этом крестьянском самодержавии было слишком много анархизма, и мириады Советов надо было стянуть в мобильное современное государство. Это и сделали коммунисты, и это была творческая работа высшего класса. Как глупо сегодня забывать этот опыт!

Четвёртую задачу, которую решил русский коммунизм (именно в его двуединой сущности), назову совсем кратко. Он спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать индустриальной и научной державой и в исторически невероятно короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри неё» – как не думаем о воздухе, которым дышим (пока нас не взяла за горло чья-то мерзкая рука).

На деле все эти большие системы «советского типа» – замечательное творческое достижение нашего народа. В их создании было много блестящих открытий и прозрений, во всех них есть что-то от автомата Калашникова – гениальная простота и красота. Замечательные, великолепные создания – советская школа и наука, советское здравоохранение и советская армия, советское промышленное предприятие с его трудовым коллективом и детским садом и советская колхозная деревня, советское тепло-снабжение и Единая энергетическая система.

Всё это за последние двадцать лет обогнали и исковеркали. Для уничтожения «империи зла» это было необходимо. Но едва ли не самая главная для нас часть этого злодеяния заключается в том, что молодёжь отвратили от знания о том, как всё это работает. А ведь страшная истина заключается в том, что иных, «антисоветских» больших систем построить уже не удастся. Место занято! Можно изуродовать РАО ЕЭС или даже уничтожить её, но построить иную, «западного» типа, уже не выйдет. Как мы видим, можно уничтожить советскую науку, но планы создания какой-то иной науки поражают своим ничтожеством, как будто в наказание кто-то с неба щёлкнул разрушителей по лбу.

Все мы – наследники русского коммунизма, никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. И всё же, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от него. Я смотрю на это с горечью, и дело не в политике. Сегодня отворачиваться от этого знания глупо, а завтра будет уже убийственно.

ПОЭЗИЯ

Нина ПОПОВА

Нина Викторовна Попова – поэтесса, член Союза писателей России и Академии российской литературы. Окончила Московский полиграфический институт им. Прянишникова, сейчас является слушателем Высших литературных курсов (семинар поэзии В.В. Сорокина). Автор книг поэзии «В душе несём мы прожитого след...», «На Земле всё Любовью согрето!» (книга-дипломант конкурса «Лучшая книга 2008-2011») и музыкально-поэтического альбома «Я научу слова летать...», опубликовалась в поэтических сборниках и литературных альманахах. Лауреат литературных премий им. С.Я. Маршака, С.А. Есенина, М.Ю. Лермонтова. Любит путешествовать и участвовать в различных экспедициях.

Живёт в Москве.

На перекрестье северных ветров...

Опять в окно дожди стучат,
И пахнут яблоки в кошёлке,
А кошка рыженьких котят
Всё лижет ласково по шерстке.

И тянет дымом со двора.
И отчего-то – тёплым хлебом.
Ноябрь кончается... Пора
Лечь декабрю на землю снегом.

Я стою на холме...
Дышит травами ночь,
Дремлет степь в тишине,
Звук уносится прочь.
Льёт луна на ковыль
Легкий прозрачный свет,
Сеет звёздную пыль
И частички комет.

Закат

Закат над рекой,
Тишина и покой,
Бесшумно плывут облака,
А водная гладь
Готовится спать,
Прозрачна она и легка.

Теченье бежит
И рябью дрожит,
Кольшется, как кружева.
И в этой тиши
Есть всё для души,
И лишними будут слова.

Синяя калиточка

Синяя калиточка,
Дворик старый мой,
По заросшим плиточкам
Я вернусь домой...

Ждет меня, горюнится,
Вишня у крыльца.
Приютила, умница,
В веточках скворца.

Чтобы пел мне скворушка
Как давным-давно,
Чтоб светило солнышко
Ласково в окно.

Гнездо моей памяти

Всё так же ходики стучат,
Скрипит протяжно половица,
И фотографии молчат,
А с них глядят родные лица.

Салфетка на резном столе
И тканый коврик у порога,
Икона в тусклом серебре...
Тут началась моя дорога.

И здесь исток моей реки,
Где памяти гнездо хранится,
И бьются рода родники,
И хочется из них напиться.

Закрутило, завертело
Вдруг судьбы веретено!
Я-то думала, отпела,
Отплясала я давно.

Я грустила, что снежинки
Заплелись в мою косу,
Что моей-то половинки
Не найти в людском лесу...

Но какой-то жаркой силой,
То ль на радость, то ль беду,
Вдруг согрелся дом остывший,
И растаял снег в саду.

И душа тепла вдохнула,
И шепнула мне: – Живи!
А всего-то заглянула
Я в глаза своей любви.

Стустились сумерки за окнами,
Макнул перо в чернила вечер,
И дня прошедшего уроками
Листок судьбы моей отмечен.

Проникну в строк переплетение,
Найду сокрытую в них завязь,
Где зреет будущее Время,
Сквозь день ушедший прорезаясь...

Как давно к тебе не прикасалась.
Как давно не видела тебя.
Серых дней поникшая усталость
Сторожит, не грея, не любя.

Неожиданное наше столкновенье,
Незаслуженный, быть может, миг...
Дарит нам судьба ещё мгновенье –
Лишь одно мгновенье на двоих!

Встрепенулась память, оживая,
И напомнила слова твои,
Их частичка, искорка любая
Расцветёт подснежником любви!

Свет окна в полумраке разлуки,
И размытый уже силуэт.
Исчезают привычные звуки,
Превращается в соло дуэт.

Отпечатки ушедшего счастья,
Аромат улетевшей любви.
Пожелтевшие листья. Ненастье.
Неуют приоткрытой двери.

И молчащая ночь телефона,
И пробел одинокого дня,
И прощальное эхо перрона,
И вагон, что увозит меня.

Беломорье

Когда проблемы вымесят как тесто,
Закрутят и усталость, и дела,
Спасает меня, друг, одно лишь место –
Спасают Беломорья острова...

На Беломорских сказочных просторах,
На перекрестье северных ветров,
Без суеты и лишних разговоров,
Я нахожу приют себе и кров.

Не гаснут дни здесь в перламутре лета,
Шаманит ночь полярная зимы,
Космическим наполненная светом,
Мистерией вселенской тишины.

Моей душе легко здесь и просторно.
Находит сердце нужные слова...
Не манит океан и воздух горный –
Зовут меня на Север острова!

Закатным солнцем крест позолочён
На скромной маковке церквушки деревенской,
И над рекой и полем вознесён
Какой-то благодатью вневселенской.

И словно мёдом выкрашенный сруб
Зовёт зайти в распахнутые двери,
Где пахнет ладаном столетний дуб,
Где хочется надеяться и верить...

Мне дарили рассветы чужие моря,
Я прощалась со звёздами, что остывали,
Но карибские звёзды, подняв якоря,
Каравеллами грёз в моё сердце вплывали...

Там звезда за звездой нашли свой причал,
Опустив для меня иллюзорные трапы.
И горит в моём сердце их звёздный накал,
И далёких Вселенных мерцают агаты.

По Млечной дороге во сне я иду –
Когда-то я здесь потеряла Судьбу.
В прозрачной ночи на звезде голубой,
Быть может, мой ангел, вновь встречу с тобой...

Аромат детства

Я детства аромат боюсь забыть,
Придумала себе простое средство –
Представила, что вдруг смогла купить
Билет на поезд, уносящий в детство.

И в подошедший призрачный экспресс
Я сяду среди сотен пассажиров,
И за окном мелькнёт уснувший лес,
И озеро, и дом, в котором жили.

Там было на завалинке тепло,
И грело солнце брёвнышек накаты,
И щурилось за ставнями стекло,
Баюкали спокойные закаты...

И было там такое всё моё,
Такое до травиночки знакомо,
Что до сих пор душа моя поёт
Мелодию родной земли и дома.

И попрощался день со мной

И попрощался день со мной,
И я с ним тоже попрощалась.
Осталась только с тишиной,
Со свежестью ночной осталась.

Роняя спелые плоды,
Мой сад заснул. Лишь ветер бродит:
В траве шуршат его следы,
Он что-то ищет, не находит.

Но будет мне луна светить,
И звёздочка скользнёт по краю,
Да будет иволга грустить,
А вот о чём – я не узнаю...

Солнышко и тучки – дождик льёт грибной.
Лужицы наполнились тёплой водой,
Небо отражают, словно зеркала,
Только из дождинок, а не из стекла.

Мысленно по лужам босиком бегу...
Жаль, взаправду сделать это не могу.
Но ведь как же хочется! Наплюю на всё!
Прыгну прямо в лужу, а потом... ещё!

Южная ночь

Уплывающий дым сигареты
И крадущийся тихо туман,
Засверкавшие звёзд самоцветы,
Серебристый от соли лиман.

И высокая крона платана,
И тепло неостывшей земли,
Бархатистые листья лианы,
Невысокие горы вдали.

Южной ночи дыханье степное
И в траве перезвоны цикад.
Утихающий шорох прибора,
Угасающий тихо закат...

ПРОЗА

Камиль ЗИГАНШИН

Свора

В один из долгих июльских вечеров волчья стая томилась на лесистом утёсе в ожидании сигнала разведчика. Над ней клубилась туча безжалостной, надоедливо-звенящей мошкары. Чтобы согнать наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник,

Наконец от подножья Южного хребта донёлся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим – «чую добычу». Спустя некоторое время, призывный вой вновь поплыл над тайгой, наводя на всё живое безотчётную тоску.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встретившихся хищников: «Слышим, жди!»

«Видящие» носом не хуже, чем глазами, волки заструсили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Вёл стаю матёрый волчище – Дед. Он даже издали заметно выделялся среди прочих более мощным загривком, широкой грудью с проседью по бокам.

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв выделенный запах добычи, перешли в намёт. Густой лес не замедлял их бег: подсобляя хвостом-правилком, они ловко маневрировали среди стволов и переплетений веток...

Горбоносый лось, дремавший в нише скалистого обрыва, заслышав вой, вскочил, беспокойно затоптался на месте. Увидев множество приближающихся из темноты огоньков, он понял, что схватки не избежать. Прижавшись задом к отвесной стене и опустив голову, вооружённую мощными рогами, бык приготовился к бою.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше всё должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность вцепиться ему в глотку, а остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгорячённый бегом и предвкушением горячей крови, Дед совершил ошибку: прыгнул на быка прямо с ходу, угодив под сокрушительный встречный удар – острое копыто проломило грудь. Зато подскочившие с боков волки сработали чётко и молниеносно: лось беспомощно осел на землю.

Камиль Фарухшинович Зиганшин – родился 15 марта 1950 г. в пос. Кандры Туймазинского района Башкирии в семье кадрового офицера. Детство и юность писателя прошли на Дальнем Востоке. Окончил Дальневосточный политехнический институт (1973). Работал в управлении связи АНК «Башнефть» ведущим инженером, начальником производственно-измерительной лаборатории. Затем руководил службой связи Минбыта Башкирии. С 1991 г. – директор МП «ЭХО». В 2003-2004 гг., будучи директором Уфимского филиала ОАО «Вымпелком», участвовал в открытии и развитии сети сотовой связи «Билайн GSM» в Башкортостане. С 2004 г. – генеральный директор предприятия связи «ШОК».

Живёт в Уфе.

Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник – Смелчак первым сомкнул мощные челюсти на горле поверженного быка и, дождавшись, когда тот, захлебываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на раненого Деда, Смелчак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил и его час! «Отныне я вожак!» – говорили его поза и грозный оскал.

Смелчак, выделяясь отвагой и силой, несомненно, являлся достойным приемником. Он был настолько ловок, что умудрялся прямо на ходу оторвать куски мяса от бегущей жертвы. А главное, обладал сверхъестественной способностью подчинять собратьев своей воле.

Воцарившись, новый вожак стал действовать по правилу – «как хочу, так и вору», поправ справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда. И волки безоговорочно подчинились Смелчаку. Это стало доставлять ему особое, ранее не веданное наслаждение – наслаждение властью.

Уступчивость стаи подпитывалась тем, что в первые годы правления Смелчака сложились очень благоприятные условия для сытной жизни. Оленей во Впадине расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их каждый день. Обильная добыча помогла упрочить владычество Смелчака и нескольких приближённых угодников: вокруг вожака образовалась как бы стая в стае.

Власть и превосходство над всеми довольно скоро растлили деспота. Предпочитая, чтобы, высунув языки, рыскали и охотились рядовые волки, Смелчак со свитой угодников выходили из-за деревьев только тогда, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу они отнимали её силой, но мало-помалу сами добытки свыклись с этим беспределом и, завершив набег, послушно отходили в сторону в ожидании своей очереди. Изредка, когда охота ожидалась необременительно-лёгкой, шайка Смелчака, чтобы размяться, тоже участвовала.

Питались звери так хорошо, что их шерсть приобрела особый блеск, от чего при свете луны казалась серебристо-белой. Ум и хитрость Смелчака позволяли успешно завершать все набеги, отличавшиеся, как правило, бессмысленной жестокостью. Возможность играючи, без усилий добывать поживу, привела к тому, что и остальные, доселе вроде нормальные волки, втянулись в этот дикий разбой.

Промышлявшие в этих местах охотники из староверческого села Варлаамовка стали то и дело наткаться в лесу на зарезанных, но не тронутых телят. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушённая потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она раскачивалась из стороны в сторону, как человек. Тяжко вздыхала, горестно поскуливала. Жаль было мамашу, и люди в сердцах проклинали серых, но в то же время полагали, что «на всё воля Божья».

Стая чувствовала себя хозяйкой всей Впадины и бесцеремонно промышляла даже возле селения: затравленные олени, ища защиты, всё ближе жались к нему.

Однажды олений табунок, в надежде, что волки не посмеют подойти к строениям вплотную, расположился на ночь прямо у бревенчатого частокола, окружавшего поселение. Не успели они задремать, как встревоженно захоркал бык-вожак. Напуганные животные вскочили, притиснулись друг к другу. Один из них, ни с того ни с сего начал вдруг с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались в безмолвный мрак, так и не смогли разглядеть ничего подозрительного. Тем временем рогач, взвизывая на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом смерти.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из тьмы леса со всех сторон, и вскоре табунок превратился в метущийся хаос: обезумевшие животные скидывались, падали, хрипели, захлебываясь кровью. Вся эта резня продолжалась не дольше десяти минут. Когда разбуженные лаем собак мужики уяснили, что происходит, и пальнули для острастки в черноту, всё уже закончилось.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясённые скитники окаменели. Казалось, что даже горы и те с немим укором взирали на столь бессмысленное побоище.

– Сие – проделки дьявола в волчьем обличии! Пора дать ему укорот! – воскликнул общинный староста.

Ещё до этой трагедии, время от времени изучая по следам жизнь стаи, первостатейный стрелок Колода – кряжистый бородач лет сорока, смекнул, что её верховодит умный и кровожадный зверь. Он был уверен, что если удастся выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, опытный промысловик не единожды выходил на место отдыха волков, но вожак – умная бестия, всегда ускользал со стаей раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Сам же Смелчак скрытно наблюдал за охотником довольно часто. Колода чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он скидывал ружьё, зверь успевал исчезнуть – словно растворялся в воздухе.

Кровожадность стаи так возмутила охотника, что он, не колеблясь, первым присоединился к праведному делу восстановления справедливости и покоя в окрестностях их селения, полагая, что всем миром удастся быстро избавиться от шайки серых разбойников.

Изучив район обитания стаи и определив наиболее часто посещаемые ею места, охотники устроили с вечера засады на всех возможных проходах.

Колоде с братом Матвеем достался караул возле ключа, отделявшего кедрч от осинника. Натеревшись хвоей, они сели в кустах, стараясь не смыкать глаз, держа ружья наготове. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, карабкался на косогор упитанный барсук. И только волков не было видно, хотя стая всё это время бродила здесь же, искусно минуя засады.

Среди ночи у Колоды однажды возникало ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не заметил Смелчака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним соперником и, развернувшись, увёл стаю в путанную сеть отрогов и распадков.

Последующие засады также не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с версту бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами вытащить стрелу, но рана была смертельной, и он вскоре окошел. Охотники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали – от волка исходила невыносимая вонь.

– Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, – удивился Матвей.

– А что ты хочешь? Они же слуги дьявола, – пояснил кто-то из стариков.

После потери собрата стая словно испарилась. Ставшие уже забывать о её существовании люди через несколько месяцев вновь были потрясены жестокой и бессмысленной резнёй: большинство зарезанных оленей лежало нетронутыми. Повторные облавы, пасти, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Предыдущие уроки явно не пропали даром. Поднаторевший Смелчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох.

Как-то раз, переплывая речку, Смелчак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору, Смелчак разжал зубы...

А однажды зимой серые, обежав в поисках оленей все окрестные горы, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: приученные к бдительности животные не позволяли приближаться. Догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной по насту!

Инстинкт подсказал Смелчаку, что стаю выдаёт резкий волчий запах. И тогда перед набегом звери, следуя примеру вожака, долго тёрлись о снег, политый мочой оленей и их свежий помёт. Эта немудрёная процедура позволила подойти к табуну настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогача. Стая попиrowала и залегла на долгожданый отдых. Случайно наткнувшись на место трапезы охотники вспугнули зверей. Обьеvшиеся волки убегали поначалу не торопясь,

грузно прыгая, но, когда меткий выстрел Колоды уложил одного из них, они изрыгнули съеденные куски мяса на снег и махом оторвались от преследователей. Одна из пушечных вдогонку пуль настигла отстававшего волка. Раненый зверь зашатался. Изнемогая, повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу смерти... Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда люди никогда не заходили: считали, что там обитает нечистая сила.

Колода, изучивший повадки стаи, уверовал, что их вожак и в самом деле порождение дьявола. Не мог же Господь наделить столь выдающимися способностями такую бездушную тварь!

Смельчак тоже хорошо знал своих гонителей. Особенно Колоду, чуя в нём сильного противника, тушуясь порой от его уверенного и проницательного взора. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он бесил Смельчака, но вместе с тем и непостижимым образом притягивал, порождая желание вновь схлестнуться, помериться силой.

Осмотрительно избегая прямой стычки, волк, дабы доказать своё превосходство, замыслил прикончить его верного товарища – ручную рысь по кличке Лютый. Маленьким, умирающим котёнком Колода подобрал его в лесу. Живя рядом с Колодой, рысёнок превратился в его самого преданного друга, понимавшего человека с полуслова. Да и сама стая давно точила клыки на независимого и изворотливого kota. Но котяра, в те дни, когда уходил из селения постраивать, спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре вскоре всё же представился.

По изменениям в следах Лютого серые поняли, что кот повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь на склоне отрога, она заметно прихрамывала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустились в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь помчалась к внушительному скалистому останцу. Бежала она с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрылённая доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти настигнутый кот успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Колода с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди молча посшибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого, хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли увечного, подошёл к другу. На дне пропасти лежали разбившиеся о камни окровавленные разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смельчак, повинувшись своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Колоду, спускавшегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата своры приближённых стала для Смельчака потрясением. Лишь на следующую день он вернулся в стаю, отдохавшую в глухом распадке. Волки дремали, блаженно развалившись в самых немислимых позах, в тени деревьев. Увидев Смельчака, они по привычке встали, но смотрели на него напряжённо, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобый. Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и открыто демонстрировал свое непочтение.

– Ну что, померяемся силой? Давай! Я готов! – говорил он всем своим видом.

Смельчак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни последних лет не прошёл даром: он утратил былую силу и ловкость. Однако, даже отдавая отчёт, что скорее всего уступит Широколобому, Смельчак не мог добровольно сдать власть – гордыня не позволяла.

Склонив голову набок, Широколобый настороженно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Взбешённый Смельчак подскочил к самозванцу. Соперники, ощерившись,

встали друг против друга, выражая решимость отстаивать право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, но звери с места не сходили. Наконец Широколобый, отступая назад, принудил Смельчака сделать бросок. А противник только и ждал этого – отпрянув в сторону, он неуловимым боковым ударом лапы сбил вожака с ног и, нависнув над ним, принялся остервенело трепать ненавистный загривок.

Смельчак вырвался, но сильно ударился головой о ствол берёзы и, метнувшись в чащу, умчался прочь. Ещё никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смельчак всё бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец он добрался до местности, где зияли тёмные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьём, а следы пребывания людей отсутствовали.

Постепенно Смельчак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стая Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, случайно столкнулась со Смельчаком. Волки с показательным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смельчак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к главенству, жаждой превзойти других, видеть такое нарочитое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненого супруга ни на шаг, а когда тот околел, ещё долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смельчак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот обнаружил падаль, и по его подсказке не гнушался сбегать подкрепиться даровым мясом.

Однажды, переев протухшего мяса, Смельчак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали – его тут же начинало рвать. Неспособный быстро бегать, он приуныл размеренно и упорно, с присущей волкам неутомимостью и упорством преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шёл и шёл, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось с перепугу, напрасно тратило силы, но постепенно шаг его тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовывал жертву, лишал последних сил. А Смельчака же близость добычи наоборот будоражила, придавала силы. Наконец наступал момент, когда до предела измотанное, загнанное животное, чуя неминуемость гибели, смирялось с уготованной участью и покорно останавливалось уже безучастное ко всему. И, когда Смельчак подходил к нему, как правило, даже не пыталось сопротивляться – расставалось с жизнью безропотно...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось уйти от его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смельчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролётные запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи*. Точно она! Брюхатая осторожно брела по перекату прямо на него. Волк слотнул слюну. От предвкушения возможности поесть свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смельчак уверенным прыжком оседлал её и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапности

* Период рождения телят у лосей растянут. Отёл, порой, случается в июне и даже в июле.

нападения корова, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой пополз к воде, а потрясённая мамаша удалилась в лесную чащу...

Выполняя просьбу отца-травозная, Колода, после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света Господня все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шёл по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихворнувшей матушке. Приседая на корточки, охотник, с именем Христовым да именем Пресвятой Богородицы, срывал ту траву аккуратно, чтобы не повредить корни.

Неожиданно Колода ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж холодок пробежал. Неужто Смелчак?! Он резко обернулся и вниз, у воды, увидел невзрачного, всклокоченного волка, но глаза, вернее один полуоткрытый глаз, сразу выдал его – точно, Смелчак!

– Вот это встреча! Так ты, старый вурдалак, оказывается, жив?! – воскликнул человек.

Зверь вздрогнул и ещё сильнее прижал к загривку уши. В его взгляде засквозили испуг, тоска, чувство полной беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились – то ли от жалости к самому себе, то ли от того, что было трудно смириться с бесславной участью обречённой жертвы.

А охотник смотрел на старого поседевшего зверя сочувственно, можно сказать, с грустью. Смелчак отвёл глаз, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Колоды вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворённость. Смелчак, словно почуяв перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

– Нечего плакаться, получил ты, браток, по заслугам.

Но просьба волка о пощаде и помощи была настолько откровенно выраженной, что охотник даже смутился. Он спрыгнул с обрыва на прибрежную косу и направился к Смелчаку. Тот в ужасе съёжился, дёрнул грязным, как дворовая метёлка, хвостом и как будто всхлипнул. Шумно вздохнул и замер.

– Не робей, лежачих не бью, – охотник склонился над зверем и... наткнулся на угасающий взгляд. Волк был мёртв...

Набрав травы, Колода вернулся в хижину и рассказал отцу о неожиданной встрече.

– Всё как у людей, – задумчиво растягивая слова, проговорил старик. – Кто затекает раскол, тот от него сам же и гибнет.

ПОЭЗИЯ

Вячеслав БОНДАРЕНКО

Вячеслав Васильевич Бондаренко – родился 9 мая 1974 г. в Риге. Автор 14 книг, изданных в России и Беларуси, в том числе кинороманов «Ликвидация» (2007) и «Кадетство» (2008), биографии поэта П.А. Вяземского в серии ЖЗЛ (2004, 2-е издание 2011), исторического исследования о Первой мировой войне в Беларуси «Утраченные победы Российской империи» (2010). Дипломант Всероссийской литературной премии «Эврика», номинант Всероссийской литературной премии имени Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Работает ведущим программ дирекции информационного вещания Второго национального телеканала ОНТ. Член Союзов писателей Беларуси и России.

Живёт в Минске.

Не нужно будет расставаться...

Трепещет слово на листке,
Старается остепениться,
Прижиться в выпуклой строке,
Со смыслом сумрачным сродниться.
И жаль его, но вечер нем,
И строфы морщатся, ты слышишь.
И чуть помедлишь перед тем,
Как приговор ему подпишешь.

Нет больше мыслей для любезной тени.
Размокла в луже тоненькая связь.
Я лишь набор – глаза, тоска, колени.
Нестойкими словами заслонясь
От времени, слепой овчарки Божьей,
Что зубы, улыбаясь, кажет мне,
Стою, дрожа, в прокуренной прихожей,
Где лишь клопы да предки на стене.

Река, суровая как осень,
Неспешная как ход часов...
На берегу немного сосен
Да неприветливый песок.
Что небо, что вода – едино:
Тяжёлый, твёрдый серый цвет.
Лишь бурые ошметки тины
Да бледной лилии просвет.

Всё совершенно, прочно, плотно.
 Всё на грядущие века.
 Как пыль на дедовских полотнах
 И Баха добрая рука.
 ...Так думал мальчик. Ну а ныне
 Не так он думает совсем.
 В чужой, оплавленной пустыне
 Почует он и глух, и нем.
 И что на месте рек вчерашних,
 И что там будет через день,
 И где приют его домашних –
 Какая, право, дребедень!
 Ни сил, ни слёз, ни постоянства,
 Ни благотворной седины –
 Лишь опалённые пространства
 Да скучные скупые сны.

Где век шумел и прадед правил,
 Там ныне зной и пустота.
 И жизнь свершается без правил,
 Безбожна, ветрена, проста.
 Ревут машины ночью лунной,
 Рожают бабы на полу,
 И голос черни многострунный
 Летит и падает во мглу.

Как-то иначе всё виделось.
 Мир набекренил фуражку.
 Волк ли навстречу иль сивый лось –
 Окна выходят на Пряжку.

Страсть притворилась куцею,
 Счастье помалу угасло...
 Слушай свою революцию,
 Ешь её с хлебом и маслом.

Хочется так, чтобы заново,
 Чтоб без мещанства, квартирки...
 А на поверку – Степановы,
 Васины, Петьки да Ирки.

Неба высокого хочется,
 Моря бездонного сразу...
 А на поверку – хохочется
 Воблам, ежам, дикобразам.

Выход?.. Конечно, имеется.
 Ключ на кушетку... И помер.
 Ты ведь успел, разумеется,
 Сдать ускользящий номер.

И полетел, успокоенный
 Общим бесщётным потоком.
 Просто обычным покойником,
 Неким Сан Санычем Блоком...

Кому какое дело, где сейчас
 Везёт перу, чернильнице, блокноту,
 Кого мутит гимноподобный глас,
 Кто взял свою томительную ноту.
 Ложись-ка лучше. Ночь невысока.
 Ещё луна не выбелила поле.
 Ещё нейдёт дрожащая строка
 К владельцу, полумёртвому от боли.

Папоротник ветхий у реки,
 Крупные хмельные мотыльки,
 Пыльные дорожки вдоль воды,
 Чьи-то торопливые следы,
 Кто-то плавал, кто-то утонул,
 Лебедь ему крылья протянул
 И увидел милые черты,
 И своей стыдился немоты.

Не нужно будет расставаться,
 Считать секунды, письма жечь;
 Лежит стремительная речь,
 Как в море врезанная пьядца,
 Всё золото, мрамор. Время с плеч;
 Тебе ли вечности бояться?

Изящество, природа, любованье,
 Как долго учишь пряный ваш язык,
 С каким трудом роняешь упованья
 На то, к чему полвека как привык,
 И начинаешь сразу векованье,
 И после просишь век почесть за миг.

Что за чудная картина:
Средь аттических руин
Розовеет сонатина,
Краше прочих сонатин.
Дочь искусного голландца,
Итальянца-гордеца,
Шведа, немца, иностранца,
Всех и сразу, без конца.
Чьи-то пальчики прилежно
Мнут пахучие смычки,
Повторяя неизбежно
Муки авторской руки:
Повороты, расстановки,
Щебетанья малышей –
Все приманки, все уловки
Для сиятельных ушей.
Посреди аллей тенистых
И блистательных затей –
Звук любезных атеистов,
Звук лохматых лебедей.

Заступница моя, весна,
Ну вырви что-нибудь достойное
Из переулочного сна,
Забудь про время беспокойное.

Ладони хрупкие втяни
В мои кошмарные усталости,
Освободи, ослобони,
Пока я сам, и не от старости.

Курил бы, а ведь не курю.
Старик напротив с лампой трудится.
Не зажигал и не сгорю –
К чему ещё такое чудится?..

Кто теперь пройдёт по мазуркам,
Ночью будет вновь считать до ста?..
Мартовское небо по мензуркам
Сретенка разлила неспроста.

Вкус дурной правительственной каши,
Злой гармошки мутные мехи...
Представляю, как пудовы наши
Легкие, минутные грехи.

Снег под утро не тает.
Отогнёшь пелерину –
Холодок проступает
Болевой и картинный.

На асфальте разводы
Без намёка на страсти.
Как войдёшь в переходы,
Так почудится «здрасте».

Голубей постоянство.
Их ворчащие нутра
Размыкают пространство,
Охладевшее к утру.

И, печально оскалась
От налогов к получке,
Видит дворник-китаец
Зарубежные тучки.

Забыл разлуку и перрон,
Глаза, которым слёзы любы.
Пустынный ветер Аквилон
Теперь овеивает губы

И выворачивает их,
И слово извлекает жарко...
Тропой проторенной жених
Грядёт в предчувствии подарка.

А не получится, так что ж?
Немало троп в пустыне тайной
Для тех, кто вовсе не похож,
Как прочерк молнии случайной...

Памяти Полины Вяземской

На луну загляделась Полина:
Всё ей жить девятнадцать часов.
Дальше – римская глупая глина,
Расставанье родных голосов.

Умереть не готова, так что же?
Ты же будешь, глупышка, жива.
Пусть тебя ожиданье не гложет,
Не болит от тоски голова.

Притворись, что уходишь навеки
От любимых родимых людей,
А сама – в золотистые реки,
В пятна пиний и рёв площадей,

В акварель, что в запасниках где-то,
В комментарии скуки и лжи...
Я сейчас поднесу тебе Леты,
Отопёшь и забудешь. Лежи.

Всё выстрадано в клетке под луной:
Зачатье, роды, колыбель и фея,
Но заправляет лунной тишиной
Не муза, но летучий смех Морфея.

И ты уснёшь. Но эти три часа
Потрать на эхо, сопряжённый случай,
Свяжи в снопы глухие голоса
И вновь порви, они не стали лучше.

Запахи, как в лондонском романе.
Звуки мух в загубленной росе.
Снова буквы, пошуршав, обманут.
Нет, придут, но не всегда, не все.

А нужна ватага буйных, юных,
По апрелю, в первом этаже,
Там, где что-то от наяд чугуновых
Уцелело в пьяном грабеже,

Там, где точит тоненький топорик
Гном вальжанный, важный домосед...
Утро затопило сонный дворик.
Модником зовёт меня сосед.

Не разобраться в сырости, тоске,
Не выправить усталыми руками –
Печальный иероглиф на виске,
Не надивиться скучными стихами, –

Но дверь увидеть в ноябре простом
И, разобравшись в сумраке глубоком,
В солёный хлад под вантовым мостом,
Где мы вдвоём, тихонечко, под боком.

Помни обо мне (фрагменты из повести)

Это – первое произведение юного автора, выходящее к читателю. Марии Алексеевой 13 лет, она ученица 7 класса. Серьёзно увлечена литературным творчеством, а также журналистикой. Больше всего автора, которой написано несколько прозаических произведений, волнует мир сверстников, психология отношений, зарождение первых чувств. Именно об этом её повесть «Помни обо мне». А ещё Маша хорошо поёт, играет на фортепиано, занимается английским и немецким языками. Конечно, большую роль в воспитании Маши, развитии её способностей сыграли родители. Мама, Елена Геннадьевна, филолог по образованию, окончила Минский государственный университет, а папа, Дмитрий Евгеньевич, по первому образованию физик, а по второму – экономист. В прошлом веке был спор физиков и лириков, а в нынешнем в семье Алексеевых царят любовь и взаимопонимание. Всё это благоприятно сказывается на воспитании и творчестве Марии. Хочется верить, что с первой публикацией Марии Алексеевой в журнале «Великороссь» начнётся её счастливый творческий путь.

Валентин Суховский – поэт и публицист, член Союза писателей России, Союза русских, белорусских и украинских писателей, лауреат литературной премии имени А. Фадеева, член-корреспондент Академии Российской словесности.

Мария Дмитриевна Алексеева – ученица 7 класса средней школы, занимается в Детской Академии Телевидения при Московском Институте Телевидения и Радиовещания «Останкино». Живёт в Москве.

Белая ворона

<...> Больше всего она старалась быть такой, как все. В наше время белые вороны не приветствуются, и обычно такие люди становятся жертвами травли в школе.

Хмурые москвичи лениво тащились сквозь пелену дождя. Вот пробежала семейка: женщина лет тридцати, мужчина примерно такого же возраста и маленькая девочка. Женщина бежала так быстро, что девочка со своим громадным портфелем (видимо, будущая перво-клашка) едва за ней успевала. А папаша нёс над своими дамами зонт, который от сильного ветра то и дело выворачивало наизнанку.

«О, вот и моя новая школа!», – подумала про себя Дина, идя сквозь толпу родителей и детей. Она искала свой 9 «А».

Наконец-то показалась табличка с долгожданной цифрой и буквой. Девушка улыбнулась, глубоко вдохнула и двинулась к своему классу.

– Кто? – Недовольно спросила учительница. Видно, на неё так влияла погода.

– Полянская Дина. Я новенькая. Я проходила тестирование в конце мая и поступила. Здравствуйте! – Отчеканила Дина.

– Угу! Здравствуй, Дина, – вздохнула учительница и резко повернулась направо, к Дине спиной. – Люся! Как поживает моя любимая ученица? Ты за лето ещё красивее стала! Прямо глаз не оторвать! А как загорела!

– Здравсте, Галина Михайловна. Я в Ниццу ездила с родителями, там и загорела, – сказала платиновая блондинка в супер-короткой чёрной юбке, белой блузке и на высоченных шпильках.

Длинные волосы украшал чёрно-белый обруч. В ушах были серебряные серьги-кольца, на шее серебряная цепочка с каким-то очень красивым камушком, похожим на бриллиант и пара колец на пальцах, сиявших от маникюра. Образ завершён «на отлично».

Дина восхищалась людьми, способными из обыденной чёрно-белой школьной формы сделать шедевр. Но сама она, увы, так не умела. Вот: чёрные брюки, белая рубашка – всё, на что она была способна <...>.

– А это ещё кто? – шёпотом спросила Люся свою подружку и стрельнула глазами в сторону Дины.

– А, Люсенька, это новая девица! – громко сказала девушка, отчего получила удар в бок от своей подруги и моментально стала говорить на тон ниже.

– Новая девица? Да уж... – Люся оценивающе оглядела с головы до ног Дину. – Всё очень запущенно...

– Конечно, Люсенька! Да она с тобой... Она с тобой... Она даже тягаться с тобой не имеет права! Да кто ты, а кто она! Тьфу! Небо и земля! Даже не земля, а какое-то под-земелье! – без остановки тараторила подружка.

– Не тебе мне об этом говорить, Света. Я и сама прекрасно это знаю, – обрезала её Люся.

Света немножко помрачнела. Дина прекрасно слышала их разговор и тоже расстроилась.

«Ничего. На этих двух мир не заканчивается!», – мысленно успокоила себя Дина и подошла к другой компании девочек, видимо, попроще.

– Привет! – сказала она.

Компания что-то сосредоточенно шёпотом начала обсуждать, делая вид, что не замечает девушку. Потом раздался громкий смешок и девочки, как одна, повернулись к Дине, натужно улыбаясь.

– Приве-е-ет! – протянула долговязая, прыщавая. – Я Настя.

– Я Люба, – сообщила очень толстая, вся в веснушках. – Ты Дина?

– Да, – ответила Дина.

– Мы можем стать твоими подругами! – сказала, ну, очень низкорослая. Её можно было принять не за девятиклассницу, а за четвероклашку. – Я Арина.

– О! А вот и Дима пришёл! – сказала прыщавая, указывая пальцем на ворота школы.

Дима – высокий блондин, в красивом белом костюме с чёрным платочком в кармашке на пиджаке и чёрных лакированных туфлях. Он подошёл к учительнице, вручил огромный букет красных роз. Затем Дима поцеловал Люсю, нежно её обнимая.

Девочки любовались красавцем Димой, потом с не меньшим восхищением повернулись к Андрею, одновременно глубоко вдохнули, тяжело выдохнули долгое «ах» и только тогда вернулись к Дине <...>.

– Ну, всё, ребята, все собрались. Идёмте в класс, – сказала учительница.

9 «А» лениво потащился в сторону школы, то и дело наступая друг другу на пятки.

<...> Запутавшись в своих мыслях, Дина отстала от своего класса. Когда она посмотрела вокруг, уже никого не было. Точнее, были, но не было её класса. Дина слегка испугалась. Школы она совсем не знала.

– Бу! – напугала её Арина из-за угла. – Чё ты тут делаешь?

– Ну не чай пью, точно! – ответила Дина.

– А-а-а... Потерялась, – Арина начала кого-то высматривать.

– Так ты pomoжешь мне найти класс? – спросила Дина.

– Что? – переспросила Арина.

– Я говорю, ты pomoжешь мне...

– Да, да, идём быстрее, чего стоишь?

Арина взяла под руку Дину, словно они были закадычными подругами, и повела по коридору. <...> Они то поднимались по лестнице, то опускались. Наконец Арина остановилась перед дверью в какой-то класс. Дверь не отличалась ничем, кроме поёртой таблички номера кабинета.

– Вот. Пришли. Ты пока заходи, а я пойду... поищу Настю! Да, да, Настю. Короче, я пошла, – сказала Арина и убежала за угол.

– Какая-то странная, – подумала Дина и зашла в кабинет.

В классе почему-то никого не оказалось. Совсем пусто. Только шторы развеваются на ветру – класс проветривался.

Дина уже собралась выйти, как услышала звонок.

<...> «Так вот чего они шептались! Строили мне козни!», – зло подумала Дина и начала метаться по всей школе в поисках класса.

<...> Дина уже отчаялась и только открыла очередную дверь, как увидела недовольное лицо Галины Михайловны.

– Полянская, почему опаздываешь? – спросила учительница.

– Я... Меня... Это они... – начала Дина.

– Ничего не хочу слышать! – учительница прямо перед Дининым носом выставила свою ладонь. – Садись! Вон туда, на последнюю парту!

Дина вяло пошла на предназначенную ей парту под аккомпанемент отрывистых смешков и любопытных взглядов. Её парта оказалась в так называемой «Мальчишеской зоне». Перед ней справа сидели парни и постоянно над чем-то смеялись.

<...> Галина Михайловна рассказывала о квадратичной функции. Само собой, её никто не слушал. На первой парте, под столом спрятали журнал COSMOPOLITAN Люся и Света. Они спокойно его читали. Тихоня-зануда Ира смотрела в окно со своей второй парты и периодически о чём-то тяжело вздыхала. Дима всё время, точно девочка, смотрел в зеркало, поправлял причёску и одёргивал костюм – чтобы не мялся. Вокруг Андрея Кайкова, естественно, царил веселье. Девочки с третьей парты – Настя и Арина – строили Андрею глазки. С четвёртой парты всё время свисала вперёд Люба, чтобы пошептать с подругами.

– Арина, зачем ты повела эту новую в такую чащу? – донесся до Дины шёпот. – Сама же чуть на урок не опоздала! А эта Дина по любому не нашла бы дорогу в класс – не важно откуда!

– Люба, не тупи! – шикнула на неё Арина. – Неужели ты не понимаешь, что она могла спросить у охранника, где кабинет наш, у проходящих учителей?! А я её завела в самый заброшенный корпус!

– Не, девочки, а вы слышали эту козу? Она хотела рассказать про нас в начале урока! – вмешалась Настя и злобно стрельнула глазами в сторону Дины.

– Коза-а-а-а... – эхом отдались Люба и Арина.

– Надо будет ей вставить мозги! – прошептала Настя и посмотрела на доску, чтобы хоть приблизительно понять, о чём идёт речь на уроке.

<...> Прозвенел звонок. Полянская кучей покидала вещи в рюкзак и направилась к выходу. Она успела только свернуть за угол, как что-то толкнуло её к стене и прижало с такой силой, что у Дины искры из глаз полетели.

– Ну что, милочка, ябедой решила стать? – прошипела Настя, смотря на Дину с такой яростью, какой Полянская никогда видела.

<...> – Да ты вообще знаешь, кто ты здесь? – сказала Люба. – Ты НИКТО! Ты ноль! Тебя никто не будет слушать и тебе никто не поверит...

– Да я и не собираюсь ничего рассказывать! – выкрикнула Дина.

– Вот и не вякай тут! Иначе мы тебе быстро наши законы растолкуем, усекала? – пригрозила Арина.

<...> Настя с силой, так что Дина упала на пол, толкнула Полянскую и, смеясь, пошла со своими подругами в кабинет биологии.

Остаток дня прошёл для Дины как в тумане – то ли это так подействовало сильное падение, то ли потрясение от всего вокруг происходящего. Она не то, что больше не хотела связываться с этими девицами – она вообще хотела сбежать из этой школы! Обратно в старую, родную, комфортную...

«Надо позвонить Маше», – подумала Дина, выходя из школы.

Дине было сейчас так тоскливо на душе, что надо было срочно рассказать об этом кому-нибудь. Кому же рассказывать, как не лучшей подруге из старой школы?

Дина автоматически набрала уже давно запомнившийся и родной номер. Стала лихорадочно считать гудки.

Раз...

Два...

Три...

– Алло! – Маша не заставила себя ждать. Её приятный голосок ответил уже на третьем гудке.

– Маша, привет! Это Дина.

– Привет! Как там у тебя дела? Как новая школа? Подружилась с кем-нибудь?

– Эх, Машуня, всё так паршиво...

Дина не договорила, потому что вдруг перед ней пронеслось что-то на огромной скорости, и она выронила телефон. Из телефона раздавалось Машино испуганное «Алло! Алло!», а это «что-то» остановилось в десяти метрах от Дины. И это оказался Андрей Кайков на скутере с двумя какими-то девушками из параллельного класса.

– Не, ну посмотрите! – сказал Андрей со скутера. – Идёт, триндит по телефону, ни фи́га не видит! Смотри хоть иногда по сторонам! <...>

Неожиданная встреча. Предательство подруги

<...> – Я пошла! – крикнула Дина в недра квартиры, взгромодила на плечо тяжёлый пакет и вышла к лифту.

Ждать долго.

«Зачем мне стоять? Вон, переобуюсь пока», – подумала Дина и вытряхнула содержимое пакета.

С грохотом вывалились ролики и наколенники. Дина уселась прямо на линолеум и начала натягивать на ноги своё добро.

В это время приехал лифт, и Дина, не застегнув до конца ролики, устремилась к нему. <...> Хорошо, что парк был относительно рядом.

По дороге к озеру Дина чуть не сбила мамашу с коляской, напугала девочку с двумя собаками на поводке и чуть не попала под проезжающий мимо велосипед.

Наконец девушка подъехала (если это можно так назвать) к озеру.

Она села на берег и захотела просто отдохнуть. Подумать. Подумать о своих новых одноклассниках. Надо было отобрать себе будущую подругу и будущий предмет симпатии.

<...> «Ну, хватит сидеть. Пора домой», – подумала девушка и поднялась с травы.

<...> Ничто не предвещало беды. Она спокойно ехала, но вдруг на её пути оказался камень, она оступилась и начала хвататься за всё, что под руку попадало.

Но это ещё ладно. Она всё время падает. Но беда была в том, что пока она искала спасение от падения, ухватила за локоть какого-то парня и повалила его вместе с собой на землю, предварительно отдавив ему ноги.

Всё произошло за считанные секунды, и Дина сначала даже не поняла, что случилось.

– Полянская, ты что, совсем уже ошалела?! – начал ругаться парень.

«Идёт, триндит по телефону, ни фи́га не видит...», – прозвучало в голове у Дины, и она приподняла наехавший на глаза шлем.

Парнем оказался Андрей Кайков.

– Нет, ну вообще страх потеряла! – продолжал Андрей. – Хватается за всех, с ног сносит! Не умеешь кататься, так не пугай народ!

– Я случайно, извини, – промямлила Дина, пытаюсь встать на ноги, то и дело падая опять на землю.

– Ох, задолбала ты, Полянская! Уже вижу, как сентябрьский номер газеты под заголовком «Монстр на колёсиках» расхватывают с прилавков!

Дина ничего не ответила. Кое-как встала и поехала домой, услышав за своей спиной смех парней.

«Ну вот, воскресенье – и то испортил! – подумала Дина, выезжая из парка. – Хотя, в чём-то он прав. Я действительно плохо катаюсь <...>»

Настроение снова было испорчено. И ей снова надо было позвонить Маше. Выплеснуть энергию. Высказаться. Она только с ней могла это сделать. Был один раз случай, когда они ещё учились в далёком шестом классе. Дине тогда понравился один мальчик, новенький, и она попросила совета у Маши, как заполнить его сердце.

– Вот, – Маша выставила перед носом подруги какую-то скомканную, будто сто раз пожёванную, бумажку.

Бумажка была размера А4, яркая, с надписью большими буквами «Новогодняя Party. В актовом зале. Начало в 19.00. Приходите все, от шестого до девятого класса! На Новый год случаются чудеса!..»

– Ну и что это? – лениво спросила Дина.

– Я надеялась, что к шестому классу ты научилась читать! – съязвила Маша. – Ладно... Короче, ты пойдёшь со мной на эту вечеринку и очаруешь его.

– Ну что ж, попробуем! – развела руками Дина.

И когда настало время вечеринки, Дина с Машей выглядели просто сногшибательно. Дина, естественно, так выглядела благодаря чудодействиям Маши.

Объявили медленный танец. Тот новенький пригласил Машу, и та согласилась! У Дины просто не было слов. Она этого никак не ожидала! Она поспешила домой, подавленная и расстроенная. В то время, как вечеринка была в полном разгаре, Дина пила чай и смотрела телевизор. Ей на телефон пришло SMS от Маши:

«Ну и чего ты убежала? Я узнала у него про тебя. Он сказал, что ты... не в его вкусе. И сказал, что с тобой он когда-либо встречаться не будет. Ну и фи́га с ним! Забей! Приходи ко мне, киношку посмотрим! Мы с тобой парня тебе получше найдём!»

Маша любила писать не просто SMS, а целые послания. Судя по размеру сообщения, Маша, должно быть, ещё только приступала к описанию...

Дина по-настоящему поверила в крепкую дружбу. И по сей день они с Машей не разлей вода.

Дина набрала Машин номер и почему-то очень долго ждала ответа.

– Алло? – рассеянно спросила Маша.

Такого раньше никогда не было. Маша всегда с радостью отвечала, а теперь, словно не ждала её звонка.

– Маш, привет! Это Дина! Как дела?

– Эм-м-м... Нормально.

– А как жизнь там в нашей старой школе?

– Тоже норм.

Разговаривать становилось всё сложнее и сложнее. Машино равнодушие было очень неожиданным.

– Дин, ты чего звонила?

Это была последняя капля. Удар в спину.

– М-м-м, поговорить хотела...

– Я просто сейчас занята...

– Маш! Ну, ты где? Идём в Шоколадницу или как? – раздалось на заднем фоне.

– Да, Оль, сейчас иду! – ответила Маша звавшему её голосу.

– А кто там? – спросила Дина.

– Да так, девочка одна... М-м-м, Дин, я тебе потом перезвоню!

Короткие гудки.

Нет, Дина не была против того, чтобы Маша завела себе новых друзей. Но и про старых ведь забывать не надо. Они так долго дружили и теперь всё это вот так легко обрушится?.. <...>

ПОЭЗИЯ

Борис КАТКОВСКИЙ

БОРИС КАТКОВСКИЙ

Борис Борисович Катковский – поэт, бард, лауреат конкурсов военно-патриотической песни и декламации, песен о Москве, фестивалей авторской песни, международного поэтического конкурса «Классный час» (2010), лауреат литературно-общественной премии «Звёздная строфа» в рамках конкурса МГО СП России «Лучшая книга 2008-2011», диплома имени С.А. Есенина конкурса «Галерея избранного стихотворения» в номинации «Страна великая». Автор поэтических сборников «Старая колода» (2010), «Парный танец» (2011).

Живёт в Москве.

Колокольный звон не умолкает...

Колокольный звон не умолкает,
Крест купели на надёжном льду.
Я, наверняка, ко дну пойду,
Как снежинка мокрая – растаю...

Ветер слаб, но скручивает в дрожи,
Холод пробирает до костей.
Пострадал от трусости своей,
Как увядший лист – поплёк, скукожен.

Пусть свершится должное – мечтаю,
Шаг к воде в горячем бреду.
Крест купели на надёжном льду,
Колокольный звон не умолкает.

Окна построек покинутых, древних
(Ныне разжаловано до деревни –
Церкви лишилось село),
Слепо уткнулись в густеющий вечер.
Некому холить лучины и свечи,
Ламп не мерцает тепло.

Зябко телесно и ныне, и присно.
Зубы от дрожи до скрежета стиснув,
Претерпеваю раздрай.
Явь безобразная: серо и сыро,
Жалок огрызок богатого мира –
Злом искорёженный край.

Держат друг друга заборы и хаты,
Крыши лачуг от заплаток лохматы,
В выбоинах колеи.
Только нужда выгоняет из дома,
Голод и холод до боли знакомы,
Потуги тщетны мои.

Под облаками придавленный воздух
Вниз пропускает постылую воду,
Нет бы чуток подождать.
Ноет душа растревоженной раной.
Смотришь – и невыносимо погано,
Словно обидели мать...

Если это мой последний бой,
Значит – я его не проиграю:
В небеса спешу, дорога к раю
Скатертью лежит передо мной.

Если это мой последний бой,
Я растрочу силы без остатка,
Не припрячу капельку украдкой;
Всё отдам, что было за душой.

Если это мой последний час,
Или, – даже, – крайняя минута,
Мне не будет страшно почему-то...
Жил – горел, а смерть пришла – погас.

Если мне пристало уходить,
Сколько дел непочатых оставлю,
И порядка в мире не прибавлю...
Вам, отставшим, с этим грузом жить!

Если это мой последний бой, –
Братья, прикрывающие спину,
Вас там подожду и не покину:
Тем, кто дорог, снова быть со мной...

В небе лазоревом с облаком белым
Так хорошо, что креститься пора,
К солнцу и счастьем торопится смело
Птица из золота и серебра!

Люди считают, что «...так не бывает,
В мире всё меньше тепла и добра...»
Эй, малoverы, над вами летает
Птица из золота и серебра!

Над головами она проплывает,
Взмахом крыла покоряет ветра.
Дарит надежду, любовью пылает
Птица из золота и серебра!

Ей бы в полёте помочь, да куда там:
Новая песня, а сказка стара...
В нашей бескрылости не виновата
Птица из золота и серебра!

В небе лазоревом песня звенела,
Так хорошо, что молиться пора:
К нашему счастью почти улетела
Птица из золота и серебра!

Талантом ярче заблистал
И ближе стал мой гений:
Господь врагов вчера послал,
Вершителей гонений.
Но как же мелочны они,
И даже мелки, Боже!
А ведь по ним в иные дни
Потомки нас итожат.

Воспоминания грешить
«Неточностями» станут...
Врагам так трудно нас простить,
Любовь претит их клану.
Бумага стерпит всё подряд:
И глупости, и пытки.
И изольётся лживый яд
На мемуаров свитки...

И в разум будет проникать,
Травить сомненьем думы.
И чтец через года, века
Отложит текст угрюмо.
Ведь автор к свету призывал,
А сам – как пишут люди –
Крал, пил, кололся, предавал,
Блудил и словоблудил.

Не защитят от клеветы
Ни память, ни творенья.
А в душах, вместо слов святых,
Взойдут ростки растленья.
Удел талантливых – таков:
Дразнить «гусей» до драки.
Жизнь перемелет дураков,
Оставив детям враки...

Господь мой, Плотник, инструмент отточен,
Снимает стружку и шкурит занозы.
Восторжен смех и благолепны слёзы:
К своим шедеврам милосерден Отче.

Господь мой, Пастырь, направляет стадо
На тучный луг из скудного загона,
Стрижёт руно. И прекратит законно
Того, кому уйти из жизни надо.

Господь мой, Светоч, среди тьмы – навеки,
Мосток над бездной, скованному – воля.
Спасение всем, кто нуждою болен,
Кто без него – никчёмные калеки.

Господь мой, Слово, дар бесценный свыше,
Звучит оно естественно и верно.
Конечный приговор для лжи и скверны, –
Слепой прозреет и глухой услышит...

Дождик льёт на Рождество?
Ничего!
Перетерпит слёзный твист
Оптимист,
Не заметит ветра свист
Пофигист,
Неба пасмурней статист –
Пессимист.
Пусть не вьюгу, не мороз
День принёс –
Без проблем великоросс
Ливень снёс.

Мы без свидания кукуем:
То быт заест, то лень стреножит.
Пусть хоть Господь (помянем всуе) –
Твои страдания не множит.
Наоборот, пускай Всевышний
С небес прольёт щедрот без меры.
А то – и праздники излишни,
И будни – до смешного серы...

Тайна Бородинского хлеба

Бородинский хлеб – это единственный в мире постоянно живой рукотворный памятник Великому Сражению, созданный великой любовью и самоотверженностью, основательницей Спасо-Бородинского Монастыря княгиней Маргаритой Михайловной Тучковой.

«Моя жизнь не принадлежит мне, я чувствую, что мною руководит кто-то свыше» – признавалась на исповеди своему духовному наставнику митрополиту Филарету княгиня, игуменья Маргарита Михайловна Тучкова – основательница и настоятельница Спасо-Бородинского монастыря, женщина удивительной судьбы, чья жизнь оказалась неразрывно связана с Бородинским сражением.

В дни празднования нового 1781-го года в зимний январский день в богатой и знатной семье князей Нарышкиных появилась на свет девочка, которую нарекли именем звонким и красивым – Маргарита.

По гороскопу она Козерог, которым управляет Сатурн, – властная планета Кармы и Судьбы, – требующая основательных, практических действий и серьезных намерений, строгий «Ангел Света».

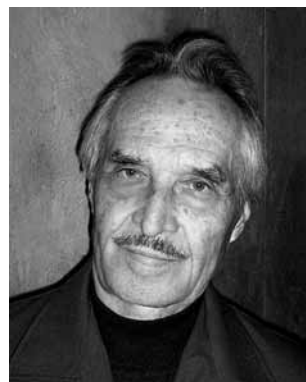
По декаде рождения – вторая декада Козерога, на первый план выступает воинственный и решительный Марс, управитель второй декады, предопределяющий неустранимость и мужество, умение возглавить и повести за собой массы людей, дающий постоянно возрождающуюся мощную внутреннюю энергию и силу духа.

По градусу, по дню рождения, – а этим градусом управляют Солнце и Уран, – эти планеты совместными усилиями укрепляют традиционные особенности Козерога, придавая личности независимость во взглядах, исключительную индивидуальность характера, очень обостренное чувство реальности и неиссякаемую силу и упорство в достижении поставленной цели.

Дальняя планета Уран определила по жизни крутые повороты и неожиданные изменения в Судьбе, а властное Солнце, в свою очередь, предопределило солнечное счастье в любви, окрылило надеждой и радугой романтики преодоление трудностей и лучи славы в будущем.

По законам нумерологии ей выпало вещее число «два», которое, как движение маятника из стороны в сторону, содержит в себе конечные крайности, такие как день и ночь, радость и горе, неизвестность и славу.

И всё это было в её судьбе.

Георгий Иванович Свиридов – родился 27 марта 1927 г., известный русский советский писатель, боксёр, мастер спорта СССР, чемпион Средней Азии, первый председатель (президент) Федерации бокса СССР. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Лауреат 10 литературных премий СССР и России, заслуженный работник культуры РСФСР. Член Союза писателей России.

Живёт и работает в Москве.

Жизнь Маргариты Михайловны Тучковой – это величественный гимн Любви и Верности, самоотверженному служению Долгу и безграничная сила Самопожертвования.

Юная княгиня получила блестящее домашнее образование, она знала иностранные языки, французский и английский в совершенстве, обладала приятным голосом, великолепно музицировала, отличалась упрямым характером и не девичьей настойчивостью, была страстной и увлекающейся натурой.

В шестнадцать лет Маргариту выдали замуж за Павла Ласунского, молодого и модного «светского льва». Маргарита им увлеклась пылко, но вскоре горько разочаровалась. Она быстро распознала за внешним блеском пустоту бездуховности, мелочную натуру, изменчивость устремлений и жажду обладать богатством, – он видел в жене лишь богатую наследницу, а не близкого и родного человека. Будущее не предвещало ничего хорошего, оно закрывалось тёмными тучами безысходности. Сколько она провела бессонных ночей и пролила слёз глубокого разочарования о неудавшейся семейной жизни. Никто не знал, и она никому и никогда не рассказывала об этом и не жаловалась.

Но будущее всегда таит в себе элементы непредсказуемости и тайну неизвестности. Сквозь мрачные тучи, окутавшие молодую жену, неожиданно пробился яркий луч света, который солнечной теплотой счастливой радости в одно мгновение совершил крутой поворот в её жизни. Маятник судьбы качнулся в другую сторону. Маргарита встретила мужчину, о котором мечтала. На балу её познакомили с Александром Тучковым. Блестящий офицер, энергичный, умный, элегантный, самостоятельный, уверенный, полный внутреннего достоинства.

Он пригласил её на танец, и она, очутившись в его объятьях, буквально задохнулась от нахлынувших восторженных чувств, а лёгкое прикосновение его рук заставило внезапно бешено заколотиться её сердце. Вальс закружил их. От него исходила властная сила обаяния и торжество радости жизни, и оба внутренним чутьём уже понимали, что этот танец закружил их на годы, навсегда, на всю будущую жизнь.

Любовь с первого взгляда, одна единственная, страстная и сильная. Всепобеждающая и сметающая все преграды.

А преград было много. Пришлось приложить неимоверные усилия, задействовать влиятельные связи, потратить массу средств и, главное, времени, пока наконец удалось добиться разрешения Священного Синода на расторжение брака, а потом получить согласие на новое венчание. Да к тому же нелегко ей досталось и благословление родителей на новое замужество.

В 1806-ом году Маргарита Нарышкина и Александр Тучков наконец-то обвенчались, соединив свои судьбы в счастливом семейном союзе. Она без сожаления оставила блестящие и роскошные салоны Петербурга, сменила красивую и безмятежную столичную жизнь аристократии на жизнь в провинции, на жизнь в далёком гарнизоне. Её абсолютно не пугали трудности и бытовые неурядицы, отсутствие всего того, к чему она привыкла с раннего детства. Главное – она была рядом с любимым. И одно это определяло и давало смысл её нынешней жизни, наполняя её высоким значением. Жизнь обрела новые краски, осветив солнечными лучами глухоту однообразия воинской действительности.

В 1811-ом году в семье Тучковых появился наследник, которого назвали Николаем. У офицерской жены, вполне естественно, умножились хлопоты и появились бессонные ночи, особенно когда у малыша начались прорезаться зубки.

В один из таких вечеров в доме Александра Тучкова, который к тому времени уже стал генералом, затянулось офицерское совещание. Служивцы незаметно от своих текущих дел перешли к обсуждению победных достижений Наполеона, который покорила уже почти всю Европу.

До вторжения наполеоновских войск в Россию было ещё больше года. Воинская часть, которой командовал её муж Александр Тучков, дислоцировалась в заштатном городке Минской губернии. Почти на самой западной границе.

Маргарита пошла к своему малышу. Убаюкивая его, она незаметно прикорнула рядом. Накануне Маргарита провела бессонную ночь и была рада, что Николенька успокоился и уснул. Усталость сморила её, и она погрузилась в короткий, но глубокий сон.

Именно в эти минуты она увидела пророческий вещий сон.

Ей приснилось, что на стене над кроваткой сына висит странная картина в тёмной раме, чем-то напоминающая военную карту. А по всему изображению крупными буквами на французском языке написана странная тревожная фраза – «ТВОЯ СУДЬБА РЕШИТСЯ В БОРОДИНО». На каждой букве выступали капли алой крови и по картине, оставляя кровавые следы, струйками стекали вниз. Так стекают дождевые капли по оконному стеклу.

Маргарита вскрикнула и проснулась в холодном поту от тяжести навалившегося на неё страха и непонятного, но явственного предчувствия чего-то страшного и непоправимого. Она смотрела широко раскрытыми глазами на стену, на которой во сне видела странную и страшную картину, но там ничего не было. Она недоуменно и громко повторяла: «Бородино? Что это за название Бородино? Где это Бородино? В какой стране находится это Бородино?»

Генерал поспешил на тревожные возгласы жены. Она рассказала ему о сне. Что это ещё за «Бородино»? Он был крайне удивлён, поскольку никогда раньше не слышал и не встречал где-либо такого названия. Могло же такое присниться...

– Бородино? Странное, скорее иноземное, название, – генерал поспешил успокоить жену. – Наверное, где-то в Италии. Далеко отсюда. Там внутренние беспорядки...

Он напоил Маргариту тёплым чаем, уговорил лечь уже в постель, а не коротать время у колыбели малыша. Заботливо укрыл, поцеловал. Малыш тихо посапывал и чему-то улыбался во сне. Его безмятежность успокоила Маргариту. Она смежила веки и быстро уснула.

А страшный сон не отпускал её. Едва она уснула, он опять повторился. Ей приснилось, что она находится в каком-то незнакомом городке, очертания которого до этого она видела на той картине в тёмной раме из первого сна. Только на этот раз Маргарита уже находилась внутри какого-то дома и из большого окна видела на стенах домов напротив одну и ту же надпись крупными кровавыми буквами на французском языке: «BORODINO, BORODINO, BORODINO»... Вдруг распахнулась дверь, и в комнату к ней входят её отец и брат. Отец держит на руках внука. Брат, бледный, осунувшийся, говорит срывающимся голосом, и каждое его слово, словно огненные стрелы, впиваются в её сердце:

– Крепись, сестра... Твой муж геройски погиб на поле брани в Бородино.

А отец протягивает ей Николеньку и произносит:

– Вот это всё, что тебе осталось от Александра, от твоего генерала.

Маргарита отчаянно громко закричала во сне и проснулась от своего же крика и уже наяву с ужасом лихорадочно повторяла:

– Бородино... Где это Бородино? Мой милый, мой дорогой... там тебя убьют!

Генерал, не на шутку встревоженный её возгласами, поспешил к жене. Он внимательно выслушал её сбивчивый рассказ о кошмарном сне. Тревога жены передалась и ему. Он повелел срочно принести из штаба военные карты.

Развернув карты, они вдвоём долго и тщательно искали местность или таинственный городок с таким странным названием – Бородино. Но ни на нашей стороне, ни на сопредельной территории нигде ничего подобного не находили.

– Видишь сама, моя милая, нет ничего даже отдалённо похожего на этих картах. Тебе просто приснился дурной сон. Ты просто очень устала с Николенькой, родная моя.

Уже одно то, что на военных картах мужа они не обнаружили никакого Бородина, внесло некоторое успокоение, хотя странная тревога не покидала её. Она одобрительно кивала и ободряюще тихо повторяла:

– Действительно, ты прав. Нет никакого Бородина... Его просто нет! Это мне всё приснилось и только... Наверное, действительно я просто устала от бесконечных бессонных ночей...

Но Бородино существовало в реальности. И искать его им нужно было не на далёком западе, а на востоке, под самой первопрестольной. Под Москвой. Оно ждало своего тяжёлого судьбоносного часа. И через год этот час пробил звоном колоколов – грянула Отечественная война 1812-го года. Наполеоновские полчища вторглись в просторы России.

Хлопоты и тревоги захватили Маргариту, как и тысячи офицерских жён, как миллионы русских людей, обеспокоенных судьбою своего Отечества. Боевые события разворачивались на западных землях России, и генерал настоял, чтобы жена с ребёнком уехала в тыл, в усадьбу к своим родителям в Кинешму. Но и там было неспокойно. Семейство князей Нарышкиных отправилось в своё костромское имение, подальше от мест боевых действий. Но Маргарита не поехала с ними, она осталась в Кинешме. Сюда быстрее приходили весточки из действующей армии, муж писал регулярно. По этим весточкам она знала о том, где он находится со своей бригадой и, главное, что жив. О том кошмарном сне она уже успела позабыть.

Но в середине сентября вдруг перестали приходить весточки от мужа. По всей России прокатилась весть, что под Москвою произошло жестокое сражение, в котором не на жизнь, а на смерть сошлись главные силы русских и французов. И Маргарита впервые из уст разных людей услышала вновь то роковое название, которое она дважды читала во сне – Бородино.

Страх и тревога за Александра, за своего любимого мужа, за её генерала, охватили всё её существо. Она не находила себе места: «Неужели тот кошмарный сон вещий?!»

А он действительно оказался вещим. Тридцатипятилетний генерал-майор Александр Тучков находился в самой гуще великого сражения. В разгар Бородинской битвы дрогнул один из его полков – Ревельский: был сражён знаменщик. Генерал поспешил вперёд, выхватил из рук убитого воина полковое знамя одной рукой, и с окровавленной шпагой в другой, остановил и увлёк за собой солдат в штыковую атаку. Полк восстановил положение, вернул утраченные позиции, что и решило исход битвы.

Генерал знал и помнил вещий и роковой для него сон жены, но он не мог поступить иначе – здесь на поле Бородино решалась судьба России. Александр Тучков был убит в том бою прямым попаданием пушечного ядра.

В Бородинской битве участвовали ещё два брата Александра. Один погиб, а второй, раненый, попал в плен к французам, и его допрашивал сам Наполеон. Мать, получив известие о смерти своих сынов, в тот же день ослепла от горя и слёз.

Маргарита, узнав о великом сражении, не находила себе места и предчувствовала страшную беду, в её памяти отчетливо всплыло во всех подробностях пророческое сновидение, – неужели всё сбывается?! Она со дня на день с замиранием сердца ждала рокового известия.

Это известие привез её брат Кирилл, который был адъютантом у генерала Барклая де Толи и также участвовал в сражении.

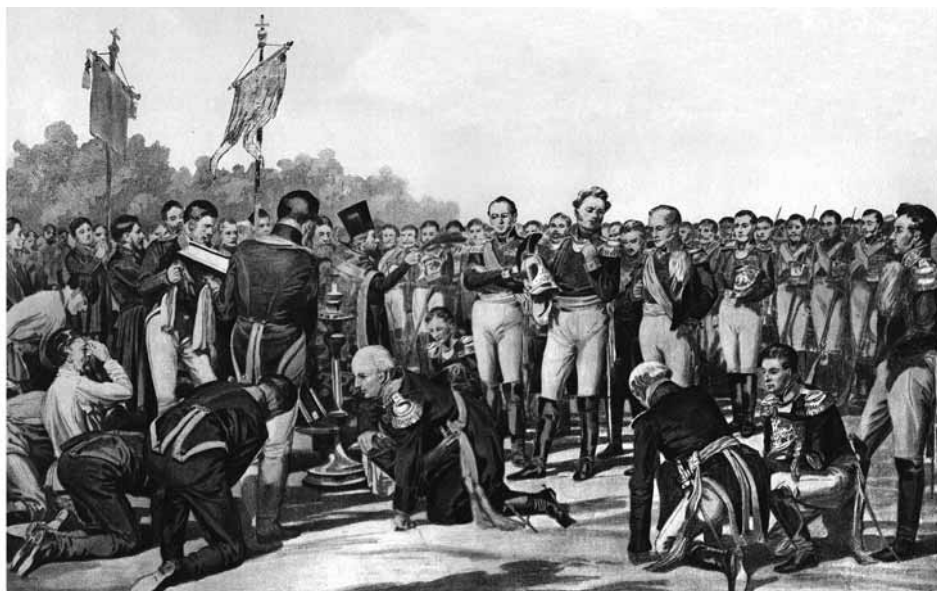
Брат был бледен, хмур и сосредоточен. Он встретил сестру, когда она выходила из церкви и, не говоря ни слова, повёл домой. Маргарита шла, и ноги у неё подкашивались. Чтобы не упасть, она вцепилась в руку брата. Она уже обо всём догадалась, она уже всё знала и без слов. Пророческий сон сбывался наяву.

– Крепись, сестра, – сказал брат уже дома. – Твой муж геройски погиб на поле брани... Крепись!..

Раскрылась дверь и в комнату вошёл её отец. Он держал на руках внука. Пророческий сон сбывался со страшной последовательностью. Она знала то, что ей хотел сказать отец. Губы у него дрогнули, и он

Лейб-гвардии Литовский полк в Бородинском сражении 26 августа 1812 г. Эскиз. Худ. Н.С. Самокиш. Холст, масло. 1911 г.

Молебен на Бородинском поле перед Смоленской иконой Божией Матери 25 августа 1812 г.
Литография по оригиналу П. Ковалевского. Начало XX в.

хриплым голосом произнёс слова, которые она слышала во сне и запомнила на всю жизнь:

– Дочь моя, Маргарита, крепись... Береги себя и сына! – Отец протянул ей Николенку. – Вот всё, что осталось от твоего Александра...

Свет померк в её глазах, затуманенных от нахлынувших слёз.

Маргарита ждала этого удара, он был тяжёлым и роковым. Маятник судьбы качнулся в другую крайность. Вещая двойка она и есть двойка, только успевай приравниваться. Но у Козерога достаточно внутренних сил, его не так-то просто сломить. Маргарита согнулась под тяжестью удара, но не сломалась. Выдержала. А на другой день к удивлению родных и близких решительно объявила:

– Завтра еду туда, в Бородино, на поле боя!.. Я должна отыскать, должна найти Александра... Похоронить с почестями, по-христиански.

Никто не решался её остановить, а тем более отговаривать, хотя место, куда она стремилась, было занято врагом. Удержать её было просто невозможно. Она утверждала, что будто кто-то свыше говорит ей, чтобы она немедленно отправилась в Бородино.

Но тело генерала она отыскать не смогла. Прямое попадание пушечного ядра разметало его останки во все стороны. Маргарита, в конце концов, вынуждена была смириться с тем, что ей не суждено найти останки своего мужа-генерала, хотя ей и очень хотелось похоронить с достоинством и поставить по обычаю памятник.

Спустя много лет после тех трагических событий Маргарита Михайловна рассказывала о тех днях. Вот записи из её воспоминаний: «...Через пару недель после гигантской битвы я уже была там. Обошла, скорее, оббежала всё поле гигантского побоища. Повсюду были тысячи погибших. Нельзя было без ужаса смотреть на курган Раевского, на Семёновские батареи и там, где сражался Ревельский полк. Там поистине громоздились горы человеческих тел...»

В те печальные дни, полные отчаяния и бессилия что-либо сделать, Маргарита услышала голос свыше, который подсказал ей, как увековечить память о муже-герое – соорудить на месте боя часовню, куда можно будет приезжать помолиться за него и за всех, павших в Бородинском сражении.

Именно в эти годы и начал проявляться её талант, её умение увлекать за собой, руководить людскими массами. Через несколько лет на месте временной часовни был возведён величественный храм Спаса Нерукотворного, в котором была помещена

Русский кирасир

Гравюра (акватинта) Алекса
по рис. А. Зауервейда. 1810-е – 1820-е гг.

Русский гусар

Гравюра (акватинта) Алекса
по рис. А. Зауервейда. 1810-е – 1820-е гг.

походная икона генерала Тучкова. Стараниями Маргариты Михайловны при храме был построен приют для вдов погибших воинов и членов их семей. Под сводами обители Тучкова собирала и девочек из бедных крестьянских семей. Приют разрастался и с годами вырос и превратился в женский Спасо-Бородинский монастырь, а вдова генерала стала его настоятельницей.

Через четверть века, в 1837-ом году, в России широко отмечалась годовщина победы над Наполеоном. На Бородинском поле был воздвигнут величественный памятник. На торжественном открытии присутствовал император Николай I, многочисленные гости, в том числе и из Франции. На поле русской боевой славы состоялся смотр войск и маневры.

Свидетельствует очевидец:

«Между рядами блестящих полководцев тихо шла об руку с заслуженными генералами единственная женщина, величественного вида, с высоким, стройным и тонким станом, в чёрной шерстяной рясе и низеньком клобучке... Это была основательница Спасо-Бородинской обители игуменья Маргарита Михайловна Тучкова.

Она взошла на возвышенное место против монумента, которое было специально устроено для высоких особ и оставшихся деятелей Отечественной войны. Император приветствовал её следующими словами:

– Кланяюсь вашему превосходительству... Разделяю вашу скорбь – да поможет вам Господь!

А потом обратился к своей свите, сказал на французском языке иностранным принцам:

– Вот почтенная вдова, которая опередила меня и воздвигла памятник нерукотворный, – и император показал рукой на купол Спасо-Бородинского монастыря».

Величественно и торжественно в 1912-ом году отмечали столетний юбилей, а в 1962-ом году – столетие Бородинского сражения. Великий русский писатель Лев Толстой создал монументальный литературный памятник – роман «Война и мир». В Америке и Советском Союзе были созданы киноэпопеи с масштабными боевыми действиями.

Но есть ещё один памятник, созданный в честь и в память великого сражения, который можно с полным основанием назвать вечно живым. Постоянным и повседневным, который вот уже более полутора столетия входит почти в каждый дом, в каждую

ПОЭЗИЯ

Хасан ТХАЗЕПЛОВ

семью, и многие даже не ведают об этом, но с радостью в сердце им пользуются и наслаждаются, искренне любят его и предпочитают часто всем иным. Это – хлеб, носящий имя – Бородинский. Такого уникального живого памятника нет ни в одной стране мира, ни у одного народа.

На первых порах, когда разрасталась обитель и приют, тёмный ржаной хлеб пекли для внутреннего употребления. Но и здесь не обошлось без провидческой дальновидности вдовы генерала, её чисто женского таланта, интуиции и практической смекалки. В этот хлеб она вложила великую мечту – создать живой, долговременный памятник в виде простого повседневного хлеба.

В стенах обители, в небольшой пекарне руками и талантами русских женщин были опробованы многочисленные рецепты и способы, которые составляла Маргарита Михайловна, стремясь достичь того уникального свойства выпеченного хлеба, каким ныне обладает «Бородинский». На первых порах его уносили с собой многочисленные паломники и богомольцы, приходившие в монастырь, прося «горбушку на дорожку». Они первыми по достоинству оценили его высокие вкусовые качества – такого хлеба они не встречали нигде. Прослышали об этом хлебе и мозговитые купцы московские и стали заказывать хлеб из монастыря, торговать им в своих магазинах.

Слава о чудесном хлебе – неповторимом и по внешнему виду и, особенно, по своеобразному духмяному аромату и вкусу, – прокатилась по всей земле Русской и далеко за её пределами. Крупнейшие специалисты – диетологи разных стран и сегодня высоко ценят его вкусовые качества и единогласно считают его самым полезным для здоровья человека.

Он – изготовлен с любовью и молитвой из чистой ржаной муки, а рожь издревле, испокон веков была основным хлебным злаком, хранящим в себе живительные соки земли русской, благотворного оживляющего тепла красного солнышка да живой силы воды родниковой.

Он – тёмный, как печаль о том, что ушло навсегда, что уже никогда не повторится, не возвратится в живую действительность.

Он – испечён по прямоугольной форме и своим очертанием напоминает боевое построение полков перед началом Бородинского сражения.

Он – своим необычным духмяным ароматом повествует о бессмертии русского духа, питающем и вдохновляющем каждого, кто честно и праведно живёт на земле Русской.

Он – своим сладковатым и пряным вкусом говорит нам о тех сладостных и неповторимых мгновениях любви княгини и генерала, о тех счастливых солнечных годах их совместной жизни, которые, как светлые лучи, осветили вдове всю её дальнейшую долгую жизнь, пронизанную тёмной тоской, но не погасившей надежды на далёкое лучезарное Будущее.

Он – посыпан сверху по поджаристой покато корке семенами злаков, которые своим обилием напоминают поле битвы, сплошь усеянное пулями и ядрами.

Эти духовитые семена напоминают и о древней традиции, когда в дни горя и печали покрывали главу пеплом, но в то же время эти духовитые семена особенные – они символы грядущего Будущего, хранящие в себе тайну жизни и предвещающие процветание и радость счастливых дней под солнцем.

Всмотритесь в этот необычный хлеб, имя которому «Бородинский». Он – живой и добрый, как душа русского человека, открытая и непритязательная, готовая всех людей сделать счастливыми и радостными в их жизни на земле.

Отламывая краюшку «Бородинского», помяните добрым словом русских воинов, погибших в битве на Бородинском поле. Помяните самоотверженную русскую женщину – Маргариту Михайловну Гучкову. И вспомните:

О великой любви княгини и генерала.

О верности и преданности, о мужестве и самопожертвовании.

О смерти и бессмертии!

Иллюстрации предоставлены Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником.

Хасан Миседович Тхазеплов – родился в с. Старый Черек, Урванского района Кабардино-Балкарской Республики. После окончания учёбы находился на партийной работе в Урванском РК КПСС. С 1994 г. – Председатель Союза кабардинских писателей, в 1995-1998 гг. – Сопредседатель Союза писателей республики. Член Союза писателей СССР с 1979 г. Академик Адыгской международной академии наук (АМАН). Главный редактор журнала «Литературная Кабардино-Балкария». Автор книг «Белая женщина» (1976), «Жизнь земная» (1983), «Лунный дождь» (1983) и др. Имеет общественные и государственные награды.

Живёт в Нальчике.

Добрая песня

Солнце ли высветит радости наши,
День ли настанет вчерашнего краше,
Время ль наступит посева семян, –
Добрую песню разносит Хасан.

В зной ли палящий, в жестокую вьюгу,
Чтобы сердца прикипели друг к другу,
Чтобы не сбился с пути караван, –
Добрую песню разносит Хасан.

Чтобы с мечтой о несбыточном чуде
Не расставались хорошие люди,
Чтобы их души не застил туман –
Добрую песню разносит Хасан.

Словами Неба говорит Хасан,
Вы в этом убедитесь очень скоро.
Он не гордыней тёмной обуян,
Возвысив голос над всеобщим хором.

Хасан не тот, кто, небо позабыв,
В суетной толчее переродится,
Не тот, кто, не узрев во мгле обрыв,
Способен в ослеплении разбиться.

В туманной жизни вырос он, как свет,
И излучает Доброслед с рожденья.
Иных Миров принёс он Вам совет –
Устава неба жизнеспособенье.

И этот Дар благословит дела,
Востребованные Земною жизнью.
А то вражда людей с ума свела –
Готовы на Голгофу и на тризну...

А надо Благом осенить все дни,
И Дышесвет сольётся с Небодержцем!
Не то взовьются адские огни,
И Человек предстанет адовержцем.

В пропорциях мира, чудес и надежд
Живу по гармонии света.
Я – как золотое сечение звезд,
Я – как эволюция где-то.

И в жизни земной, как духовный поток,
Текут мои мантры строго,
Цепляясь за новый, верховный виток,
По принципам Истины Бога.

И в той абсолютности Истины, там,
Где всё подвергается воле,
Меня ты разыщешь по нежным следам,
Как ищут тропиночку в поле.

В пропорциях мира, чудес и надежд
Лечу по гармонии света!
И там золотое сечение звезд
Увидят как Истину где-то.

Пробежала конница по сердцу,
По душе проплыла суета,
Словно бродит Чуждое по свету
И за мною ходит по пятам.

Все приметы жизненной развязки
С возрастом становятся ясней,
Видя в возбуждённой летней пляске
Отраженье юности своей.

Я хотел извечной покориться
И не слышать стоны и мольбы.
Я хотел с потоком Мира слиться
И очистить примеси судьбы.

Но шагнуло время через сердце,
Превращая в память каждый миг –
Всё, что суетою обернется,
Чередой метаний и интриг.

Так и бродит Чуждое по свету,
Подгоняя каждого к концу...
И несправедливость мира эту
Я несусь с молитвами к венцу.

Я хотел извечной покориться,
Но она отвергла и меня.
Так зачем тогда на свет родиться,
Если Ты не отпрыск Бытия?

Пробежала конница по сердцу,
По душе проплыла суета,
Словно бродит Чуждое по свету
И за мною ходит по пятам.

Скачет смена жизни
По родной земле,
Радуя Отчизну,
Что была во мгле.

Смотрит смена жизни
С трудною судьбой,
Что времён капризы
Сеют вразнобой.

Мы по долгу службы
Чистим наши дни,
Укрепляя дружбу,
Что была в тени.

Поднимаем веру
До высот души,
Чтоб разрушить меру,
Взросшую во лжи.

Не оглохли люди,
Люди не слепы.
Души их в остуде,
В них инстинкт толпы.

В людях силу духа
Кто-то усыпил.
А в сердцах разруха
Пригасила пыл...

Скачет смена жизни,
Скачет по земле,
Радуя Отчизну,
Что была во мгле.

И смеётся шумно
Молодой народ.
Дай же Бог, чтоб умно –
Сохранил он род..

Скачет звёздный отпрыск
В звёздные миры.
А душа – как пропуск
Этой детворы.

Укрепляя Веру нашу
На земле и в небесах,
Наш Спаситель водит Душу,
Повергая Зло во прах.

И сказал ОТЕЦ народам:
Будьте бдительны к себе,
Осмысляя жизнь в природе
Как в любви, так и в труде.

Родилась тогда молитва,
Очищая Светом путь.
Это тоже наша битва –
Отстоять и Смысл и Суть.

Там, в глубине духовной,
Строится вечный Храм,
В жизни моей неровной,
Полной житейских драм.

Вижу, и небо смотрит,
В душах рисуя явь,
Фресками жизни ловит
Мой приземлённый нрав.

В той глубине небесной
Душу ласкает Дух,
Будто мне дарит песню,
Что не поётся вслух.

А у подножья Солнце,
В недрах моей земли,
Плачется где-то сердце –
Плач и в моей крови.

То ли я слышу голос,
Тот, что не ловит слух,
То ли душевный компас
Зрит потаённый Дух.

В той глубине высокой,
В той низине – где Храм,
Небу так одиноко,
Как одинок я сам.

Всё-таки, в той Округе
Душу ласкает Дух –
Небо поёт о друге,
Полнится тайной слух.

Улыбка, из души на свет идя,
Сияет вечной радостью природы.
Кто любит жизнь, тому и все родня, –
Ведь он – дитя Божественной свободы.

И тот, кто даст хоть искорку огня
Заблудшему в пути, в уединенье,
Того, наверно, одарит сполна
Тот, у кого на это повеленье.

И если с той улыбкой красота
Дарует миру радость удивленья,
Тогда неизмерима высота,
Где сбережёт душа порыв движенья.

Приметы доброты – как ясный день,
Как день весенний с солнечной улыбкой,
Когда впервые родилась сирень,
Как пламенная сила в чувстве зыбком.

Улыбка, из души на свет идя,
Сияет вечной добротой природы.
Кто любит жизнь, те – крепкая родня
Неугасимой солнечной породы.

Спасти бы ДУШУ! Но не знаю,
Каким путём ЕЁ спасти?!
Кого-то часто умоляю,
Не зная, что куда нести.

Я будто весь лечу куда-то,
А тяжесть тела не поднять.
Хотя мне кажется – крылатая
Порою жизнь, чтоб мир объять!

Потерян слух душевной выси.
Ослабли чувства – донельзя!
Но мы ещё владеем мыслью.
И всё же катимся, скользя.

Глубины зренья не пророчат,
Не строят дальние мечты,
Но сила стойкая поможет
Значенье мыслей обрести.

Ну что ж! И сила та растущая,
И жизнь – не обернутся вспять.
Но ДУШУ, молодо цветущую,
Никак нельзя заставить спать.

И не разрушились устои,
А просто мир замкнул свой круг
До новых чувственных просторов,
Чтоб человек не рухнул вдруг...

Спасти бы ДУШУ... Так ОНА ведь
Спасает нас самих всегда!
А мы-то позабыли заповедь,
Бережь в любви свои сердца.

17 июля 1998 года

Последнего царя похоронили.
Какой же вывод и какой урок?
И без него мы Родине служили,
И выполняли долг в сыновний срок.

Надуманную скорбь принять не в силах
Моя душа, хотя она скорбит.
И память крови не струится в жилах –
Чтоб наравне с Отечеством любить.

Мы разучились жить в стране Монарха,
Хотя любой правитель есть монарх.
Отцы и деды жили в тайном страхе,
Да и сейчас нам ведом этот страх.

Так что же нам Эпоха завещала,
Чтоб нам нести в другие времена?
И почему Она войной страдала
И сеяла её же семена?!

И от каких цепей освободились?
Какие цепи нам надели вновь?
Всегда – война, и кровь всегда струилась,
И жить старались тихо и без слов.

Чего достигли колокольным звоном?
Разбередили душу, что ли, в нас?!
Поправки дали к нравственным законам,
Чтобы страна покаялась хоть раз?

А если, рассуждая человечно
О человеке, жителе земли:
Наверно, грех витал бы в небе вечно,
Коль схоронить его бы не смогли.

Последнего царя похоронили.
Какой же вывод и какой урок?
И, может, каюсь, слёзы уронили..
Ведь каждому назначен свой же срок.

Смотрю на мир, на всю Россию в целом,
На весь простор, где мы живём с трудом.
Неужто гнев остался нам уделом?!
Чтоб каждый раз разжечь его потом?!

Жива родная деревенька

Настоящее чудо произошло этим летом на родине моих предков. Я пришёл помолиться о них на сельское кладбище около деревни Ржавцы Суворовского района Тульской области. И с великим изумлением увидел, что рядом возрождается храм, разорённый безбожниками восемьдесят лет назад. На маковке церкви и шпиле колокольни сияют золотом кресты (ещё весной они были обезглавленными). Над обрушенной когда-то средней частью храма построена красивая крыша. И уже завершаются внешние работы на главном куполе.

Кровельное железо покрыто светло-зелёной краской – цвета природы, оживающей весной. Над тёмно-красными кирпичами древних стен эта весёлая зелень кажется символом возрождающейся жизни.

Беспредел не бесконечен

А ведь я, как почти все местные жители, не верили в возрождение. Оно казалось совершенно невероятным тем, кто много лет видел эти печальные руины на краю вымирающей деревни.

До революции 1917 года в Ржавцах стояли сотни жилых домов, а ныне их можно пересчитать по пальцам. При советской власти здесь было большое хозяйство: десятки комбайнов, тракторов, автомобилей, МТС, склады... А сейчас нет ни одной машины; их обломки ржавели несколько лет под открытым небом, но в последние годы их увезли на металлолом. От коровников и свинарников остались одни «скелеты» из железобетона: шиферные крыши и кирпичные стены растащили местные жители, которые сами же всё разорили.

Во время перестройки из центра зимой привозили мешки пшеницы на прокормление телят, а местные алкоголики продавали их налево за бутылки водки. Телята умирали от голода, их прикапывали бульдозером по несколько штук в день. В результате такого отношения к своему труду на Ржавцах не осталось ни телят, ни телятников, ни техники, ни вообще какой-либо работы, а тем более зарплаты.

Склад, находившийся в храме, опустел, замки с дверей сорвали. Одичавшие мужики стали долбить каменные полы в поисках церковных сокровищ. Говорят, не нашли ничего кроме гробов со святыми мощами. И тогда озверевшие мародёры стали... расстреливать фрески на стенах и потолках. Стреляли, прости Господи, в Иисуса Христа, в Богородицу, в святых...

Михаил ДМИТРУК

Михаил Алексеевич Дмитрук – родился в Москве 19 июня 1955 г. Писатель, журналист. Сотрудничал с газетами и журналами «Труд», «Социалистическая индустрия» (впоследствии – «Трибуна»), «Гудок», «Природа и человек» и др. После гибели двух своих сыновей решил посвятить оставшуюся жизнь служению Богу, молитвам об усопших и сейчас служит пономарём в московском храме Николая Чудотворца в Отрадном. В свободное время продолжает писать.

Живёт в Москве.

Но Бог поругаем не бывает. Молодые святотатцы умерли лютой смертью. Те, кто не совсем спился, расползлись по ближайшим городам, чтобы там подохнуть от проклятия. Во всей деревне осталось несколько старух. Немногие мужики приезжали только летом погостить в доме предков как на даче.

И посреди этого великого разорения и одичания стояли развалины величественного храма – как символ погибающей России. Он возвышался над Ржавцами словно обломком древней цивилизации – могучей и прекрасной, где жило много людей и были великие мастера, способные воздвигать такие грандиозные сооружения. А кто сейчас здесь на это способен? Да никто: среди развалившихся избышек ползают десяток немощных старух и полтора приезжих алкоголика.

Но чудом Божиим этот символ гибели неожиданно превратился в символ возрождения родной земли.

Храм во имя Святой Живоначальной Троицы в Ржавцах

Реальность возрождения

С великой радостью я фотографировал восстающий из руин храм во имя Святой Живоначальной Троицы в Ржавцах. Воистину Живоначальной, потому что, благодаря храму, на этой земле начнётся возрождение жизни – духовной и материальной. Как раньше это казалось мне совершенно невозможным, так сейчас видится абсолютно реальным, словно прозрела ослепшая душа.

Раньше всё виделось в чёрном свете. Вот лишь одна история, десятилетиями вгонявшая в уныние. Во время разгрома церкви мой далёкий родственник по боковой линии сплил золотой крест на куполе храма в нескольких километрах отсюда. На полученные от продажи деньги он построил себе в деревне Кудиново роскошный кирпичный дом с каменной лестницей на второй этаж. Этот дом казался барскими хоромами среди деревянных избышек с соломенными крышами. Но проклятый земляками мужик, от которого Бог отвернулся, оказался во власти тёмных сил. Вскоре он умер мучительной смертью от непонятной болезни, которую не могли одолеть врачи, несмотря на щедрые подарки недужного.

Но его нераскаянный грех оказался столь тяжёлым, что придавил весь род. Все, кто жил в его хоромах, перемерли в течение года. Причина этой трагедии была понятна благочестивым людям. Но некоторые земляки, ослеплённые советской пропагандой, не верили, что Бог поругаем не бывает. Кто-то сгоряча купил роскошный дом – и тоже умер в нём со своими родными.

Казалось бы, до людей дошло: на доме лежит проклятие – нельзя его трогать. Но нашлись одичавшие мужики, которые стали долбить стены и лестницу опустевшего здания, растаскивать кирпичи. И мор начался в других домах. Непередаваемый ужас охватил кудиновцев – все, кто был способен уехать, покинули родную деревню – в том числе мои дедушка и бабушка. Остальные вымерли. В результате деревня совершенно обезлюдела. Десятки лет в ней никто не жил.

Но вот чудо: в последние годы появились смельчаки, которые стали селиться в Кудинове, возрождать деревню. А может, они просто не знали, почему она вымерла? В любом случае никаких последствий старого проклятия они на себе не ощущают.

Строят себе дома, возделывают землю в красивейшем месте – около Красного леса, недалеко от впадения Жиздры в Оку. И живут счастливо.

Я даже догадывался, почему это стало возможным: в соседней деревне Вялицы, от которой рукой подать до Кудиново, недавно был восстановлен храм. Это стало началом возрождения земли, на которой жили, трудились и воевали мои предки. Но не верил, что такое возможно в моей вымирающей деревеньке.

Православие против радиации

Ао меня почему-то не доходило, что гораздо раньше возрождение началось в селе Ильинское, что на реке Жиздре, километрах в семи от Кудиново и Вялиц. Там после Чернобыльской катастрофы была такая радиация, что на самолётах зашкаливали приборы, которыми её измеряли. Коровы, поедавшие радиоактивную траву, подыхали от лейкемии. И люди умирали раньше времени от рака и болезней сердца (последствия облучения), другие «промывались» водкой и спивались. За исключением верующих.

Они отремонтировали храм и колокольню на месте древнего Ильинского монастыря, где все остальные здания были разрушены до основания. Ходили на богослужения, вели православный образ жизни – и не болели, не умирали молодыми. Даже дети рождались и росли здоровыми у благочестивых родителей. И таких людей, которых спасало Православие, было много.

Они перестали бояться радиации. А потом выяснилось, что её уровень чудесным образом понизился в несколько раз. Это произошло и в других местах, где открылись храмы и монастыри. Учёные до сих пор не могут объяснить, почему после водосвятого молебна радиоактивная пища вдруг становится нерадиоактивной. Почему после Крестного хода понижается уровень радиации на земле. А православным не нужно научное объяснение: они знают, что им помогает Бог, Он обладает высшими «технологиями», которые и не снились нашим учёным.

Это чудо настолько вдохновило местных жителей и их знакомых, что они начали съезжаться в Ильинское из ближайших деревень и даже городов, строить хорошие дома на красивейшем берегу Жиздры. И население села стало увеличиваться – в отличие от соседних деревень, которые или совсем вымерли, или доживали последние годы.

Но я в упор не видел, что подобное чудо Божие сейчас начинается на земле моих предков – в деревне Кудиново. Эту землю тоже накрыло Чернобыльское облако. Но тогда на ней уже никто не жил. А сейчас она освящается и очищается возрождённым Вялицким храмом. Жители нового Кудинова не замечают никакой радиации.

Два человека на тринадцать домов

Аа и трудно было мне увидеть это чудо из родной деревеньки Будьково, куда незадолго до войны бежали из проклятого Кудинова мои дедушка и бабушка. В этой деревеньке, где я провёл раннее детство, сейчас осталось тринадцать домов из семидесяти, которые были полвека назад. Но почти все они стали «дачами», куда изредка приезжают летом бывшие местные жители или те, кто купил по дешёвке их дома. А живущих на деревне постоянно осталось лишь двое: бабушка Поля, которой далеко за восемьдесят, и Пётруха. Ему около пятидесяти, он нигде не работает, до пенсии далеко, а инвалидность не может получить из-за ограниченности умственных способностей.

Петруха живёт неизвестно на что вместе с огромной чёрной собакой Баксом, которая приносит дохлых куриц и прочую тухлятину с соседней свалки: кормит себя и хозяина. Бакс наводит ужас на всю округу, надёжно охраняя нашу деревеньку, которая в летнее время щедро подкармливает его. Грабители к нам не заходят, в отличие от соседних деревень и сёл, где зимой «очищают» все «дачи». Но эта безопасность не очень-то радует нас.

Возродится Храм – возродится жизнь на родной земле

Похоже, что Будьково доживает последние годы. Ни тётя Поля, ни Петруха не нарожают детей. Если бы они даже появились «в капусте», то что бы делали в деревне, где ещё сорок лет назад были уничтожены местное хозяйство – склад, амбар, конюшня (работали на лошадах), коровник, а также школа и клуб – всё, что нужно для жизни.

Я изо всех сил подерживал доставшуюся от предков избушку «на курьих ножках», сад и огород, приезжая на неделю несколько раз в год. Но зачем? Видя великое запустение, не верил, что родная земля может возродиться. И не замечал, не понимал ростков этого возрождения, которые уже появились вокруг.

Но, увидев воскресший храм, возвышающийся над кладбищем, где похоронены мои предки, я словно очнулся от летаргического сна. Родная земля не умерла – просто она, как пел Владимир Высоцкий, «затаилась на время». И вот настало время её пробуждения.

В русском поле и один – воин

Стрепетом я подходил к родному храму, слыша внутри стук молотка. Ещё весной здесь были ржавые разбитые ворота – а сейчас распахнуты новые, сверкающие свежей краской. Вошёл через них и замер: там, где лежали груды битых кирпичей и брёвен от обрушившихся сводов, теперь виден пол с древней узорчатой плиткой, очищенной и отмытой. Над дырами в потолке – надёжная крыша. У стены храма стоит стол, на котором лежит большой лист кровельного железа. По нему весело стучит деревянным молотком красивый мужик лет пятидесяти, подпоясанный широким ремнём с цепями для верхолазных работ.

Знакомимся: раб Божий Виктор. Родом из Молдавии. Четверть века был железнодорожником, а в последние годы восстанавливает храмы. Здесь работает один, хотя, по технике безопасности, должно быть не меньше двух высотников. Но Бог его бережёт.

Виктор сделал уже почти всю кровлю – осталось только положить несколько листов на купол храма. Надеется успеть до дождей. (Наверное, успел с Божией помощью: потом было ещё несколько ясных дней бабьего лета). Этот молдаванин кажется мне дороже земляка, роднее брата – сущим ангелом. Он висит над храмом на своих цепях, рискуя собственной жизнью, возрождая жизнь на земле моих предков. Низкий тебе поклон и великая благодарность, брат во Христе!

И я низко кланяюсь землякам, которые дают деньги на ремонт Троицкого храма. Раньше думал, что это «новые русские», нажившиеся на ограблении народа и решившие «откупиться» от Бога за свои грехи. А оказалось, что жертвуют – простые работники, выкраивающие деньги на храм из честных трудовых заработков. Раб Божий Андрей, у которого на Ржавцах «дача», живёт в городе Суворове, что в сорока километрах отсюда. Работает электриком и даёт половину денег, нужных на ремонт. А вторую половину добывает раб Божий Василий, у которого «дача» в соседней деревне, а живёт он в Малом Ярославце, километрах в ста отсюда. Вдвоём они зарабатывают деньги на инструменты, стройматериалы и работу мастера. На второго работника денег не хватает.

Сохранившиеся фрески

Жизнь возвращается

Мы, здоровые мужики, разлетевшиеся по городам из соседней деревни, встречаясь летом на «дачах», за столом провозглашали любимый тост: «За возрождение России и Будьково». Годами повторяли одно и то же, не веря, что такое возможно. Даже когда появились признаки возрождения главного храма этих мест, около которого похоронены наши предки.

Кто-то убрал в нём груды мусора, поставил в алтаре недорогие иконы, напротив церкви появился ящик для пожертвований на ремонт. Мы стыдливо совали в щель замусоленные десятки – чтобы совесть успокоить, не надеясь, что храм удастся восстановить. А в это время наши ровесники жертвовали... в тысячи раз больше, хотя вряд ли их зарплаты сильно отличались от наших. Просто они поверили в реальность возрождения и работали ради него, не покладая рук. Не болтали, как мы, а радостно трудились для великой цели – возрождения храма, за которым, как показал опыт, возрождается жизнь на родной земле.

Что нам предлагают «воспитатели» народа – радио и телевидение, пресса и Интернет? Курение, пьянство, разврат, насилие – любые виды деградации и вырождения. А в храме люди обретают высшие ценности – совершенствование души и тела в течение всей жизни, которое даёт ощущение истинного счастья, ведёт к вечному блаженству в мире ином. И вот в Ржавцах появилась возможность такого совершенствования. Конечно, к нему потянутся люди.

Батюшка из Суворова уже проводит здесь Богослужения по большим праздникам. А скоро службы будут регулярными, по субботам и воскресеньям, как в других храмах этих мест, которые открылись раньше.

Казалось бы, кто будет молиться на Ржавцах, где из местных осталось десяток старух, а в окрестных деревеньках – и того меньше? Но ведь и селу Ильинскому грозила та же участь, когда люди в ужасе бежали отсюда после Чернобыльской катастрофы. А лет двадцать назад из последних сил здесь возродили храм – и бегство прекратилось, а потом началось расширение села. Более того, проклятое Кудиново вообще вымерло – но лет через сорок там снова стали селиться люди.

Кудиново находится в глухомани, а Ржавцы – у федеральной дороги Москва – Орёл; с неё Троицкий храм видно за несколько километров. Поэтому возрождение Ржавцев может быть более быстрым. И в нашей захудалой деревеньке Будьково, расположенной неподалёку, тоже возможно такое чудо. Только надо не тосты произносить, а молиться Богу и трудиться ради возрождения родной земли.

Никто кроме нас её не возродит. А помощь от Господа придёт обязательно – надо только начать трудиться. Как сделали это ржавецкие братья во Христе.

Да поможет нам Бог.

Вот и трудится Виктор один на двадцатиметровой высоте рядом с Богом, ангелами и святыми. Их видно сверху через зияющие оконные проёмы под куполом храма, на сохранившихся фресках. Но главное, что Виктор ощущает присутствие высшего мира в своей душе, как и его друзья – благодетели Андрей и Василий. Господь им реально помогает, потому что человеческими силами невозможно совершить такое чудо.

ПОЭЗИЯ

Антонина ШМАТКОВА

Антонина Никоновна Шматкова – родилась в Кемеровской области. Окончила СТФГОУ «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности». Ветеран труда. Автор четырёх книг стихов и прозы: «Осенний рассвет», «Берег чистой реки», «Здесь короткое лето», «Песчаный берег». Издавалась в коллективных сборниках, в журнале «Огни Кузбаса» и других печатных изданиях. На её стихи написана музыка Кемеровскими композиторами. Член МГО Союза писателей России.

Живёт в Наро-Фоминске.

Есть в России Сибирь – необъятная ширь...

Ах! Эта калина...

Ах! Эта калина
 Расцвела у тына –
 Белое убранство, словно у невест,
 Как же с ней расстаться
 Или здесь остаться,
 Может, заблудиться среди знакомых мест.
 Что же ожидает,
 Если сердце тает,
 Милая ромашка, мне раскрой секрет.
 Вроде кто-то рядом,
 Только нет отрады,
 И немного грустно, когда друга нет.
 Вести получила,
 Снова загрустила,
 В трубке телефона голос душу рвёт.
 Как теперь далёко
 Взгляд твой синеокий –
 Доченька родная в гости не зайдёт.
 Видно, всё оставлю,
 Нежности добавлю –
 С ветром расцелую голубую ширь
 Да смахну слезинки
 Краешком косынки,
 И с тобой расстанусь, матушка-Сибирь.

А над городом тучи плавают

А над городом тучи плавают,
 Весь июнь промок от дождей,
 Только радуется, как же радуется
 В небе облачко посветлей.

Пролилась одна тучка чёрная,
И опять с небес солнца свет,
А душа моя неуёмная
Благодати ждёт много лет.

Не такой июнь в той стороночке,
Где течёт ручей у плетня,
Там-то грезилось мне – девчоночке,
Что костёр горит для меня.

Тот костёр любви! О, пожарище,
Никогда ему не сгореть,
Как Есенин пел о Рязанщине,
О Сибири хочу я спеть.

Там над речкою, ах! Парной туман,
День погожестью улыбается,
А берёзоньки стройный стан
С ветром ласковым обнимается.

Эх, Сибирь, Сибирь, моя матушка,
Ширь полей твоих необъятная,
Хороши луга с сочной травушкой,
Ты далёкая, благодатная.

Есть в России Сибирь

Есть в России Сибирь – необъятная ширь –
Моя милая родина малая.
Там кедрач-богатырь, на пригорках ковыль
И зарница вечерняя алая.

Там короткое лето, туманный рассвет
И палящее солнце в зените,
Незабудки цветут, огоньки, горлицы –
В эти дни вы меня позовите.

Улечу, убою я в родные места,
Упаду на душистые травы.
Надышусь, нагляжусь – вот она, красота!
И другой мне не надо забавы.

А осенний рассвет, донеси мне привет,
Расскажи, о чём шепчут берёзки.
Тихий шорох листвы заметёт летний след,
Но весна им наденет серёжки.

Лишь зимой, как всегда: холода, холода.
Вьюги, стужа, и крепнут морозы,
Всё равно и зимой я поеду туда,
Где любимые сердцу берёзы.

ПРОЗА

Ручеёк (Сказка-притча)

Где-то в горах родился Ручеёк. Он был ещё совсем маленьким и с трудом мог течь. Но он очень любил мир, который его окружал, и умел радоваться жизни. К тому же был любознательным, и ему было всё интересно. А ещё Ручеёк мечтал вырасти и стать Большой Водой.

Однажды на своем пути он запнулся за Камень. Удивился, что тот не уступает ему дорогу, оглядел его внимательно и спросил:

– Ты кто?

– Я твоя преграда – ответил Камень.

– Уступи мне дорогу, ты что, не видишь, что я – Большая Вода?

Камень рассмеялся и остался лежать на месте:

– Чтобы стать Большой Водой, ты должен набраться сил и стать хотя бы Ручьём.

«Где же мне взять этих сил, и как я узнаю, что стал Ручьём?», – подумал Ручеёк.

Он остановился, задумчиво глядя по сторонам, и вдруг увидел, что неподалёку от Камня низко наклонил голову цветочек и чуть слышно шептал: «Пить... пить...»

Ручеёк повернул к нему и добрался, когда тот совсем уже поник.

– Пей, пей, милый цветочек, – радостно прожурчал Ручеёк и задержался у цветка до тех пор, пока, напившись, тот не выпрямился и не кивнул головкой в знак благодарности.

Ручеёк снова побежал вниз, распевая весёлую песенку.

– Помогите!.. – вдруг услышал он голос откуда-то сверху.

Чуть выше от того места, где он протекал, на берегу лежал Горный Орёл с подбитым крылом и стонал от боли.

– Но как я помогу тебе, Горный Орёл? Ты так высоко от меня, и я не смогу к тебе добраться.

– А ты прыгни...

– Но если я прыгну, я разобьюсь на тысячи капель, – стал волноваться Ручеёк.

– Тогда прощай!..

Ручеёк застыл в нерешительности и хотел было бежать дальше, но его сердце стучало: «Попробуй! Попробуй!» Он глубоко вздохнул, разбежался и... не допрыгнул. Тогда прыгнул ещё раз и ещё, и только несколько

Таисия ГУСЬКОВА

Таисия Владимировна Гуськова – родилась в Белоруссии. Окончила Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина, филологический факультет. Печатается с 2010 г. Автор трёх книг. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

капель упало на голову Орла. В последний раз, собрав всю свою воду, Ручеёк прыгнул и оказался у Орла.

Перед ним лежала большая прекрасная птица с чёрными крыльями и белой бородкой. Ручеёк обнял её, щедро полил его больное крыло и напоил своею чистой прозрачной водой.

Напившись, Горный Орёл востропнулся, неожиданно встал на лапы и взлетел.

– Благодарю тебя, смелый Ручеёк, ты спас мне жизнь, – прокричал он с высоты.

Слышал ли эти слова Ручеёк – неизвестно, он просто продолжал свой путь по новой дороге, тёк, глядя в небо, и вслушивался в дивную песню, которая становилась всё слышнее.

Ему навстречу шла девушка с пустым кувшином в руках. В этих местах давно не было дождей, а вода была так нужна людям.

– Ручеёк? – удивлённо спросила она. – Откуда ты взялся, тебя здесь раньше никогда не было?

Ручеёк восторженно смотрел на красивую девушку, звонче журчал и наполнялся водой.

Девушка набрала воды в кувшин, и только сейчас Ручеёк осмелился спросить:

– Почему так грустна твоя песня?

– За той горой мой дом, в нём лежит раненый солдат. Но теперь у меня есть вода, она обмоет его раны и утолит жажду.

Девушка набрала воды, поставила кувшин на плечо и ушла.

Ручеёк хотел было побежать за Девушкой, развернулся и ...упал вниз.

Он упал в долину рядом с селением. Первыми его увидели дети, играющие на улице.

– Ручей! Ручей! – кричали они и опускали в него свои руки, пили его прохладную воду, плескались, веселились. Радовались женщины, набирая воду, мужчины поили лошадей и другой домашний скот, а воды не убавлялось. В селении устроили праздник; играли, танцевали и пели весёлые песни.

Ручеёк подпевал им журчанием своих вод и радовался вместе с людьми.

К вечеру он постарался незаметно выйти из селения и, продолжая течь дальше, думал о встречах, которые подарил ему Путь.

Неожиданно он услышал:

– Я ждала встречи с тобой, Горный Ручей.

Ручей догадался, что это голос Большой Воды.

– Я – река, – говорила она ласково. – Я плыву к Морю и донесу к нему и твои прекрасные Воды. Прыгай, смелей!

Ручей улыбнулся и доверился Большой Воде.

Господин Пылесос (Сказка-притча)

В кладовке большой квартиры нашли своё место много чудесных вещей разного назначения и возраста. И все они ладили друг с другом, делились своими воспоминаниями, иногда даже позволяли по-дружески шутить между собой. Все доброжелательно относились к новым соседям, охотно уступали своё место какому-нибудь новому жителю.

Не так давно в кладовке поселился новенький. Звали его Пылесос. Моющий.

Он сразу занял много места на полу. Его соседка, высокая и стройная Щётка, ещё больше прижалась в угол и не смела возразить.

Общество с большим любопытством присматривалось и прислушивалось к новенькому, старалось завести знакомство. Но Пылесос вёл себя отстранённо и пребывал в задумчивости.

Часто он выезжал на своих больших колёсах, гордо вытягивая шею и, подбоченясь, покидал кладовку, всякий раз больно задевая стоящую рядом Щётку.

– Важный, как господин, – вздохнул кто-то.

С тех пор и стали называть его Господин Пылесос.

– Как съездили, господин Пылесос? – всякий раз по возвращению спрашивали его. И Пылесос упоённо рассказывал о том, какой новый и красивый ковёр купила Хозяйка, что нового произошло в доме, в каких комнатах он бывал и как маленький Петя сидел на нём верхом и измял ему бока.

– Ох, уж эти дети! – пыхтел он. – Всё норовят потрогать, всё испортить. Вот уже и кнопка скоростей западает. Только Хозяйка меня протирает, поглаживает, даёт водички. Без меня не обойтись, я здесь самый нужный, от меня столько пользы...

– Будьте скромнее, господин Пылесос. И меня когда-то чистили до блеска, отозвался Самовар, вздыхая. – Бабушка Хозяйки была артисткой. И, знаете ли, хорошо пела. Особенно мне нравилось: «У самовара я и моя Маша...» Из театра она возвращалась с шумной компанией и сразу велела ставить самовар. А меня и ставить не надо было: я всегда стоял в центре стола на самом видном месте, под абажуром. Сверху на меня светила лампочка, и я сиял как золотой. А сколько я знаю историй из жизни артистов! Вот как сегодня помню...

Но тут дверь кладовки открылась, и чьи-то сильные руки вывезли Пылесос в комнату. Некоторое время в кладовке стояла тишина.

– Ваше сиятельство, – обратился к Самовару Утюг. – Вы всё сказали? Хочу напомнить, что были времена, высокие отношения, уютный дом... и в этом была и моя заслуга, прошу простить за нескромность. Помню, – продолжал Утюг, – как я гладил платья нашей артистки. Сколько нижних юбок, да всяких рюшечек за много лет разгладил, распрямил. Работал, бывало, целыми днями: то бельё, то занавески, то платья... А уж как любил меня Хозяин! Он никому не доверял гладить свои форменные брюки. Я ему такую стрелку наводил, что «муха могла обрезаться», – горячился Утюг. – Правда, это были слова генерала, – добавил он несколько смущённо.

В кладовке возникла напряжённая тишина, слышались лёгкие вздохи, желания высказать свои мысли витали в воздухе, но продолжения разговор больше не имел.

Стало темнеть. Сквозь маленькое оконце едва пробивался свет, а Пылесоса всё ещё не было.

– В это трудно поверить, но я жила в то время, когда электричества ещё не было. Простите, может, вам это неинтересно? – нарушила тишину Старая Керосиновая Лампа.

– Что вы, что вы. Я отлично вас понимаю, – поддержал её Радиоприёмник. И хорошо вас помню. Я в этом доме просыпался раньше всех и с радостью встречал новый день. «Доброе утро, дорогие товарищи!» – говорил я, после чего вставала Хозяйка и зажигала вас, почтеннейшая Лампа.

– Вы что-то путаете, сударь. Вас ещё на свете не было, когда я жила в деревне и была единственным источником света. Правда, существовали свечи, но они были почти недоступны. При мне училась читать и писать прабабушка нынешней Хозяйки. Она усердно занималась, а я старалась светить ей подольше. Я до сих пор помню алфавит: «Аз, Буки, Веди, Глаголи, Живёте... – проговаривала по слогам Лампа.

И в это время дверь распахнулась, яркий свет погасил воспоминания рассказчицы, и в кладовку ввалился Пылесос.

– Вы говорите: живёте? Ну, живите, живите, а я вот почти умер...

Наступила тишина.

– Что с вами, господин Пылесос? Вы можете говорить? – робко спросила Лампа.

– Как вам известно, я сегодня целый день работал, наводил, так сказать, порядок в доме. Меня уже хотели поставить на место, но из дома решил убраться. А она по дороге растеряла все свои иголки, и я опять принялся за работу. Хозяин обращался со мной очень резко, я то и дело опрокидывался на бок, стал хрипеть и чихать. Знаете, у меня аллергия на хвою.

Нового этого слова никто не знал, но все дружно стали сочувствовать Пылесосу.

– А потом, – продолжал он, – я и вовсе перестал работать. Меня разбирали-собирали, вытряхивали из меня всё содержимое, меняли воду... И после короткой паузы добавил: теперь и я стал невыездным...

Он замолчал, и в кладовке уже никто не пытался заговорить.

Ночью все спали плохо, прислушивались к дыханию Пылесоса: тот дышал тяжело, прерывисто.

На следующий день в кладовку вошла Хозяйка и, взяв Щётку в руки, стала надевать на неё платье. Щётка смущалась и обмирала от неожиданного внимания. Когда она ушла вместе с Хозяйкой, в кладовке заговорили все разом. Слышались отдельные фразы: «...такая одинокая», «скромница», «пылинки сдувала». Всех старался перебить Радиоприёмник:

– Какие новости! Какие новости! Что я вам говорил?! Призываю общество к тишине!

Щётка вернулась только к вечеру. Уставшая, осунувшаяся, она еле стояла на ногах. Не дойдя до своего угла, она оступилась и упала на пол.

– Воды! Воды! – вскрикнул Утюг.

– Бедняжка! У неё глубокий обморок, – заключил старый ртутный Термометр, лежащий на верхней полке.

Все засуетились, задвигались, закружился выдавший виды японский Веер. Щётка, постанывая, пыталась подняться, но силы опять покидали её.

Неожиданно проснулся Пылесос и, вмиг оценив положение, нажал на кнопку, достал из своего нутра стаканчик с водой и стал брызгать на Щётку. Она открыла глаза, захлопала ресницами, и по её щеке скатилась то ли слеза, то ли капелька воды. Пылесос, как мог, утешал её.

– Благодарю вас, господин Пылесос, – сказала Щётка, вставая. – Вы поступили весьма благородно.

Пылесос многозначительно крикнул, ставя стаканчик на место, и с шумом захлопнул крышку. Вдруг он вздрогнул, и во всю мощь заработал его мотор.

На этот звук в кладовку вошла Хозяйка...

ПОЭЗИЯ

Владимир РОДИОНОВ

Владимир Максимович Родионов – родился в июне 1946 года в Москве. Член Союза писателей России. Автор семи поэтических книг. Живёт в Москве.

Я в любви к России вышел объясниться...

Притомился вечер

Притомился вечер, дремлет возле сада.
Полночь вяжет сети в стороне лесной.
На луга ложится лёгкая прохлада,
И река играет серебром с луной.

Ветерок коснётся плеч моих усталых,
И пройдётся нежно по чертам лица.
Всех земля согреет, молодых и старых,
Ведь она с рожденья с нами до конца.

Сяду на крылечко воздуха напиток,
Сердце растревожит ночь и тишина.
Я в любви к России вышел объясниться,
Богом и судьбою мне она дана.

Светлый день июня выпит без остатка.
Звёзды осыпают рощи и поля.
Соловей в сирени тянет трели сладко...
Я твоя песчинка, Родина моя.

Пробудилось утро, небо заалело,
Радостно и звонко прокричал петух.
Солнышко ласкает всё земное тело,
Расплескав повсюду свой янтарный круг.

Тропою памяти

Гляжу вокруг, волнуясь и страдаю,
И нет покоя сердцу и душе...
На лепестках ромашки загадаю
И помолясь, присяду на меже.

И вспомню, что мне дорого и мило,
Что с детских лет лелеял и любил,
Когда в родной деревне жизнь бурлила!
И дух страны Великой с нами жил.

Я помню хвойный запах лесопилки
И в клубе переполненном кино,
И хохот женщин у зерносушилки,
Под песни убирающих зерно.

Давно на картах нет «Страны Советов»,
И многих деревень в округе нет...
Одни вопросы?.. – Нет на них ответов,
За эти два десятка горьких лет.

Одна беда сменяется другою,
Проходят годы смутной чередой.
О, Родина! Что делают с тобою,
В погоне за заморской ерундой?!

Остовы ферм, складов и лесопилки –
Разбиты и заброшены давно...
Отдал бы всё, за шум зерносушилки,
И за комбайн ссыпаящий зерно!

Всегда со мною

Всё чаще маму вспоминаю...
Что нашей памяти года?..
Я до сих пор по ней скучаю,
Она в душе моей всегда.

Зимой холодной и весною
Мне дарит и тепло, и свет!
Она жива, она со мною –
Хранит в пути от гроз и бед.

С дней самых первых от рожденья,
И вплоть до этих лет и дней,
Я жил с её благословенья,
И лучшее всё видел в ней.

Иду по веку я упрямо
Среди исхоженных дорог.
С небес в лицо мне смотрит мама...
И выше мамы только Бог!

Слово о Козельске

Люблю тебя, мой город древний,
Веселье праздников и грусть,
И гордый дух былых сражений,
Прославивших Козельск и Русь.

Холмы Другузньи Клютомы* –
Живых свидетелей тех бед.
И «крест» с тем временем знакомый,
Хранящий злых баталий след.

Провинциальность улиц узких,
Сады, овраги и людей,
Неторопливый говор русский,
И в небе маковки церковей.

Люблю я Оптиной сиянье
И Жиздры величавый бег,
Природы летнее дыхание
И город мой, одетый в снег.

Козельск – былинный,
славный город!
Стоит в нехоженных лесах,
Он и сейчас красив и молод –
Солдат России «на часах»!

Сын России

На холмах, над Жиздрою рекою
Древний город крепостью стоит,
С непростой трагической судьбою
Боль родной земли в себе хранит.

Обломали копья басурманы,
И назвал Батый наш город злым,
Но болят с тех пор героев раны,
И мы вновь спешим на помощь им.

Не жалея жизней и усилий,
Отстоим мы город свой родной,
И опять ведёт нас князь Василий**
На орду в последний смертный бой.

Пусть столетья воды Жиздры смыли,
Звон клинков нам слышен сквозь века,
Славе предков мы не изменили,
Нам она, как прежде, дорога.

А Козельск всё лучше и красивей,
Что ему столетья и года?!
Сын Великой матери – России!
Город Русской славы навсегда!

* Другузна, Клютома и Жиздра – реки, текущие через Козельск

** В те роковые для Козельска дни городом правил двенадцатилетний князь Василий.

Борис ВИЛЕНСКИЙ

Дагестанский дневник

Конец октября, преддверие зимы в Москве... А в Махачкале ещё только конец лета и +20. Но тепло было не только потому, что так распорядилась погода, а от тепла и радушия человеческих сердец. Наша скромная делегация от Московской городской организации Союза писателей России состояла из двух человек – Иван Голубничий, Секретарь Правления Союза писателей России, главный редактор журнала «Великороссь» и газеты «Московский литератор», и автор этих строк, поэт Борис Виленский. Для Ивана Голубничего это была уже десятая (юбилейная) поездка в Дагестан. Мне же предстояло удовольствие открытия новой страницы в жизни. Нас встречал Председатель Правления Союза писателей Дагестана народный поэт Дагестана Магомед Ахмедов. Он автор такого количества книг, статей, переводов, что даже нет смысла перечислять. Не случайно он возглавил Союз писателей Дагестана, приняв эстафету от Расула Гамзатова. Мы уже встречались с ним в Москве на неизменных писательских посиделках в ЦДЛ. Было вдвойне приятно увидеть знакомое лицо. Нас привезли на берег Каспия в гостиницу «Приморская». Улицы Махачкалы удивили своей чистотой и малым количеством машин. После сумасшедших московских ритмов и бесконечных потоков машин мы словно очутились на берегу плавной реки, и мысли были такими же плавными. Я сразу стал вспоминать всё, что знал

Борис Семёнович Виленский – поэт, прозаик. Родился в декабре 1951 г. в г. Баку. Окончил Кировоградский строительный техникум. В 1977 г. переехал в Москву. Участник литературной студии «Звезда». Увлекается парашютным спортом, резьбой по дереву, конструированием мебели, философскими учениями, историей Древней Руси. Пишет стихи и прозу. Автор двух сборников стихов и многочисленных публикаций в печати. Живёт в Москве.

Аварский танец

о Дагестане: кубачинские кинжалы, вазы, браслеты, Шамиль, лихие горцы, народный поэт Расул Гамзатов, легендарный подводник Магомед Гаджиев, большое количество языков и народностей. Увы, до обидного мало. Мою неосведомлённость компенсировал Иван Голубничий, неплохо знавший эти края. В первый же день мы посетили ме-

мориальный музей Расула Гамзатова при Союзе писателей Дагестана. Тут не могло быть сомнений в народной любви к своему поэту. Всё наше поколение выросло на гамзатовских «Журавлях», и нет человека в России, который не любил бы эту песню. Поистине, настоящая поэзия бессмертна, потому что в ней – душа народа. Из Москвы мы привезли свежие номера газеты «Московский литератор», приветы от друзей. Здесь в кабинете Магомеда Ахмедова я познакомился с его заместителем Мариной Ахмедовой-Коллюбакиной, известным поэтом и переводчиком. За чаем выяснилось, что у нас много общих друзей и знакомых.

Второй день нашей поездки превзошёл все ожидания. Мы выехали из Махачкалы рано утром, затемно, на двух машинах. То, что я принял за горы, было ещё просто высокими холмами. Мы проехали тоннель длиной в 5 км, а вот дальше начались горы. Описывать горы занятие неблагоприятное – их нужно видеть, чувствовать. Дорога, по которой мы ехали, больше всего напоминала кардиограмму сердца – прямых участков почти не было. Я тогда подумал, что любой местный житель, едущий здесь на машине, вполне мог бы участвовать в международных ралли. По дороге мы много говорили о поэзии, о литературе вообще, вспоминали старших товарищей, ушедших в мир иной, и своих учителей. Магомед Ахмедов был не только нашим гидом, но и интересным собеседником, а общих знакомых у нас оказалось много, некоторые из них открыли нам путь в литературу. А дорога всё петляла и петляла, за машиной вился пыльный шлейф, мелькали по сторонам то ущелья, то сады, то небольшие аулы и мечети. На каких-то террасах в горах люди ухитрились ещё что-то выращивать. Мне подумалось тогда: как нужно любить свою землю, чтобы в таких суровых условиях гор жить, работать, растить детей! Видели мы и легендарный аул Гуниб. Через ущелье, в ярких солнечных лучах он напоминал нечто сказочное. А над всем этим возвышался памятник знаменитым журавлям. Каждый год там проводят гамзатовский праздник, на который собираются деятели культуры не только Дагестана, но и из других уголков России, приезжают также на праздник из-за границы. Слава народного поэта Расула Гамзатова давно перешагнула пределы нашей страны. Мне понравилось, как горцы чтят своих поэтов, может потому, что те не забывают о своих корнях. А без корней, как известно, бывает только пережаты-поле, подвластное всем ветрам...

Бесконечные повороты дороги, в конце концов, сбили меня с толку, я уже перестал ориентироваться в направлениях, да и солнце перешло в зенит. Оставалось только наслаждаться захватывающими дух пейзажами. В какой-то момент мы ехали вдоль ущелья, где протекала бурная река, видели водохранилище. Казалось, дорога будет виться бесконечно. Но вот мы в очередной раз взобрались на какой-то подъём и оказались в ауле Тляррош. Там нас уже ждали. В Тляррошской средней школе собрались

Музей Р. Гамзатова. Б. Виленский, М. Ахмедов, И. Голубничий, М. Ахмедова-Коллюбакина

Горы Дагестана

Горной тропой

ученики, учителя, деятели науки и культуры. Недавно школа отметила свой юбилей – 85 лет. Её выпускниками за все эти годы были известные деятели культуры и науки, спортсмены, военные, партийные и государственные деятели. Всех даже невозможно перечислить в данном формате, но педагогический коллектив школы проделал большую работу, чтобы увековечить своих земляков в книгах, выпущенных к 80-летию юбилею школы. Это хорошая память для тех, кто окончил эту школу, а более того – для будущего поколения. Мы посетили небольшой школьный музей, где собраны предметы быта горцев, ведь прошлое – тот фундамент, без которого не может быть будущего. Хочу отметить, что среди хозяев праздника я не увидел «лиц кавказской национальности», потому что это были открытые, улыбчивые и доброжелательные люди – люди культуры, люди труда. Да просто люди. Нам ча-

сто не хватает добросердечности, открытости, взаимопонимания. Может, потому мы так и живём – в тревоге, подозрительности, откровенной вражде. Прежде, чем начался праздник, мы перезнакомились со многими людьми. Разговоры шли о литературе, культуре, насущных проблемах. Люди переживали, что их земляки или те, за кого их принимают, ведут себя неподобающим образом в других регионах. Пришлось объяснить, что по отдельным отщепенцам нельзя судить о целом народе.

Торжественная часть праздника школы проходила на открытой площадке под навесом. Со стороны президиума всё выглядело очень живописно: слева школа, а за ней аул, справа горы, залитые солнцем, и ущелье, а впереди на площадке ученики, учителя, зрители. Выступали деятели культуры и науки, учителя, руководители администрации, пели и танцевали ученики и артисты. Мне понравился национальный колорит праздника. Интересным оказался обычай приглашения на танец: женщина или девушка протягивала цветок выбранному партнёру, а тот должен был выйти на круг. Это мне даже напомнило обычай в некоторых наших деревнях, когда девушка протягивала платок выбранному партнёру. Достался цветок и Ивану Голубничему, а вот мне пришлось отказаться от танца – от долгой поездки ноги у меня совершенно одеревенели, к тому же сказывались последствия ещё недавнего горного подъёма в Саянских горах и сорокакилометрового марш-броска по байкальской тайге. Праздник

завершился, как водится, щедрым кавказским застольем с песнями и танцами. Мне очень понравилась аварская кухня, за что низкий поклон тем женщинам, которые от всей души и умения постарались для праздника.

Когда наступила пора прощаться, я испытал смутное чувство, что расстанусь с чем-то родным. Ивана Голубничего и меня обступили девушки, которым мы подписали свои книги. Сперва я думал, что девушки – ученицы старших классов, но, как потом выяснилось, это были молодые учительницы. Мне понравились их глаза, их открытые лица. Хочется им всем пожелать успехов на трудном пути учителя и в воспитании нового поколения. Очень важно запомнить своего первого учителя, который вводит маленького человека в большой мир. Мы простились с гостеприимными хозяевами, как старые друзья.

Потом снова машина пылила по горным дорогам. Очевидно на нас что-то накатило, и мы стали петь с Иваном Голубничим, вспомнили старые добрые песни советских времён и народные песни. В таком приподнятом настроении допелись до хрипоты. А солнце уже пряталось за горными вершинами, иногда показываясь между хребтами. Мы заехали в Верхний Гуниб к месту, где князь Барятинский принимал капитуляцию Шамиля. Мы посетили беседку Шамиля уже в сумерках. Здесь на камне непримиримый имам думал горькую думу и боролся со своими сомнениями. Князь Барятинский благосклонно отнёсся к бывшему противнику и даже подарил имаму Шамилю свою шубу, учитывая его возраст и холодную погоду в горах. Шамиль с семьёй получили от царя имение, а Кавказ – долгожданный мир. И хотя некоторые пытаются трактовать по-своему историю России, всё же ни один народ в России не был уничтожен, что произошло в обеих Америках несколькими веками ранее. Хотелось подольше задержаться у беседки Шамиля, чтобы почувствовать веяние истории, но времени хватило только на то, чтобы сфотографироваться у памятного места. Дальше дорога вела нас в Гуниб. По пути меня посещали разные мысли: как суров этот горный край и малодоступен, как мужественны люди, живущие здесь. То, что Шамиль принял нелёгкое для себя решение, сохранило жизнь многим горцам и русским солдатам. Главное, чтобы будущие поколения дагестанцев помнили об этом, а те, кто пытается манипулировать именем Шамиля, оскорбляют его память.

Недолгая остановка дала возможность Магомеду Ахмедову пообщаться с родственниками, после чего мы отправились в обратный путь. Все уже изрядно устали, поскольку провели в дороге не менее 10 часов. Переезжая плотину ГЭС, мы остановились. В темноте всё выглядело весьма устрашающе, мы словно взглянули в очень глубокий и огромный колодезь. В Махачкалу вернулись уже поздно, уставшие, но довольные.

Следующий день нам дал возможность пройтись по улицам Махачкалы. Люди вокруг улыбались и приветствовали нас, поздравляя с праздником курбан-байрам. И хотя мы не мусульмане, но вполне разделяли радость людей и их праздничное настроение. А ещё нам было приятно отметить, что наш друг Магомед Ахмедов пользовался уважением своих земляков и его узнавали на улицах. Русских поэтов в Москве никто не знает в лицо, да и творчество их как бы отсечено от народа. Ближе к вечеру мы посетили юбилейный вечер кумыкского поэта Джавата Закавова. Иван Голубничий вручил юбиляру медаль А.С. Грибоедова, отмечая его заслуги в национальной литературе. Дальше были выступления деятелей культуры и искусства, артистов, детей, молодых поэтов. Певцы исполняли песни на стихи Джавата Закавова. Нам трудно было оценить песни, не зная кумыкского языка. Но голоса певиц были выразительны и профессиональны. Нам понравилась атмосфера юбилея и здание Кумыкского народного театра, в котором было довольно уютно. Праздник продолжался допоздна, но рано утром нам уже предстояло ехать в аэропорт и возвращаться домой. По дороге в аэропорт я поймал себя на мысли, что сожалею о нашем таком кратком визите в этот удивительный край. Позже мои знакомые посетовали, что я рискнул ехать в места, где идёт война. Я ответил им, что война идёт в умах и в сердцах людей, а мы поехали по доброй воле и с добрыми мыслями. И всё же мне верится, что мир наступит в этом суровом и благодатном крае, что талантливый народ Дагестана не даст отщепенцам глумиться над здравым смыслом и памятью предков.

ПОЭЗИЯ

Вячеслав ДУЛИКОВ

Вячеслав Захарович Дуликов – родился 30 мая 1943 г. в ближнем Подмосковье. В 1965 г. окончил Московский государственный институт культуры. Профессор Московского государственного университета культуры и искусств (МГУКИ), заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России. Автор более 15 сборников стихов, в том числе: «Снова слышу колокола» (1990), «Проживи сотню лет на Руси» (1996), «Перекатное эхо» (2001), «Листок багряный клёна» (2010) и др.

Живёт в Москве.

Потерпи ещё малость, Родина...

Сухменный полдень
 опрокинут в небо.
По ниве тучной –
 тени облаков.
Кузнечики стрекочут
 гимн хвалебный –
О Родине,
 плывущей из веков.
Могучий дуб
 раскинул гордо
 крону,
И в золоте смолистом
 ствол сосны.
Волной ленивой
 ветерок по склону
Баюкает твои, Россия,
 сны.
Как жаль, не слышно
 жаворонка боле.
Табун коней
 не дремлет на лугу.
Минувшее, знакомое
 до боли,
Осталось на заглохшем
 берегу.
О, Родина!
 Что может быть дороже.
Надежду дарят
 тени облаков.
Сухменный полдень,
 он и впрямь похожий
На знойный полдень
 из былых веков.

На выставке Ильи Глазунова

Какая трепетная грусть
В полотнах этих поселилась.
Как будто Русь,
 святая Русь,
Сама собою к нам явилась.
Проходят лики чередой,
Похожие,
 как все святые.
И очи девы молодой,
Прозрачным светом налитые.
**(Впечатление до посещения выставки
по ранее виденным репродукциям)**
О, ты совсем не безмятежна,
Святая Русь!
**(Впечатление после посещения
выставки)**

Как исковеркана Россия,
И где там тишь,
 и где там грусть,
Какие «спицы расписные»...
В клубке веков не разберусь.
Многострадальные глаза...
Толстой в неистовом порыве.
Невмоготу ему молчать
Про наши небыли и были.
Кого-то можно не узнать,
Кого-то просто позабыли.
И Достоевского
 свеча
Звездой надежды в этом мире.

Толпою Пушкин окружён,
Как будто в сумраке
 нейтральном.
А над Россией слышен звон,
То колокольный,
 то кандалный.
И на тебя глядят глаза...
Глаза в глаза,
 глаза в глаза.
Но не спросить их,
 не ответить.
И не заметить их
 нельзя.
А над Россиюю
 гроза...
Гроза,
 метель
 и ветер,
 ветер.

Какая нравственная сила...
И, ненавидя и любя,
Неужто, Русь, ты всех
простила,
Простила всех,
но не себя?
Молчит она,
молчит Россия.
И, ненавидя и любя,
Многострадальная Россия
С вопросом
смотрит
на тебя...

Родина

– *Говорят, вы бывали за границей.
Ну и как там?*
– *Хорошо. Но в России лучше.*
(Из разговора)

Я люблю Россию до боли сердечной.
М.Е. Салтыков-Щедрин

Города твои провинциальные.
Колокольни –
штукатуркой облупленной...
Глаза женщин твоих печальные
Отрешённо глядят...
Всё раскуплено.
И деревни твои неказистые.
Заросли к ним тропинки
травami.
По утрам петухи голосистые
Не балуют
руладами бравыми.
В поле колос ржаной
чуть колышется
Под кузнечика песнь
одинокую.
Снова дома...
и легче дышится.
Средь сородичей
чуть не окаю.
Знать бы –
подкова на счастье
обронится.
До ночлега дорожка
неторена.
Не о том ли гудит
безъязыкая
звонница:
– Потерпи ещё малость,
Родина...

ПРОЗА

Леонид ЧИГРИН

Вязальная спица

Вот уже полвека, как мне не даёт покоя одна и та же мысль: действительно ли я в юности раскрыл дерзко задуманное преступление или на самом деле всё было не так, а я просто придумал себе то, чего не было и не могло быть? Иногда я отвечаю себе утвердительно на этот вопрос, иногда отрицательно, а всякая неопределённость неизбежно оборачивается сомнениями.

Но перейду к сути рассказа. Было мне тогда шестнадцать лет, самый романтический возраст юности. Жили мы с матерью в небольшом горняцком посёлке Адрасман, на севере Таджикистана, где добывали урановую руду. Но её запасы закончились, шахты стали закрываться, и мы переехали в Чкаловск, уютный городок, где находилось управление шестого комбината, в систему которого входили многие предприятия этой специфической отрасли в Средней Азии.

Городок небольшой, утопающий в зелени, здания оригинальной архитектуры, их строили пленные немцы, и возникало ощущение, что находишься не в Таджикистане, а в той Германии, или Прибалтике, в крайнем случае.

Поселились мы в коммунальной квартире на две семьи. Здание толстостенное, из жжёного кирпича, комнаты большие, с высокими потолками, что было очень важно в условиях жаркого азиатского климата. Даже в июле и августе, на которые выпадал самый пик знойной поры, в квартире было прохладно, и ночью приходилось укрываться тонким одеялом.

Нам с матерью выделили две комнаты. В одной, метров двадцать квадратных, устроилась мать со всем нашим небогатым имуществом, а в другой, узкой как пенал, с подвесным балкончиком, расположился я. Там поставили солдатскую койку с жёсткими пружинами, стол, два стула и этажерку для книг. Радости моей не было предела. Впервые в жизни я имел свою комнату и зажил самостоятельной жизнью. Книги всегда составляли для меня самую важную часть бытия, и теперь я их мог читать беспрепятственно до самого утра. В чкаловском Доме культуры была богатая библиотека, я открыл для себя многих интересных писателей, и свет в моей комнате не гас до утра. Можно представить, в каком состоянии я являлся в школу, и с каким трудом точные дисциплины, такие как алгебра и тригонометрия, укладывались в моём сознании. С тупым удивлением смотрел я на классную доску, на глади которой разбегались цифры и формулы, и бормотал что-то

Леонид Александрович Чигрин – родился в Белоруссии, в пос. Осинторф в 1942 г. Журналист, сценарист, прозаик. Один из ведущих русских писателей Средней Азии. Романы и повести переведены на английский, китайский, японский, турецкий языки.

Живёт в Душанбе.

невразумительное. Математичка махнула на меня рукой и больше не тревожила. Зато на уроках литературы и истории я отвечал с блеском, приводя в восторг учителей гуманитарных дисциплин.

И в школе обо мне сложилось двоякое мнение: одни преподаватели прочили мне блестящее будущее, другие утверждали, что толку от меня не будет и выше слесаря мне не подняться.

Следует ещё сказать, что школа, в которую я угодил, приехав из горняцкого посёлка, была элитной, с математическим уклоном. В ней учились дети привилегированного городского сословия, руководителей комбината, директоров и главных инженеров различных рангов, и я, будучи сыном секретаря-машинистки, да ещё без всякого интереса к точным наукам, выглядел белой вороной в слитной стае чёрных, лоснящихся важных птиц. Но тогда это меня не тревожило, у меня был собственный мир, полный удивительных героев и самых невероятных событий, и реальная жизнь скользила где-то рядом, то и дело выбрасывая меня на свои отмели. Мою мать поначалу часто вызывали в школу, но особого влияния она на меня оказать не могла, тогда ей дали понять, что аттестат зрелости я получу, нельзя же, чтобы одна паршивая овца испортила проценты общей успеваемости, лишь бы я сидел тихо и иногда появлялся на уроках. Это было мне не в тягость, и наступило желанное примирение между мной и администрацией школы.

Третью, угловую комнату в нашей коммунальной квартире занимали молодожёны. Мужа звали Геннадий. Он был выше меня на голову и старше на двенадцать лет. Светловолосый, с голубыми глазами, смотрел всегда искоса, говорил мало, стараясь умерить грубый голос. Было в нём что-то отличающее от сверстников, тогда я не мог понять, что именно, и терялся в догадках. Он как-то обмолвился, что занимался боксом, и, верно, его сутуловатая фигура с покатыми плечами и длинными руками соответствовала представлениям о любителях этого вида спорта.

Геннадий работал на стройке штукатуром-маляром. Уходил из дома рано, когда рассвет ещё только выбеливал кромку тёмного неба, и приходил в сумерках. Помимо основной работы он занимался ещё ремонтом квартир. Старался заработать побольше, ему обещали отдельное жильё, и предстояли расходы на приобретение мебели, мечтал он купить машину, да и потом на наряды для молодой жены тоже уходили немалые средства.

Молодая жена, её звали Аня, только что отметила своё двадцатилетие. В Таджикистан она приехала по оргнабору. В те годы в республике действовали и строились большие предприятия, требовалось много рабочих рук, и молодёжь вербовали в России, Белоруссии, на Украине и других частях Страны Советов. Аня была молдаванкой и трудилась на Ленинабадском шёлковом комбинате. Красота её привлекала общее внимание, редкий мужчина не оборачивался ей вслед. Чуть выше среднего роста, грациозная, с тонкой, как говорится, осиной талией. Смугловатая, со слегка удлинённым лицом и большими тёмно-кариыми глазами, похожими на спелые вишни. Густые, чёрные, слегка вьющиеся волосы ложились на плечи, ей не требовалась косметика, молодость служила лучшим украшением. Полные губы, нижнюю она чуть капризно выпячивала вперёд, разлёт широких бровей, длинные, чуть загнутые вверх ресницы, маленькие изящные руки и ступни ног. Природа внимательно отнеслась к ней и щедро одарила всем, что имелось в её запасниках.

Трудно было представить себе более несхожих между собой людей, чем она и её хмурый супруг. Даже характеры у них были разные. Жизнь представлялась Ане цветущим садом, а её яркая внешность оберегала её от всяких обид. Ею можно было любоваться, улыбка не сходила с её губ, а глаза лучились весельем. С ней пытались знакомиться в автобусах и на улице, провожали до дома, назначали свидания. Геннадий ревновал её отчаянно, пару раз даже подрался с её ухажёрами, просил держаться построже, а она только смеялась в ответ и уверяла, что ей никто не нужен, кроме мужа. Геннадий верил и не верил ей, и только в минуты серьёзного разговора плотнее сдвигал на переносице рыжеватые брови.

Я был тогда юн и мало что понимал в хитросплетениях жизни, но начитанность способствовала философским обобщениям, и я думал, что красота – это не только божественный дар тому, кто им обладает, но и большое испытание для окружающих.

К тому времени я уже прочитал новеллу Мериме о Кармен, и Аня представлялась мне живым воплощением знаменитой цыганки. Впрочем, она и сама не отрицала, что в её жилах есть доля цыганской крови. «Цыганский табор всегда стоял на окраине нашего селения, мама у меня была влюбчивой и ещё краше меня, – говорила Аня с озорной улыбкой. – Как тут было не впасть в грех. Но ведь никто не прогадал от этого». По-русски она говорила с заметным акцентом, иногда в речи проскальзывали неправильности, но это шло ей, прибавляло ещё один штришок к общей привлекательности.

Работала она мотальщицей коконов. Занятие довольно трудное, хотя особой сложности не представляло. Коконы распаривались в горячей воде, и, когда клейкое вещество, образующее шарик из шёлковой нити, растворялось, нужно было ухватить кончик этой нити и обернуть вокруг шпульки. Нить наматывалась на валик, за ней следовала другая, и так всю рабочую смену. В цехе было душно, высокая влажность затрудняла дыхание, но больше всего страдали руки. От горячей воды кожа разбухла, лопалась, трещины кровоточили и причиняли сильную боль. Аня всё время мазала руки кремами, но помогали они мало, и неестественно белая кожа рук с язвочками была предметом её постоянного огорчения.

«Перейди в другой цех» – настаивал Геннадий. «Пока нельзя» – упрямо твердила она. Я не понимал – почему нельзя, на комбинате был добрый десяток цехов. Причина прояснилась позднее.

Зимы в Таджикистане случались суровые, особенно в северной части. Выпадало много снега, и он лежал неделями. Морозы разукрашивали стёкла домов узорами, ветви деревьев, опущенные инеем, образовывали причудливые сочетания, особенно, если выпадали солнечные дни. Тогда на блёклой синеве неба появлялся размытый оранжевый шар, а само небо походило на картину художника с узорами из белёсых веток. По просторной Ферганской долине часто дули сильные ветры, и тогда разыгрывалась настоящая метель, да такая, что нередко срывало черепицу с крыши.

Парового обогрева тогда в квартирах не было, топили печи. В нашей квартире печи были в комнате матери и на кухне. В моей маленькой комнате и в жилище молодожёнов печей не было, и я перебрался к матери. А как приходилось Геннадию с Аней в долгие студёные ночи, можно было только догадываться.

Топить печи было моей обязанностью. Работников комбината щедро обеспечивали дровами. Осенью нам привозили целый грузовик чурбаков. Кладовая была в подвале, окно выходило в глубокий проём, закрытый решёткой. Я переколол чурбаки на поленья и сложил их в штабель в кладовке. Потом таскал их охалками домой, разжигал огонь. Я любил это занятие: пламя гудело в топке, трепетали длинные языки, древесные угли долго рдели, давая сухой устойчивый жар.

В кухне было тепло, подоконник в метр шириной был у самой печи. Я садился на него, упирался ногами в стенку и углублялся в содержание очередной книги. Но не всегда удавалось почитать. Аня работала посменно и часто днём была дома. Тогда она выбиралась из своей ледяной комнаты и устраивалась у горячей печки. «Господи, как хорошо, – говорила она, жмурясь. – Слушай, а чая нет?» Для неё находился чай и кое-что из съестного. Тогда не было нынешнего обособления друг от друга, и коммунальные квартиры, если подбирались хорошие соседи, были коммунарами в изначальном смысле этого слова.

А потом мы разговаривали. Она рассказывала о своей жизни в молдавском селе, и мне не верилось, что эта молодая изящная женщина может доить корову, поливать огород и выдёргивать сорняки. Простые крестьянские занятия так не вязались с её экзотической внешностью. Я уподоблял её иголке, которая протягивает цветные нити сквозь суровое полотно, и на нём образуются удивительные картины. Она сама была яркой и праздничной, и таким становилось всё, что окружало её. Аня и одевалась необычно: носила широкие цветные юбки, какие мы видим у цыганок, облегаящие тело кофточки с оборками и рюшами, волосы стягивала красной лентой, и в тёплое время года в них красовался цветок розы.

Стоит ли говорить, что я влюбился в неё. Но это была не влюблённость, которая направлена на обладание предметом страсти, а скорее любование, как любуются мраморной статуей древнегреческого мастера, вовсе не преследуя цели стать её хозяином.

Несмотря на юность, я понимал, что я не ровня ей и вряд ли когда заинтересую её, как особь противоположного пола. Редкостный бриллиант нуждается в соответствующей оправе. И осознавая это, я тем более не понимал, как она могла выйти замуж за простого, ничем не примечательного работягу, каким был по своей сути Геннадий. Но одно дело – понимать, другое – противостоять своим чувствам. Каждая встреча с Аней, беседы по душам при ярком свете дня или тусклом свете малоомощной электрической лампочки на кухне доставляли мне неизъяснимое наслаждение. Я любовался её врождённой грацией, с которой она поправляла свои густые, блестящие волосы, как сидела на табуретке, выпрямившись, с осанкой женщины, осознающей свою незаурядность. Каждое её движение было полно неизъяснимой прелести, и я плыл в потоке своих чувств, которые всё чаще накрывали меня с головой. Я даже не мог подумать, что мог бы решиться обнять её, привлечь к себе, прижаться лицом к её плечу, вдыхая аромат волос. Это было так же невозможно, как встать ночью на подоконник и взять с неба пригоршню крупных, низко нависающих над сонным городком звёзд.

Геннадий, как я уже говорил, был старше и поопытнее в сердечных делах, и хорошо понимал, что со мной происходит. Однажды, по своему обыкновению, посмотрев на меня искоса, негромко сказал: «Смотри, пацан, рано тебе ещё лететь на огонь свечи...» Я не понял его и вопросительно вскинул голову. «Видел, как ночью мотыльки летят на свет лампы? – пояснил Геннадий. – Добро, если только опалишь крылья, а то можешь и напрочь сгореть. Анька, та ещё рыба...» Я не до конца понял его наставление, но с того дня, если он заставлял нас с Аней вдвоём на кухне, поднимался и уходил к себе в комнату.

Сложное чувство переживал я в то время. С одной стороны, прекрасная молдаванка казалась мне воплощением чистоты и беспорочности, с другой – я понимал, что она замужняя женщина и целиком принадлежит мужу. И тогда воображение рисовало мне картины того, что происходит у молодых супругов ночью, и отвращение заливало меня своими мутными волнами. Ночками я подолгу не спал, прислушивался к шорохам и стукам в соседней комнате, и слёзы от обиды и ревности вскипали на моих глазах. Но стоило мне днём увидеть Аню, услышать её звонкий смех, мягкий грудной голос, каким она смешно выговаривала русские слова, и я снова размякал от восхищения и готов был молиться на неё. Я понял, что значит боготворить женщину и ставить на кон жизнь ради неё.

Я сказал, что мы с ней беседовали по душам, когда были одни, и нам никто не мешал. Это было не совсем верно. Мы говорили обо всём, и ни о чём, слова для нас не имели значения. Аня неохотно делилась со мной своей биографией, но иногда, как вымываются песчинки из груды песка, проскальзывали кое-какие сведения. Так я узнал, что её тяготила сельская жизнь, она мечтала вырваться в город и стать там заметной фигурой. После окончания школы она с год работала в ней освобождённым комсомольским секретарём и поняла, что комсомол – именно то, что ей нужно. Её активность заметили и забрали в райком комсомола. Сперва она трудилась делопроизводителем, а потом стала инструктором райкома комсомола. Это была уже власть, пусть небольшая, но когда она приходила на предприятие или приезжала в колхоз, её встречали почтительно, все требования выполняли тотчас же. От этого возрастало чувство собственной значимости, появилось стремление двигаться дальше по комсомольской лестнице, а там осваивать и партийные кабинеты. Но нужны были или поддержка, или обстоятельства, способствующие возвышению.

Секретарь райкома по идеологии Эльвира Кошкодан как-то заметила энергичному инструктору: «Аня, старание – это ещё не всё. У тебя происхождение неважное: семья – не рабочая и не крестьянская. Собственники, середняки. Большая помеха карьере».

Глаза молодой комсомолки наполнились слезами.

«Что же делать?» – еле слышно спросила она.

«Нужно повариться в рабочем котле, изменить свою биографию. Сейчас объявлен набор производственников на Ленинабадский шёлковый комбинат. Поезжай туда, поработай в цехе год-другой, но комсомольской активности не теряй. Тебя заметят, заберут в комитет комсомола. Там вступишь в партию, препятствий не будет никаких,

выдвиженка из рабочей среды. Пошлют учиться в Высшую школу, и пошло-поехало. В крайнем случае, вернёшься к нам в райком, но уже на должность заведомо, а в лучшем – может, и туда переведут, – и Кошкодан вскинула брови вверх, указывая на облупившийся потолок. – Да и смотри, – добавила она наставительно. – Девушка ты красивая, от парней отбоя не будет. Будь осторожна в связях и знакомствах. Лучше выйти замуж за рабочего парня, опять же – крепкая семья, оба производственники».

Аня в точности выполнила наставления старшего комсомольского руководителя. Приехала в Ленинабад и на комбинате попросилась на самый сложный участок. В цехе размотки коконов приходилось нелегко, но терпела, не жаловалась и вскоре прослыла ударной работницей. Комсомольские поручения выполняла «с огоньком», после смены не спешила домой, оформляла агитационные стенды, взяла шефство над отстающей работницей, выступала на собраниях с предложениями или критикой организации дел на слабых участках. Уже через полгода ей предложили перейти в комитет комсомола комбината инструктором. Она чуть не подпрыгнула от радости, но приняла серьёзный вид и сдержанно ответила: «Пока рано. Я сейчас исполняю обязанности бригадира. Выведу свой коллектив в передовые, тогда можно». Скромность и целеустремлённость молдавской комсомолки заметили и оценили и в партийном руководстве.

С замужеством тоже вроде сладилось благополучно. От парней, желающих познаться и наладить более тесные взаимоотношения, и верно, отбоя не было. Но Аня держалась строго и повода для ненужных разговоров не давала. Геннадия приметила, когда он со своей бригадой белил их цех. Понравился своей серьёзностью и тем, что никогда от него не пахло спиртным. Товарищи по работе его слушали, это значило, что может постоять за себя, а стало быть, и свою девушку не даст в обиду. Сходили раз-другой в кино, гуляли по улицам вечернего города. Геннадий был молчалив, говорил мало, не приставал с поцелуями, и это тоже девушка приняла во внимание. Парень был из рабочей семьи, образование, правда, восемь классов, но это можно поправить, вечерние школы, слава Богу, имеются. Учился в ПТУ, служил в армии, сейчас работает в Чкаловском стройуправлении, на хорошем счету. Спрашивается, что ещё надо. И когда через полгода Геннадий предложил Ане стать его женой, она не раздумывала. Разговор с Кошкодан перед отъездом в Ленинабад стал её жизненной программой.

Свадьбу сыграли скромную, Аня не была сторонницей излишней траты денег. Геннадия дали одну комнату в коммунальной квартире, перебрались в неё, устроились. Молодой супруг стал брать «левую» работу, зарабатывал неплохо, через три месяца исполнялся год, как Аня пришла в цех размотки коконов, можно было перебираться в комитет комсомола комбината, а там... Она жмурила свои большие вишнёвые глаза, предвкушая желанную карьеру. Это в жизни, если что, скользят вниз, а в комсомоле и партии скользят вверх, даже если случится оступиться.

Мужа она не любила, более того, он раздражал её своей прямолинейностью. На все случаи жизни у него имелись готовые решения, обо всём он судил категорично и не знал сомнений. Но приходилось терпеть, в комсомольско-партийных кругах разводы не поощрялись.

Я слушал откровения прекрасной соседки с удивлением. К комсомолу я не питал особой привязанности, хотя был его членом. От поручений отбивался, мотивируя тем, что занимался спортом, и, вообще, мне претили фальшь и формализм этой организации. А тут у молодой женщины все мечты связаны именно с комсомолом, и именно в его сфере она намерена сделать карьеру. Это тем более мне было непонятно, но я старался не возражать ей и не высказывал своего недоумения по этому поводу. В конце концов, каждый сам по себе определяет свой жизненный путь...

Наша жизнь в коммунальной квартире катилась, как поезд по накатанным рельсам, постукивая на стыках дней, недель и месяцев. Я ждал окончания школы, Аня – поры, когда вновь вернётся на комсомольскую стезю, а чего ждал Геннадий, было непонятно. Он по-прежнему уходил на работу ранним утром, а домой являлся за полночь, усталый донельзя, и подолгу сидел на кухне, свесив руки между коленями и безразлично глядя в пол.

Но ещё древние говорили, что рано или поздно, но всё тайное становится явным. Неожиданно для всех объяснились и непохожесть Геннадия на его сверстников, его

молчаливость и замкнутость. Как-то ночью в комнате молодожёнов слышались возбуждённые голоса, перешедшие в бурное объяснение.

– Как ты мог?, кричала Аня. – Ты обманул меня! Ты понимаешь, что ты сломал мою жизнь?!

– Но ведь это было в прошлом, – возражал Геннадий. Он и теперь старался не говорить громко, время было позднее, да и не хотелось превращать соседей в свидетелей их семейного скандала. – Ну, оступился, ну, было. Но теперь-то чего говорить об этом?

– Негодяй! – рыдала Аня. – Какой же ты негодяй! – Она выкрикивала какие-то непонятные слова, должно быть, бранила его на своём языке. Размолвки случались у них и прежде, но такой бурной перепалки ещё не было.

Всякая баталия, если она идёт по нарастающей, требует стратегического простора. Эта не была исключением, и Аня вылетела из своей комнаты в общую кухню. Я по обыкновению читал, мать уже спала, но разбуженная шумом, тоже вышла в коридор, зябко кутаясь в шерстяное одеяло.

Аня упала на табуретку, уткнулась лицом в сложенные на столе руки и продолжала горько плакать, временами выкрикивая:

– Обманщик! Уголовник! Он сидел в тюрьме! Что теперь будет? Какой позор! Если узнают на комбинате...

Мать успокаивала её, как могла, заставила выпить воды, умыться. Истерика улеглась, Аня смотрела покрасневшими глазами в тёмное окно и что-то бормотала помолдавски. Геннадий не показывался, слышно было, как он ходил по комнате из угла в угол, передвигал какие-то вещи, курил, чего никогда себе не позволял в нашей квартире и всегда выходил на лестничную площадку.

– Аня, ну что ты так расстроилась? – мать гладила молодую женщину по плечу. – Подумаешь, трагедия, мало ли что с кем случалось в прошлом. Главное, что он тебя любит, заботится о тебе...

Аня повела плечом, явно не желая принимать утешение. – Вы не понимаете. Меня теперь не возьмут в комитет комсомола. Я так и останусь простой работницей в своём цехе.

Слёзы снова потекли по её щекам. Она выглядела постаревшей и как-то разом утратила свою яркость.

– Успокойся и ложись спать. Утром любая трагедия воспринимается иначе.

– Можно, я лягу в вашей комнате? – Аня вопросительно поглядела на мою мать. – Больше с этим человеком я не хочу иметь ничего общего.

– Э-э, милая. Как говорится, стерпится, слюбится.

– Не стерпится и не слюбится, – Аня произнесла эти слова по слогам. – Так можно?

Моя мать заколебалась. Больше всего ей не хотелось встречать в размолвку молодожёнов, но в то же время она видела, что сегодня примирение у них не состоится.

– Ну, хорошо, – сказала она. – Пойдём, я постелю тебе на диване.

Мать увела Аню в свою комнату, потом вышла и постучала в дверь к Геннадию.

– Гена, пусть Аня сегодня переночует у нас. Утром придёт в себя, и спокойно поговорите.

– Пусть делает, что хочет, – глухо отозвался Геннадий.

Я думаю, этой ночью он не спал. Как спала Аня, не знаю. Сам я тоже вертелся в постели, было то душно, то холодно. Весть о том, что Геннадий оказался уголовником, взбудоражила меня. Это была ещё одна сторона жизни, с которой я не сталкивался раньше.

Утром все отправились на работу. Геннадий с Аней не обменялись ни взглядом, ни словом, будто были чужими. Вечером Геннадий, вопреки обыкновению, пришёл рано, где-то часу в седьмом. Бесцельно ходил по квартире, то и дело натываясь то на столы, то на табуретки, а то грел руки у печки, глядя на стену. Мать позвала его поужинать с нами, он согласился, но ел без всякого аппетита, словно по принуждению. За чаем неожиданно разговорился.

– Да, я сидел в колонии под Пермью, – он смотрел на нас потускневшими глазами. – Целых восемь лет сидел. Но я же не один такой. Трудное время было, послевоенное. Отца на фронте убили, мать умерла, когда мне было десять лет. Жили мы вдвоём

с бабушкой в городе Суворов, близ Тулы. Голодно, холодно. В шестнадцать лет я прибил к бандитской группе, грабили продуктовые ларьки, магазины. А потом надумали «взять» ювелирный магазин, сорвать разом большой куш и потом «залечь на дно» на несколько лет. Не получилось. Нарвались на засаду, в перестрелке убили сторожа и двух милиционеров. Ну и своих потеряли пятерых. Схватили нас, меня и главаря банды, кличка «Большой» была. Главарь под расстрел пошёл, а мне по малолетству, восьмерик определили. Отбыл его от звонка и до звонка. Конечно, ни в какой я армии не служил и никакого ПТУ не кончал. Строительное дело в колонии изучил. Конечно, уголовник был, чего тут отрицать, но вынужденно, выбор был простой: или с голоду подохнуть, или с бандитами на поверхности держаться. Но после отсидки я завязал, сколько меня ни уговаривали заняться прежним, я отказывался. Даже порешить бывшие друзья хотели за отступничество, но я отмахался. Вот глядите, – Геннадий закатал рукав клетчатой рубашки и показал длинный шрам от запястья до локтя. – После колонии определили мне «минус», нельзя жить в больших и столичных городах. Да я и не рвался туда особенно. Бабушки к тому времени уже не было в живых, а в газетах я прочитал, что в Таджикистане нужны рабочие строительных специальностей. Ну и двинул сюда, устроился, стал зарабатывать, Аньку встретил... – Геннадий вздохнул и махнул рукой.

– Надо было рассказать ей всё это, – негромко заметила мать.

– Я и хотел, только попозже. Она ведь на комсомоле задвинутая, большим деятелем себя видит. Разве вышла бы замуж за уголовника? А так притёрлись бы друг к другу, детьми обзавелись, я бы и открыл ей свою биографию, – Геннадий снова вздохнул и понурился.

– А откуда она узнала о твоём прошлом?

– Вызвали её в милицию, там на всех бывших зеков картотека заведена. Стали расспрашивать – как я себя веду, нет ли каких подозрительных связей, не отлучаюсь ли по ночам, может, какие вещи притаскиваю? Вот и впала она в ярость, ещё бы: карьеру ей поломал.

Я слушал Геннадия, затаив дыхание. До этого я только в книжках читал про колонии да тюрьмы, про бандитские шайки и воровские «малины». А тут рядом со мной сидит человек, который знает всё это не понаслышке. Хотелось о многом расспросить нашего соседа, любопытство саднило как укусы осы, но понимал, что не время сейчас. Ему и так не по себе, а я ещё буду застарелую рану беречь.

– Ты говорил, боксом занимался? – не удержался я от вопроса.

Геннадий шевельнул плечами, как бы разминая их.

– Это тоже в колонии. Там у нас чемпион страны сидел, в драке одного инвалидом сделал. Секцию организовал, у меня неплохо получалось. Меня блатные «Боксёром» звали.

Видно было, что откровенничать ему не хочется, но нужно было как-то объяснить размолвку с женой, тем более что в ней его вины не было. Да и нас, хороших соседей, надо было успокоить, мало ли что можем напридумывать, узнав, что живут бок о бок с бывшим грабителем и убийцей.

– Ладно, Гена, – сказала мать. – В жизни всякое случается. Главное, чтобы ты сейчас не считал себя самым несчастным человеком и не покатылся по наклонной. Верно говорят: всё, что ни делается, делается к лучшему. Образумится Аня, будете жить дальше. А нет, парень ты видный, новой семьёй обзаведёшься и устроишься не хуже людей. Конечно, сейчас тебе больно об этом думать, но лучше горькая правда, чем сладкий обман.

– Да, это так, – согласился Геннадий. – Я ведь как лучше хотел. Выкладывался на работе, деньги собирал, квартиру вскоре дать обещают. Мебель бы купил, то да сё, чего, спрашивается, надо. Не поняла и не оценила.

В его рассуждении проглядывала логика рабочего человека, который в полной мере изведал нужду и считал, что можно отгородиться от былых лишений сегодняшним благополучием.

Аня в тот день ночевать домой не пришла, а потом появлялась два-три раза в неделю. Спала по-прежнему на диване в комнате матери. Держалась отчуждённо,

Геннадия не замечала, а если сталкивалась с ним в коридоре или на кухне, то обходила, будто бы был перед ней неодушевлённый предмет.

Мать попыталась поговорить с ней по душам, образумить, но попытка оказалась напрасной.

– Аня, чего ты добиваешься? Геннадий тебя любит, не пьяница, пылинки с тебя сдувает. Ну, оступился когда-то, так ещё совсем незрелый был. Что теперь, всю жизнь ему это в вину ставить? А что молчал, так не хотел пугать тебя прежде времени, это тоже надо понимать.

Но ничего понимать прекрасная молдаванка не желала. Она блеснула глазами, как дикая кошка.

– Зачем зря слова тратить? – В её речи прозвучал больший акцент, чем обычно. – Не люблю я его. Видела в нём ступеньку наверх, а она обломилась.

Так прошёл месяц, за ним потянулся другой. Зима истаявала в собственных снегах. Дороги и тротуары очистились от белого покрова, длинные сосульки, свисающие с крыш, сочились каплями, а потом с грохотом обрушивались на тротуары и разлетались сверкающими осколками. Мутноватая голубизна неба проглядывала сквозь облачный покров, и тогда появлялся оранжевый шар солнца, ласкающий землю и людей своими тёплыми ладонями.

Жизнь наших молодых людей не складывалась, напротив, трещина, появившаяся в их отношениях, становилась шире и глубже, и было ясно, что дело идёт к окончательному разрыву.

Геннадий больше не занимался «левой» работой. Приходил домой в шестом часу, собирался и уходил на тренировку. Он оказался неплохим боксёром и как-то обмолвился, что его хотят выставить на городские соревнования первым номером во втором среднем весе. Он брал у меня учебники и почитывал их. В сентябре собирался идти в вечернюю школу, в девятый класс, а после десятилетки поступить в наш горный техникум или в филиал Политехнического института, который вот-вот обещали открыть в Чкаловске. Он не только не сломался и не запил, а, напротив, стал более цельной и собранной личностью. Об Ане больше не заговаривал и, вообще, вёл себя так, словно она навсегда выпала из его жизни.

Она же, напротив, всё больше озлоблялась, похудела, больше не смеялась, и только иногда кривая усмешка пробегала по её карминным, красиво очерченным губам. Она походила на нашу раскалённую кухонную плиту. Стоило пролить на неё немного воды, как она тотчас же взлетала к потолку белёсым паром.

Мы понимали, что их вооружённый нейтралитет недолог, должен произойти взрыв, который положит конец их надломившейся семейной жизни. Так оно и произошло. Где-то ещё через месяц она появилась в квартире как раз в тот момент, когда Геннадий собирался на тренировку. Стуча каблуками, влетела в их комнату и выпалила:

– Мне нужен развод. Давай подадим заявление.

Он хмуро посмотрел на неё с высоты своего роста.

– Никакого развода тебе не будет. Говорят, целыми днями крутишься возле васьего профкомовского председателя. За него замуж собралась? Одна ступенька сломалась, ты быстро нашла другую? Не получится. Развод я тебе не дам.

– Ты пожалеешь об этом, – прошипела она.

– Это ты пожалеешь, – спокойно отозвался Геннадий. – Будешь дурить, пойду в ваш партком и расскажу, как и чем ты делаешь карьеру. Мне терять нечего, а у тебя многое обломится.

Выкрикнув какие-то слова на молдавском языке, должно быть, брань в адрес мужа, Аня выскочила из квартиры, с грохотом захлопнув за собой входную дверь.

К нашему удивлению, она постоянно стала приходить домой, правда, по-прежнему спала на диване в комнате матери. А в один из вечеров, когда Геннадий по обыкновению ушёл на тренировку, собрала свои вещи и перебралась в их общую комнату.

– Слава Богу, – облегчённо вздохнула мать. – Взялась за ум. Правильно вёл себя Гена: дуги гнут не силой, а терпением.

Погода в ту ночь выдалась ненастная. Дул резкий порывистый ветер, высокие раскидистые акации раскачивались и задевали ветками стёкла окон. Небо было затянуто

покровом чёрных туч, тьма во дворе ступилась, редкие фонари с трудом высвечивали жёлтые полукружья на безлюдных улицах.

Я сидел в своей комнате и читал новеллы Стефана Цвейга. Творчество этого писателя настолько захватило меня, что я с трудом отрывался от книги далеко за полночь, когда не хотелось, а просто нужно было ложиться спать.

Мать уже спала. Горела настольная лампа, освещающая лишь часть стола, моя комната тонула в полумраке. Вдруг мне показалось, что стукнула входная дверь. Я прислушался, но больше никаких звуков не было. Должно быть, послышалось, тем более, что ветер не унимался.

Время текло незаметно. Мерно стучал будильник, перегоняя минуты в часы. Снова послышался стук входной двери. На этот раз явственнее. Я подумал, что, может, мы забыли закрыть, и её раскачивает сквозняком. Встал, вышел в коридор и зажёл свет. Мне показалось, что дверь в комнату молодых людей медленно закрылась. Но, должно быть, показалось. Входная дверь была заперта, хотя ключа в замке не было. Но это понятно, вскоре должен был прийти с тренировки Геннадий, и он всегда отпирал дверь своим ключом, чтобы не беспокоить соседей.

Я снова углубился в книгу и читал часов до двух ночи, удивляясь тому, что Геннадий, против обыкновения, где-то так долго задерживается.

В ту ночь он так и не пришёл домой.

На другой день, где-то после обеда, в дверь нашей квартиры постучали. Я открыл и увидел мужчину средних лет, одного роста со мной. Бросился в глаза резкий контраст: волосы на голове мужчины были седыми, а широкие брови чёрными и сходились на переносице. Мужчина был в прорезиненном плаще, в каких ходили милициские работники, но без знаков отличия.

– Перфильев Геннадий здесь живёт? – спросил мужчина.

– Здесь, – ответил я, – но его сейчас нет дома.

– Я знаю, – мужчина шагнул вперёд, я вынужден был посторониться и впустить его в широкий общий коридор.

– А Куляну Анна? Я могу её увидеть?

Я кивком указал на дверь молодых соседей.

– По-моему, она у себя. Ей сегодня в третью смену. – А вы кто?

– Сейчас узнаешь.

Мужчина подошёл к двери и постучал в неё костяшками пальцев. Спустя какое-то время дверь приотворилась. В проёме показалась Аня в своём обычном сиреновом халатике. Волосы растрёпанные, лицо заспанное.

– Анна Петровна?

Она утвердительно склонила голову, вопросительно глядя на незнакомого человека.

– Я старший следователь городской прокуратуры. Меня зовут Хонин Дмитрий Борисович. – Он вытащил из внутреннего кармана плаща красное удостоверение, раскрыл его и показал молодой женщине.

Она заметно встревожилась.

– А что случилось?

– Сейчас всё объясню. Где бы мы могли поговорить?

– Лучше на кухне, там тепло. В моей комнате холодно и неприбрано.

– Ну на кухне, так на кухне. Я человек непривередливый.

Хонин прошёл на кухню и устроился на табуретке возле стола. Аня села сбоку от него. Она слегка побледнела, вид у неё был испуганный. Оно и понятно, такие гости нечасто забредали в наш дом.

Я остановился у горячей печки.

– А мне можно побыть тут?

Хонин внимательно посмотрел на меня, словно оценивая мою значимость.

– А ты кто будешь?

– Я их сосед. У нас же коммунальная квартира. Мы с матерью тут живём, – немало путано пояснил я.

– Ну что ж, сосед, присутствуй. У нас разговор несекретный.

Я сел на подоконник и приготовился слушать. Мне было до крайности интересно, на моих глазах разворачивалась какая-то детективная история.

Хонин повернулся к Ане.

– Итак, Куляну Анна Петровна?

– Да, – еле слышно откликнулась она.

– Где вы работаете?

– На Ленинабадском шёлковом комбинате, в цехе размотки коконов. А что случилось? – снова переспросила она. И опять следователь проигнорировал её вопрос.

– А здесь живёте...

– Уже около года. С мужем, это его комната, он получил её в своём стройуправлении.

Хонин задавал вопросы один за другим и записывал ответы на желтоватом листке, на котором виднелись какие-то типографские строчки.

– Паспорт у вас есть?

– Да, сейчас.

Аня быстро поднялась, прошла в свою комнату и вскоре вернулась с паспортом.

Следователь просматривал его, перекидывая листочки.

– Так, Куляну... Год рождения... Место рождения... Прописка... Отметка о браке с гражданином Перфильевым Геннадием... Всё в порядке, – с этими словами он вернул документ молодой женщине.

– Интересно, а почему вы не взяли фамилию мужа?

– Это имеет какое-то значение? – Аня приходила в себя от неожиданности. В её голосе послышалась досада.

Хонин пожал плечами.

– Вообще-то нет, но так принято.

– Я молдаванка, – пояснила Аня, – У нас не любят браки с русскими. Приеду я домой с фамилией Перфильева, в родном селе меня принимать не будут.

Следователь покачал головой.

– Гляди-ка ты, я думал, что такие казусы уже изжиты. У меня, например, жена осетинка. И ничего, приезжаю ли я к себе в Ростов или к родственникам жены в Орджоникидзе, никто передо мной двери не закрывает.

– Вы русские, у вас по-другому, – отозвалась Аня.

– Ну, хорошо, оставим это, – следователь снова склонился над листом бумаги. – Где ваш муж сейчас?

Аня покачала головой.

– Не знаю, он вчера вечером ушёл на тренировку и больше не пришёл.

– И вас это не встревожило? Он и раньше не приходил ночевать?

Молодая женщина растерялась.

– Конечно, я беспокоюсь. Но иногда, когда у него бывает много работы, он остаётся ночевать на объекте. Если до вечера не придёт, буду узнавать, где он, – когда она волновалась, акцент в её речи проявлялся особенно сильно.

– А он не сообщает, что задерживается?

– Как сообщешь? Телефона у нас нет. Телеграммой, что ли?

И верно, телефоны в ту пору были большой редкостью. Их устанавливали в квартирах больших начальников, а что уж говорить о коммунальках. Сейчас, вспоминая то время, я поймал себя на мысли, что такого понятия как телефон в нашем обиходе просто не существовало.

– Да, вы правы, уважаемая, – телеграммой не сообщешь, – задумчиво проговорил следователь.

Я внимательно слушал его разговор с моей прекрасной соседкой и ёрзал на подоконнике. Но не потому, что был полон любопытства. Из щелей в раме тянуло холодом, на улице начался дождь, и капли барабанили в оконное стекло. Весной погода непостоянная, одно дело знать это вообще, и другое – ощущать её капризы на своих заледневших боках.

Хонин вздохнул и со стуком положил ручку на стол.

– Я должен огорчить вас, Анна Петровна. Вашего мужа утром нашли мёртвым на Московской улице, напротив женского общежития техникума. Точнее, чуть ниже.

Глаза её расширились, она закрыла рот руками, словно сдерживая рвущийся из груди крик.

– Как? Почему?

– Вот это мы и выясняем. Вскрытие покажет причину смерти, – пояснил следователь. – Предварительная версия – сердце. Он не жаловался на здоровье?

Она медленно покачала головой. Бледность залила её лицо, из-за смуглой кожи оно казалось желтоватым.

– Гена – спортсмен, у спортсмена какая болезнь? Правда, иногда он говорил, что сердце неровно стучит. Тогда ему воздуха не хватало, окно открывал.

– Он не пил?

– Никогда, курил, правда, но редко. Я ругалась, он месяц назад бросил.

– Так, так, значит, иногда жаловался на аритмию сердца, если я вас правильно понял, – Хонин говорил медленно, будто размышлял вслух. – Что ж, у спортсменов такое случается часто: перегрузки, стрессы, стонка веса тоже не способствует крепости организма. Сам я когда-то занимался лёгкой атлетикой, на своей шкуре испытал все прелести погони за рекордами. Будем иметь это в виду.

Аня молча плакала, крупные слёзы стекали по её щекам, она всхлипывала и подетски вытирала их кулаком. Я спрыгнул с подоконника, прошёл в ванную и принёс ей небольшое вафельное полотенце. Она спрятала в нём лицо, продолжая всхлипывать.

Хонин вздохнул, побарабанил по столу пальцами.

– Я понимаю, Анна Петровна, моё сообщение не принесло вам радости, но, что поделаешь, служба у меня такая. Теперь нужно выполнить небольшую формальность: проехать на опознание тела вашего мужа.

Она с ужасом посмотрела на следователя.

– А где он?

– В городском морге.

Она сжала в руках полотенце и отрицательно затрясла головой.

– Нет, я не смогу.

– Надо, мы вас надолго не задержим, только взглянете и скажете: он или не он? Я на машине, привезём и отвезём вас.

– Я боюсь. Может, он опознает? – Она с надеждой посмотрела на меня.

Хонин развёл руки в стороны, как бы сожалея о своей настойчивости.

– Это должны сделать ближайшие родственники. Таков порядок. Но ваш юный сосед может поехать с нами, всё-таки вам поддержка будет.

Мы быстро оделись и вышли к машине. Непогода разыгралась по-настоящему. Косые струи дождя барабанили по верху «газика», огромная лужа разлилась во дворе. Аня не взяла зонт, я раскрыл свой и провёл её до машины.

Признаться, мне было жутко. В свои шестнадцать лет я уже успел похоронить отца и деда, но привычка к смерти ещё не выработалась. Это потом, в зрелые годы приходит понимание её неизбежности, и возникает философская отстранённость, помогающая переживать неизбежные потери. В юности же всё воспринимается остро, без осознания того, что всякая трагедия – лишь одно из звеньев в нескончаемой цепи бытия.

Морг оказался невысоким квадратным зданием у самого забора городской больницы. Мы вошли внутрь, коридора не было, в комнате с бетонным полом стояло пять столов, на них лежали тела, покрытые несвежими простынями с чёрными штампами. Мест не хватало, ещё три тела лежали на носилках на полу, тоже закрытые с головы до ног.

Служительница морга, крупная женщина, розовощёкая, с завитыми жёлтыми волосами и сонными равнодушными глазами, вопросительно посмотрела на следователя.

– Какого показывать?

– Утреннего, – негромко отозвался Хонин.

– А, тогда этот, – служительница подошла к крайним носилкам и откинула простыню с лица. До этого я всё надеялся, что произошла ошибка. Как-то не верилось, что бы здоровый парень, которому ещё не исполнилось и тридцати лет, мог скоропостижно

скончаться из-за какой-то аритмии сердца. Но это был Геннадий. Правая сторона его лица была ободрана, синий кровоподтёк разошёлся по щеке, глаза закрыты, лоб наморщен. Создавалось впечатление, будто он так и не понял, что произошло с ним и мучительно пытается осмыслить причину своей смерти.

– Гражданка Куляну, вы узнаете этого человека? – официально осведомился следователь.

Аня охнула, её руки были судорожно прижаты к груди, глаза округлились от ужаса. Она силилась что-то сказать и не могла. Было ясно, что она с трудом удерживается на ногах, и я придержал её за плечи.

– Да, да, – наконец сумела она выдать из себя. – Это он, Геннадий.

– Оpozнание закончено, можете закрыть тело. – Служительница морга неспешно выполнила распоряжение следователя.

Мы вышли из морга и встали под бетонным козырьком. Ливень сменился мелким, морозящим дождём. По небу скользили чёрные, клочковатые тучи, мокрые, озябшие деревья теснились вокруг, словно ожидая своей очереди войти в неуютное строение, последнее прибежище мертвецов на этой земле, и опознать кого-либо из них.

– Вас сейчас отвезут домой, – обратился к нам Хонин. – У меня тут есть кой-какие дела. Завтра мы ещё раз увидимся, и тогда вы, Анна Петровна, подпишете протокол опознания.

– Хорошо, – еле слышно отозвалась она.

В машине я коснулся её мокрой, холодной руки и попытался утешить.

– Аня, возьми себя в руки. Конечно, трагедия, но мы с мамой, чем сумеем, поможем тебе.

Она ничего не ответила и смотрела в окно на пронесившиеся мимо дома, прохожих, спешащих по своим делам. Она больше не плакала и сосредоточенно думала о чём-то своём.

Дома прошла в свою комнату и, наверное, легла. Во всяком случае, оттуда не доносилось ни малейшего звука. Часа в два дня я осторожно постучал в дверь.

– Аня, может, пообедаем?

Она выглянула. Я ожидал увидеть её потрясённую, с бледным лицом и синими кругами вокруг глаз, но ничего подобного не было. Она была спокойна, прежний цвет лица возвратился к ней.

– А есть чем?

– Найдём, – отозвался я.

Мы ели суп, потом макароны с мясом. Я полагал, что после таких переживаний у неё не будет желания есть, но, опять-таки вопреки ожиданию, она ела с аппетитом, хотя больше молчала и односложно отзывалась на мои вопросы.

– На работу пойдёшь?

Она удивлённо посмотрела на меня.

– Конечно, а как же?

– Я думал, ты не сможешь... – и услышал в ответ неожиданное:

– Боже, какая ерунда!

Признаться, я оторопел. Что – ерунда? То, что она не сможет сегодня работать, тем более, в ночную смену, или то, что случилось с её мужем? И мне в голову закралась мысль, что потеря Геннадия для неё – наилучший выход из создавшегося положения. Теперь чёрного пятна в её биографии – мужа-уголовника – не существовало, и можно спокойно складывать комсомольскую карьеру, которая для неё была единственным смыслом в жизни. Цинизм этой мысли ужаснул меня, но, глядя на её спокойное, отрешённое лицо, я подумал, что, может, не так уж и неправ в своём ужасном предположении.

Тогда что же, её переживания, почти что обморок в морге, всё это не более как актёрская игра? Если так, то нужно отдать должное её самообладанию и выдержке, умению в нужный момент представить нужные эмоции? А может, я слишком углубился в психологические дебри, и ступор от шока принимаю за женское притворство? Я не знал, что и думать, и положился на дальнейшие события, которые должны прояснить запутанную обстановку.

На следующий день старший следователь городской прокуратуры снова пришёл к нам домой. На этот раз он был не один. Вместе с ним был невысокий парень лет двадцати пяти, скуластый, с монгольским разрезом глаз. Одет в зелёный свитер, мешковатые серые брюки и куртку из плащёвки. Коротко подстриженные волосы торчали на голове «ёжиком».

– Это наш инспектор уголовного розыска Бахтиозин Константин, – представил своего спутника Хонин, после того, как мы снова расположились на кухне. На этот раз Аня вышла в голубом мохеровом платье, на плечи набросила шаль, в которую зябко куталась. Она держалась спокойнее, только время от времени вздыхала и подносила платочек к уголкам глаз.

– Вам, наверное, интересно, почему я пришёл с инспектором уголовного розыска, – заговорил Дмитрий Борисович. – Дело в том, что картина происшедшего несколько изменилась. Вскрытие показало, что ваш супруг, Анна Петровна, умер не от сердечного приступа, как мы предполагали ранее, а был убит. Удар был нанесён в спину длинным, тонким и очень острым предметом. Этот предмет пробил плащ, пиджак, рубашку, проник в тело и пронзил сердце. Рана была настолько маленькая, что её сразу и не заметили. Более того, Геннадий Перфильев сделал ещё несколько шагов и только после этого упал. Тротуар там покатый, и он мог бы скатиться в канаву с водой, но его удержал ствол дерева. Он так и лежал, утром прохожие шли мимо, и никто не обращал на него внимания. Думали, пьяный, хорошо одна досужая старушка заинтересовалась им, а когда увидела, что он не дышит и холодный, то сообщила в опорный пункт милиции. Такие-то дела, уважаемые мои. Мы завели уголовное дело и начали расследование.

«Вот это да! – подумал я. – Не хуже, чем у Эдгара По». До сих пор мне не приходилось сталкиваться с такими серьёзными преступлениями и я, буквально, горел от возбуждения. Моё воображение работало как хорошо отлаженный механизм.

– Убийца здорово рисковал, – размышлял вслух Хонин. – Ведь остриё предмета, которым был нанесён удар, могло упереться в ребро, и тогда Перфильев оказал бы сопротивление. Но то ли расчёт был верным, то ли случай сработал на руку преступнику, но тот самый предмет угодил прямо в сердце. Сейчас мы определяем, что это был за предмет? Во всяком случае, его мы не обнаружили на месте преступления.

– Это была вязальная спица, – с жаром произнёс я. – Вернее, могла быть вязальная спица.

Следователь переглянулся с инспектором уголовного розыска. И тут я заметил, как все краски сошли с лица прекрасной молдаванки. Она побледнела и, пытаясь сдержаться, прикусила нижнюю губу.

– Почему ты подумал о вязальной спице? – живо спросил меня следователь. Инспектор уголовного розыска подался вперёд и напрягся, напоминая в этот момент гонимого пса, взявшего след.

Я забыл сказать, что Аня увлекалась вязанием. Мой досуг заполняли книги, а она, когда у неё было свободное время, выходила на кухню с цветными мотками шерстяных ниток. Длинные блестящие спицы так и мелькали в её руках. Она уверяла, что вязание успокаивает нервы и способствует раздумью. «По крайней мере, – добавляла она, – все мои лучшие решения я находила именно во время вязания». Не знаю, насколько верными были эти решения, по крайней мере, ни одного разумного поступка за весь период нашего знакомства она не совершила. Всё, что ни делала, диктовалось эмоциями, а никак не здравым рассудком.

Вязала Аня неплохо, но цвета были яркие, крикливые и не образовывали гармонию. Мне она подарила шерстяные носки, но они были зелёными, голубыми и оранжевыми, и я стеснялся их носить даже дома.

– Почему я подумал о вязальной спице? – переспросил я и пожал плечами. – Не знаю, просто пришло в голову. Ведь вы сказали, Геннадий был убит длинным, тонким и острым предметом. Могла быть и вязальная спица, она острая и упругая. А могла быть и велосипедная спица, если её заточить.

Я уже пожалел о своём порыве. Аня так явственно прореагировала на мои слова, что у меня появилось опасение: а не подставил ли я её своей несдержанностью?

– Да, могла быть и вязальная спица, – задумчиво проговорил Хонин. – Тогда это было спонтанное убийство. Преступник действовал в состоянии аффекта, схватил спицу, подкараулил Перфильева и воткнул её ему в спину. Если допустить, что это была велосипедная спица, тогда это убийство с заранее обдуманном намерением. Спицу следовало заточить, согнуть её, сделать что-то в виде рукоятки...

Мы все внимательно слушали следователя, но каждый вёл себя отлично от других. Аня сузившимися глазами смотрела в окно, как бы углубившись в собственные переживания. Я следил за движущимися губами Дмитрия Борисовича, боясь пропустить хотя бы одно слово, а Бахтиозин кивал в такт его размышлениям, напоминая собой китайского болванчика, каких продавали в то время во всех магазинах детских игрушек.

– Да, спицы, спицы..., – Хонин помолчал мгновение, а потом неожиданно обратился к Ане. – Анна Петровна, а вы увлекаетесь вязанием?

Она чуть помедлила, потом бросила на меня быстрый взгляд, – Да, и давно.

– И вязальные спицы у вас есть?

– Конечно.

– А можно их посмотреть?

Аня прошла к себе и вынесла из комнаты наполовину связанную кофточку немислимых радужных расцветок, всю утыканную спицами.

– Вот, пожалуйста.

Хонин потрогал спицы, проверил их остроту кончиком пальца и покачал головой.

– Серьёзные штуки.

Инспектор уголовного розыска неотрывно наблюдал за ним. Чувствовалось, что опыт работы у него ещё небольшой, и он всецело зависел от распоряжений следователя.

– Да, такой спицей можно лишить человека жизни, – пробормотал Дмитрий Борисович. – А, скажите, сколько их в комплекте?

– Двадцать, – негромко ответила Аня.

Хонин быстро пересчитал спицы в недовязанной кофточке.

– Тут четырнадцать. А где ещё шесть?

– У меня, в коробке.

– А можно принести?

Она принесла, спиц было ровно двадцать.

Аня говорила и двигалась, а сама всё время не сводила с меня глаз, и было в них такое молящее выражение, что я сразу всё понял. Это были не те, не прежние спицы. Те, которыми она вязала раньше, имели зелёные головки на одном конце. Когда на них падал солнечный свет, они наливались изумрудным блеском, и я как-то сравнил их с драгоценными камнями. У спиц, которые она показывала следователю, были жёлтые головки. Я подумал, что прежние она выбросила вчера, а эти купила сегодня утром, когда возвращалась с работы, и повтыкала их в вязание. Но зачем ей это было нужно? Неужели... Коробку она оставила старую, и получилось, что спицы с жёлтыми головками были у неё давно.

– Вашего мужа убили позавчера между девятью и одиннадцатью часами ночи. Вы дома были в это время? – продолжал допытываться следователь.

Волнение перехватило ей горло, и она только кивнула.

– А кто это может подтвердить?

– Я могу, – я пошевелился и сел ровнее на подоконнике.

– И как ты это можешь подтвердить?

– Я сидел, читал тут. Мы с ней пили чай. Моя мать уже легла, она всегда ложится в половине десятого. Потом Аня ушла к себе, а я здесь был допоздна. Тут тепло, и я всегда здесь читаю или делаю уроки. Отсюда видна входная дверь, и, если бы Аня куда уходила, я бы обязательно увидел. И потом у неё нет привычки ходить одной по ночам.

Всё это я, как говорится, выпалил одним духом, и по мере того, как я говорил, Аня оживала на глазах. Её лицо порозовело, глаза расширились, она разжала стиснутые пальцы рук и шевелила ими, словно разминая.

Я понимал, что её судьба в моих руках, это был поразительный миг озарения, и я делал всё, чтобы выволить её из сетей, которые плели работники правоохранительных органов, чтобы заловить в них предполагаемого преступника.

И в то же время я явственно помнил, как ночью стукнула входная дверь, и я насторожился, прислушиваясь. Тогда Аня и вышла из квартиры. Позднее дверь еле слышно стукнула снова. Она возвратилась и, бесшумно ступая, прошла к себе в комнату. Более того, отправляясь спать, я заметил на полу мокрые пятна, но не придал им значения. Они могли остаться от уборки квартиры.

Хонин постучал пальцами по поверхности стола, покачал головой.

– Ну что ж, Анна Петровна, алиби у вас имеется. А она подтверждает ваше, молодой человек.

Я обомлел.

– Вы и меня подозревали?

Следователь засмеялся.

– Было и такое. Ни одну из версий нельзя отбрасывать, пока не проверишь. Случались удивительные вещи. Ты молодой, а тут прекрасная соседка, влюбился, потерял голову. Возникло соображение: уберу-ка я её мужа, а там, глядишь, она ответит мне взаимностью. Раз и готово. Решено, сделано...

Дмитрий Борисович говорил это, посмеивался, а сам внимательно наблюдал за выражением моего лица.

– Да как вы могли такое подумать! Да мы с Геннадием были друзья. Он – такой человек...

Должно быть, моё лицо пылало от незаслуженного подозрения, я так искренне возмущался и негодовал, что следователь замахал руками.

– Успокойся ты, ради Бога. Я просто пошутил. В моей практике был такой случай, вот я и вспомнил его. Но там была совсем иная ситуация, кроме чувств были деньги предложены. Сиди спокойно, тебя никто ни в чём не подозревает.

Легко сказать, успокойся. У меня подрагивали руки, а лицо так набрякло от подступившей крови, что, казалось, тронь его пальцем и хлынет яро-красная струя.

– Ну что ж, мы засиделись, – Хонин поднялся, и тут же встал на ноги инспектор уголовного розыска. – Не в службу, а в дружбу, как говорится, Анна Петровна, можете нам дать на денёк ваши спицы? Не испортим мы вам вязание?

– Нет, нет, я потом поставлю их на место. – Она проворно вытаскивала спицы из вязания и складывала их в картонную коробку. – Вот, пожалуйста.

– И прекрасно. А завтра мой молодой человек вернёт их вам в целости и сохранности.

Хонин и Бахтиозин ушли. Мы с Аней остались одни. Она и я смотрели друг на друга неотрывно и читали всё, таящееся в душах, как в открытой книге. Я не мог утверждать, что именно она убила своего мужа, но в том, что она каким-то образом причастна к этому преступлению, тут уже у меня не оставалось никаких сомнений.

– Спасибо, – еле слышно проговорила она, взяла вязание и ушла в свою комнату, бесшумно затворив за собой дверь. Именно «спасибо», других слов не требовалось. И я подумал, что из соседей мы превратились в соучастников убийства. Весёленькое дело, нечего сказать! Тогда я ещё не понимал, как опасно играть с законом, и чем это могло обернуться для меня.

Бахтиозин появился дня через два. В квартире всё время осматривался, словно отыскивал что-то, выпавшее прежде из поля зрения. Удобно расположился на кухне, закинул ногу на ногу, говорил медленно, с достоинством. Без следователя он чувствовал себя значительной фигурой и всячески давал нам понять это.

Достал из кожаной папки коробку со спицами и положил её на стол.

– Значит так, гражданка Куляну, спицы ваши чистые, можете вязать ими дальше.

– Что значит, чистые? – удивилась Аня.

– Экспертиза показала, что на них нет следов крови, и их профиль на доли миллиметра не соответствует форме того орудия, которым было совершено убийство. Так что с вас подозрение снято, можете спокойно жить и трудиться дальше.

– Вы подозревали меня в убийстве? – голос Ани дрогнул.

Инспектор уголовного розыска снисходительно посмотрел на неё.

– Скажем, не подозревали, а отработывали и такую версию. Теперь она отпала, вы ни в чём не виноваты. Поймите меня правильно, мы обязаны предусмотреть все варианты. Произошло убийство, а такие преступления относятся к разряду особо тяжких. – Бахтиозин наставительно поднял указательный палец вверх.

Я не выдержал и вмешался.

– Вот вы сказали, спицы чистые. Но ведь убийца мог протереть ту самую тряпкой, и тогда какие могут остаться на ней следы крови?

Бахтиозин усмехнулся и сожалеюще покачал головой, давая понять, что удивляется моей элементарной неосведомлённости в криминалистике.

– Дорогой мой, это с виду спица кажется отполированной до блеска. На самом деле на её поверхности много выемок, раковинок и так далее. Но они настолько малы, что их можно рассмотреть только под микроскопом. Абсолютно гладкой поверхности добиться невозможно. Так вот, как ни протирай спицу, а частицы крови всё равно на ней останутся в этих самых выемках. И эксперты их установят. Кроме того, к ним прилипают шерстинки, мельчайшие частицы от одежды и прочее. Как бы ни был хитёр и изощрён преступник, а всех следов своего злодеяния он скрыть не в силах. Это не дано никому, – и инспектор горделиво осмотрел нас с Аней.

– Вон оно что, – протянул я озадаченно, – а я и не знал.

– Какие твои годы, – отозвался Бахтиозин, – ещё научишься.

– Но мне вот что неясно, – продолжал я, раз уж разговор пошёл о тонкостях совершённого преступления. – Как Геннадий мог не услышать, что за ним идёт кто-то? Ночью каждый человек насторожён. Геннадий же парень здоровый был, он так просто не дал бы себя убить.

– А он и не слышал шагов сзади, – отозвался инспектор. – Ну-ка, вспомни то место, где его убили, ты, наверное, сто раз там ходил. Темно, тротуар горбатый, ступать приходится осторожно. Слева бетонный забор тянется, отделяющий дворы от проезжей части. В заборе просвет для выхода. Убийца там и затаился. Когда Геннадий прошёл мимо него, тот осторожно выбрался и оказался вплотную к жертве. Нанёс удар острым предметом, возможно спицей, и тотчас же скрылся во дворах. А оттуда можно пройти в любую часть города. Темнота стояла такая, что на дерево наткнёшься и не заметишь.

– И никаких следов не осталось?

– Ты же помнишь, какая ночь была? Ветер, чинары огромные шумят. Мелкий дождь шёл, смыл всё, что было и не было. Нет, брат, убийца – не простак, всё рассчитал до мелочей, а мы теперь отдувайся.

Мы встретились с Аней глазами и тотчас же отвели их в стороны.

– Осталась последняя версия, – продолжал инспектор. – Кто-то из бывших друзей свёл с ним счёты. Никто к нему не приходил из мужчин?

И тут я вспомнил.

– Приходил, дней десять назад...

Бахтиозин так и подался ко мне.

– Ну-ка, ну-ка, давай поподробнее.

– Это было часов в семь вечера. На улице уже стемнело, – рассказывал я. – Геннадий собирался на тренировку, он подошёл к двери, и в это время в неё постучали. Он открыл дверь, но на лестничную площадку не вышел. Там света нет, он падал только из нашего коридора. «А, это ты, Сулим, – услышал. – Чего ты тут забыл?» «Проведать тебя пришёл, – послышался ответ. – Ну и напомнить кое о чём». «Говори,» – сказал Геннадий. Разговор шёл вполголоса, не все слова удалось разобрать. «Ребята на тебя обижаются, – доносилось из коридора, – большие дела замышляем, ещё одни руки нужны». «На меня можете не рассчитывать, – отозвался Геннадий. – Я своё получил, больше зону топтать не хочу». «Позабыл ты наши законы, настоящий блатной в отключку не уходит. Ты вон, сколько на себя взял: работаешь как простой мужик, женился, а для вора – это запахло. За такое и ответить можно». В голосе Геннадия послышалось раздражение. «Ты меня не пугай, не такое я видел. Я сказал – завязал, значит, завязал». «Это ты мне говоришь, – засмеялся пришедший, – а вот Большому

сможешь это повторить?» И тут Геннадий испугался, по голосу было понятно. «Разве Большой тут?» «Пока нет, но скоро должен приехать, на правёж тебя потребует». «Потребует, приду, – глухо отозвался Геннадий, – а от своего всё равно не отступлюсь. Хватит мне баланду хлебать и на нарах валяться». «Ну, смотри, Боксёр, как бы пожалеть не пришлось...» Геннадий не дослушал и захлопнул дверь. Потом он долго стоял возле неё, словно прислушивался. «Да, заваривается каша», – сказал вслух и ушёл на тренировку.

Инспектор уголовного розыска внимательно слушал мой рассказ и по ходу заносил его в записную книжку.

– Значит, ты этого ночного гостя не видел?

Я отрицательно помотал головой.

– Нет, он стоял в коридоре, а Геннадий спиной загораживал приоткрытую дверь.

– Ясно. А как ты думаешь, почему он не вышел на лестничную площадку, а разговаривал, стоя в коридоре?

Я поразмыслил.

– Во-первых, там было темно, лампочки на лестничной площадке нет. Мы вкручивали их, но они быстро перегорают. А во-вторых, мне показалось, что он не доверял своим бывшим друзьям.

Бахтиозин закрыл записную книжку.

– Вот и я так думаю. А какой голос был у этого друга?

– Сипловатый, – припомнил я. – Вроде он простыл, или, может, много курит.

– А вот скажи, – поинтересовался инспектор. – Если бы ты снова услышал тот голос, мог бы узнать?

– Наверное, мог бы, – ответил я без должной уверенности. – Но вы учтите, говорил он негромко, не все слова я мог разобрать.

– Но главное разобрал, – успокоил меня Бахтиозин. – Ну что ж, благодаря тебе, наша последняя версия обретает жизненность. Хотя одно не вяжется с поведением уголовников. Не стали бы они пользоваться спицей, не их это инструмент. Настоящий блатной предпочитает нож. И потом, встретили бы они Геннадия вдвоём – втроём, высказали бы ему претензии и саданули лезвием в грудь. А тут спица, исподтишка в спину. Хотя, чёрт их знает, может, хотели запутать следствие.

Инспектор снова раскрыл записную книжку, скользнул глазами по записям.

– «Сулим», «Большой» – знакомые клички. Ну, мы проверим их по картотеке. Спасибо, дорогой, помог ты нам. Если отыщем Сулима с сиплым голосом, пригласим тебя на опознание. Не испугаешься?

Он мог бы не задавать этого вопроса при Ане, красота которой целиком заполняла моё сердце и душу.

– Конечно, нет, – ответил я твёрдо. – Располагайте мной, как вам будет угодно.

Бахтиозин засмеялся.

– Будем располагать, нам любой свидетель пригождается.

С этим он и ушёл.

Дни проходили за днями, но на опознание Сулима меня не приглашали. Быть может, оперативникам не удалось его задержать, а может, обошлись без меня.

Геннадия похоронили скромно, на средства стройуправления. На кладбище я не ходил, траурные церемонии казались мне фальшивыми, без должной скорби и больше напоминали плохую театральную постановку. Аня на похоронах была, вполне понятно, но потом сразу уехала к себе на комбинат и оставалась там почти неделю. В дальнейшем домой она приезжала изредка, со мной предпочитала не общаться, так, поприветствует кивком и пройдёт мимо. Больше мы с ней совместно не обедали и не ужинали, и вели себя как малознакомые люди. Наши отношения напоминали физический прибор, знакомый каждому школьнику. За ручку раскручиваешь стеклянный диск, поверхности которого касаются контакты, а потом сближаешь электроды, и между ними с треском проскакивает крохотный разряд. Напряжение накапливалось в наших душах, и разряд неминуемо должен был произойти. Правда, какую он примет форму и какой будет силы, этого я не мог даже предположить. Аня тоже догадывалась об этом, и потому старалась реже бывать дома.

А между тем весна брала своё. Небо очистилось от туч и светилось свежешепромытой голубизной. Редкие пушистые облачка плыли по его глади, а солнце неистовствовало, как бы стараясь наверстать упущенное. Сразу стало жарко, листья увеличивались с каждым днём, в канавах запела говорливая вода. Зацвели вишни. Лёгкий ветерок срывал лепестки цветов и сметал их в сугробы у заборов и стен домов. А потом зацвела акация, которой было много в старом Чкаловске. Я спал уже с открытой балконной дверью. Ярко светила луна, засыпая серебристой пылью сонный город. Аромат акации вливался в комнату и будоражил и без того неглубокий сон. А по утрам на балконе переговаривались горлинки, выясняя, кто кому пришёлся по сердцу. И до сих пор для меня нет ничего чудеснее запаха цветущей акации и голубиного воркования, слияние ароматов и звуков рождало чудную симфонию вечного обновления природы.

Ближе к закату солнце струило свои лучи прямо в широкое кухонное окно, и они простирались золотым полотнищем по общему коридору до самой входной двери. В такие часы наша квартира преображалась. Она наполнялась голубоватым сиянием и жадно впитывала в себя тепло и свет, которых была лишена все долгие зимние месяцы. В солнечном потоке весело плясали пылинки, настроение с утра и до вечера было приподнятым, и не верилось, что всё в мире преходяще и что где-то далеко за горизонтом времени притаились дождливая осень и хмурая слякотная зима.

Мыть общий коридор входило в мои обязанности. Не очень охотно я предавался этому занятию, но нужно было, как говорится, совесть иметь. Мать работала от темна и до темна, а Аня до уборки квартиры не снисходила. Свою комнату убирала, а остальные помещения её не касались. Приходилось мне быть рыцарем поневоле.

Я набрал воды в старое цинковое ведро, намочил тряпку и, набросив её на швабру, зашаркал по доскам. У входной двери что-то отблёскивало в солнечном свете. Я наклонился и увидел в щели спицу. Сперва не поверил своим глазам, пригляделся, точно она. Вилкой выковырял её и стал пристально разглядывать. У неё была зелёная головка, и в ярких лучах она отблёскивала изумрудом. Я понял: утром, после смерти Геннадия, Аня спешила избавиться от прежних спиц. Она схватила их, зажала в ладонях и побежала на улицу, но одна выпала и закатилась в щель. Прекрасная молдаванка была уверена, что избавилась от улик, и, надо же, случай обернулся против неё.

Я прошёл на кухню, сел на подоконник, рассеянно вертя в руках спицу. Вспомнилось и другое: никто иной, как я сам, и надоумил Аню воспользоваться спицей как орудием убийства. В тот день она, по обыкновению, вязала, а я читал детективную повесть. В ней рассказывалось об убийстве одного художника. Его ударили ножом под лопатку. Нож был дорогой и красивый, и преступнику было жаль выбрасывать его. Он спрятал его на чердаке своего дома, и именно нож изобличил его.

Я пересказал эту историю Ане и добавил:

– Вот дурак! И зачем обязательно было пользоваться ножом...

Она отвлеклась от своего занятия, в глазах проступил явный интерес.

– А чем нужно было убить?

– Ну хотя бы вот такой вязальной спицей, как у тебя. Ранка от неё останется маленькая, вроде красной родинки, не сразу и заметят. И потом спицу выбросить не жалко.

Она отвлеклась от вязания и минуту сидела задумчивая. Потом поднялась и ушла к себе в комнату...

Вечером Аня пришла с работы. Она мельком взглянула на меня и хотела пройти к себе. Но я позвал её.

– Аня, иди сюда.

– Ну, чего тебе? – отозвалась она неохотно.

– У меня сюрприз, тебе будет интересно.

Она подошла ко мне, её сдержанность понемногу перерастала во враждебность.

– Смотри, что я нашёл, – и я показал ей спицу. – Зелёная головка, как у тех, что были у тебя.

Она даже вздрогнула от неожиданности, но сумела сохранить спокойствие.

– На свете много похожих спиц, – проговорила она без всякого выражения. – Ты же видел, у меня не такие.

– Это сейчас не такие, – произнёс я с нажимом. – А до этого были как раз вот такие. Отчего бы это, интересно?

Она пожала плечами.

– Начитался ты разных книг, вот и придумываешь. – С тем и ушла, но дверь за собой затворила громче обычного. Признаться, я был обескуражен. Я ожидал, что она побледнеет, или, напротив, покраснеет от неожиданности, станет оправдываться, с трудом скрывая испуг. Я же буду торжествовать и дам ей понять, что догадался обо всём, но выдавать её не выдам. И нас свяжет с ней общая тайна, которая прежде лишь подразумевалась, а теперь стала явной.

Спать я лёг в первом часу ночи. Рассеянно читал и всё думал, что же мне делать со спицей? Я представлял, как бы обрадовались Хонин с Бахтюзиним, если бы я принёс им эту улику. Скорее всего на ней не было бы следов крови, но её профиль наверняка бы совпал с раневым каналом на теле Геннадия. Так и не додумавшись ни до чего путного, я заложил спицей книгу и повалился на койку.

Луна уже сократилась на треть, но всё ещё светила ярко. Лёгкий ветерок шелестел кронами акаций, где-то во дворе свирепо орали коты, отстаивая право любить и быть любимым.

Дверь в мою комнату не закрывалась на ключ. Я удивлённо наблюдал, как она приоткрылась, и подумал, что, может быть, от сквозняка. Но потом в её проёме показалась белая фигура, направившаяся к моей постели. Я сделал попытку подняться, но не успел. Она надавила мне руками на плечи и повалила на подушку. Это была Аня, в ночной рубашке, с распущенными волосами. Её глаза поблёскивали в полумраке, а карминно-красные губы казались чёрными.

– Отдай мне спицу, – еле слышно проговорила она. – Хватит играть и прикидываться несмышлёнышем. Уж если решил молчать, так будь до конца мужчиной.

Её руки с моих плеч медленно передвинулись к моему горлу. Мне стало жарко, тело покрылось испариной. Я молча смотрел на неё и не делал попытки освободиться. Я словно находился на перепутье. Сейчас я мог обнять её и привлечь к себе, и она бы подчинилась моей воле. Она была готова на всё, чтобы раз и навсегда вырваться из-под моей власти. Она уже думала, что свободна, что можно понемногу отдаляться от меня и свести наши отношения к полужнакомству, и вдруг в один миг всё переменялось. Она готова была купить независимость любой ценой, даже своим телом и давала мне знать это. Если же я стану упорствовать, то её руки готовы были сомкнуться на моём горле. Она не думала, что будет после этого. И так: или постель, или жизнь.

Аня всегда привлекала меня, я любовался её точёной фигурой, смуглым лицом с мильми неправильностями, от которых она казалась ещё красивее. Но это не было чувственное восприятие её обаяния, я не желал её как женщину, я просто ещё не был готов к этому. Книги сделали меня романтиком, и я получал удовольствие от созерцания прекрасной молдаванки, без желания обладать ею.

Она склонилась к моему лицу. Я ощущал её дыхание, густые волосы закрыли от меня лунный свет. Я медлил, в моей душе нарастало неприятие, покупать любовь претило мне, и я поспешил положить конец нашему затянувшемуся торгу.

– Отдай спицу, – ещё раз еле слышно сказала она.

– Возьми вон там, на столе, я заложил ею книгу.

Она тотчас отпрянула от меня, вскочила на ноги, подошла к столу и наклонилась над ним. Ночная рубашка у неё была коротковатой, я различал её полные бедра, но даже теперь не ощущал желания воспользоваться её близостью. Впрочем, уже было поздно...

Она ушла, а я до утра не мог сомкнуть глаз. Я то корил себя за глупое упрямство, понимая, что другого такого случая в моей жизни уже не будет. А то оправдывал себя, думая, что потом, кроме брезгливости, ничего бы в моей душе не осталось. Это всё равно как боготворить женщину и узнать, что она является профессиональной проституткой в каком-нибудь низкопробном притоне.

Через несколько дней Аня вообще ушла от нас. Она сказала моей матери, что перешла на другую работу, к которой давно стремилась, и ей дали отдельную комнату в общежитии. Теперь, мол, семьи у неё нет, а ездить из Чкаловска в Ленинабад накладно, и времени тратится много.

Мне было жаль, она много значила для меня, и в то же время я ощущал облегчение. Сложные отношения, которые связывали нас, тяготили меня, у меня было ощущение птицы, которая сперва попала в силки, а потом сумела вырваться из них.

Занятия в школе подходили к концу, а потом начались государственные экзамены. Сдавал их, как говорится, через пень-колоду, как-то сдал и, когда получил аттестат зрелости, то разглядывал его безо всякого удовлетворения. Сплошные тройки, среди которых сиротливо затерялась пятёрка по литературе.

Однако в вуз я поступил. В Душанбинском пединституте от историко-филологического факультета отделился факультет русского языка и литературы, и набирали сразу сто человек. Конкурса практически не было, сохраняли каждого абитуриента, и я осознал, что не всякая истина является окончательной. Так утверждалось, что не может верблюд протиснуться в игольное ушко. Оказалось, в отдельных случаях ему это удаётся.

До занятий оставалось десять дней. Я приехал в Чкаловск, чтобы порадовать мать и собрать свои скромные пожитки. Кое-что нужно было сделать и по дому, мать оставалась одна, и надо было облегчить ей дальнейшее существование в коммунальной квартире. Предстояло очистить кладовую в подвале. Там скопилось много мусора: щепки, кора от чурбаков, всякая никчёмная утварь, которая и место занимает, и выбросить жалко. Вот и заталкивают её на балконы, в кладовки и куда ещё придёт. Я засыпал всё это в вёдра, что-то тащил на плечах или волоком и выбрасывал на помойку. Разбирал оставшиеся поленья, что-то зазвенело и посыпалось. Присмотрелся, у самой стены лежали спицы с зелёными головками, но уже не одна и не две, а целая россыпь. Я собрал их и пересчитал. Восемнадцать штук. Прибавим сюда ту, которой убили Геннадия и куда-то спрятали, и ещё одну, найденную мною в щели в общем коридоре. Итого – двадцать спиц, полный комплект.

Я стоял в полутёмной кладовой и размышлял о превратностях судьбы. Как ни старалась Аня избавиться от меня как от нежеланного свидетеля, но никак у неё это не получалось. Она вытребовала у меня, казалось бы, последнюю улику – обронённую в коридоре спицу, а теперь в моих руках было целых восемнадцать. Правда, среди них не было той, которой было совершено убийство, но это мало что меняло. Опытный следователь мог бы построить на этих вещественных доказательствах стройную систему изобличения в совершённом преступлении, и никуда бы моя прекрасная молдаванка не делась.

Итак, она никак не могла избавиться от меня, а я, в свою очередь, от неё. Судьба словно задалась целью до конца испытать меня, как говорится, на гражданскую зрелость. Кто же я? Соучастник в убийстве ни в чём неповинного человека, мешавшего своей жене сделать карьеру, или свидетель, который поначалу смалодушествовал, а потом раскаялся и выполнил свой долг, придя на помощь правосудию?

Я перебирал спицы в руках и подумал: будь что будет, но доносчиком быть не хочу. Уж если я в прошлые разы постарался остаться в стороне, то теперь тем более не стоит и встречать в это запутанное дело. Впереди у меня учёба в институте, студенческая жизнь, вот и буду заниматься этим. Говорят, что существует некая высшая справедливость, которая воздаёт каждому по заслугам и в меру содеянного. Вот пусть она и занимается убийством Геннадия Перфильева, бывшего зека, вставшего на путь исправления.

Я поднял с пола обрывок бечёвки, связал спицы в плотный пучок и положил в углубление возле стены. Ещё раз посмотрел на него. Аня так спешила избавиться от этих спиц, что не нашла ничего лучшего как бросить их в окошко кладовой. Там виднелась уложенная поленица, спицы упали за неё и исчезли из вида. Расчёт был простой, когда это все дрова закончатся, зима в Таджикистане недолгая. А если и сожгут все поленья, ну подумаешь, найдут спицы, кто свяжет их с убийством штукатура-маляра? Кому известны все те подробности? И уж никак прекрасная молдаванка

не могла предположить, что теперь уж не одна, а все восемнадцать спиц окажутся в моих руках.

Я присыпал их сором и плотно утрамбовал. Закончил уборку кладовой и ушёл, чтобы больше в неё не возвращаться. Я старался сбрасывать в прошлое то, что накопилось в моей жизни за недолгие семнадцать лет, как избавляются от всего лишнего и ненужного в нашей коммунальной квартире.

Я успешно закончил учёбу в институте, книги, бывшие моими верными друзьями в жизни, не подвели меня, я получил интересную специальность и ни разу не пожалел, что стал гуманитарием.

Студенческая жизнь не была сплошным праздником, как это изображается в иных воспоминаниях. Много было тягостного и даже унижительного, но больше всего донимало полуголодное существование в общежитии. Стипендию выплачивали небольшую, мать тоже присылала десятку-другую, большего не могла себе позволить, а молодой здоровый организм требовал своего. К счастью, один из знакомых литераторов постарше меня, уже окончивший университет, работал редактором на радио и испытывал нужду во внештатных корреспондентах. Так, со второго курса я уже зарабатывал себе на жизнь. Материалы писал на промышленные темы, ездил в командировки, правда, стараясь не особо пропускать занятия. Перо у меня оказалось бойкое, мои корреспонденции, очерки и репортажи с живыми голосами в большой правке не нуждались. Мною в редакции были довольны, доволен был и я сам, дополнительный заработок позволил из общежития перебраться на частную квартиру и жить посвободнее.

Институт я окончил, получил диплом и на два года «загрел» в армию. Год служил рядовым в мотопехоте, потом направили на офицерские курсы, и ещё год служил офицером в МВД. Не очень мне нравилось это занятие, но меня никто не спрашивал, и пришлось тянуть армейскую лямку.

После демобилизации из армии по старой памяти устроился на работу на Таджикирадио редактором молодёжных передач. Опять ездил в командировки, много было интересных дел, и журналистика захватила меня целиком. Школьная жизнь в Чкаловске вспоминалась редко, а уж случай с Геннадием Перфильевым вообще канул в Лету забвения.

Лишь как-то в памяти всплыла последняя встреча со старшим следователем городской прокуратуры Хониным. Она произошла в последний день перед моим отъездом на учёбу в Душанбе. Я решил пройтись по чкаловским улицам, покружил по городу и вышел на ту самую Московскую улицу, где так трагически оборвалась жизнь моего соседа. Я шагал по узкому тротуару, который с пригорка плавно сбегал вниз. С левой стороны тянулся бетонный забор, выбеленный извёсткой, с правой – тротуар от дороги отделяли рослые чинары, близко посаженные одна к другой, и глубокая канава, полная мутной, пенящейся воды. Дальше виднелась дорога, по которой ездили немногие тогда легковые автомобили. Грузовой транспорт объезжал Чкаловск по кольцевой трассе.

Тротуар был неудобен для пешеходов. Мощные корни деревьев вздыбли асфальт, они походили на артерии самой земли, по которым струились её соки. Округлые выступы, а потом углубления побуждали идти осторожно, иначе легко было подвернуть ногу. И это днём, ночью же приходилось двигаться почти вслепую, уличные фонари располагались далеко один от другого и давали слабое освещение. По дороге тоже не пойдёшь, там меняли трубы канализации, и огромная яма зияла чернотой.

Я остановился у прохода в бетонном заборе и постарался представить себе картину убийства Геннадия. Он осторожно шагал по тротуару, не слыша даже собственных шагов. Шумели чинары оголёнными ветвями, бурлила вода в канаве, шелестел мелкий холодный дождь. Убийца поджидал свою жертву, стоя за забором. Пропустил Геннадия, вышел на тротуар, почти прижался к его спине и... Геннадий сумел сделать ещё несколько шагов и упал. Скатился вбок, мог бы угодить в канаву, но его удержал ствол дерева. Тело так и осталось лежать в небольшом углублении до самого утра.

А куда можно было деть орудие убийства? Я ощутил представлял, как оно жгло ладонь преступника. Но это тоже не являлось сложной задачей. Достаточно было

бросить спицу в канаву, её подхватил бы бурный поток и увлёл за собой. Дальше вода устремлялась под бетонный мостик, спица могла застрять под ним, а могла и мчаться дальше, и кто может проследить её дальнейший путь в ответвлениях городской очистительной системы...

– Я полагал, что только преступников влечёт на место содеянного, – услышал я за собой знакомый голос. – Оказывается и свидетели тоже не свободны от такой зависимости.

Я вздрогнул от неожиданности и обернулся. Увидел Хонина. Он серьёзно смотрел на меня и ожидал моего ответа. Одет был в светло-зелёную рубашку и кремовые брюки. На ногах сандалии, но без носков. И опять меня удивил контраст седоватых волос на голове и широких чёрных бровей.

– Так можно зайкой стать, – попытался я пошутить. – Я не слышал, как вы подошли.

Дмитрий Борисович не принял моего легкомысленного тона.

– И это днём, – подхватил он мои слова. – А представьте, ночью, когда непогода. Вот почему Перфильев не оказал никакого сопротивления. Он попросту ничего не видел и не слышал.

Мне оставалось только промямлить:

– Это верно.

Следователь подошёл ко мне вплотную.

– Вы ничего не хотите мне сказать, молодой человек?

Мне стало жарко, капли пота потекли по спине.

– Вы о чём?

– О том самом. Мне кажется, вы знаете больше об убийстве Перфильева, чем то, что сообщили мне. Или я ошибаюсь?

Интуиция Хонина изумила меня. Я, как рыба, извлечённая из воды на сушу, раскрывал рот и не находил нужных слов.

– Ошибаетесь, – отговорился я. – Ну, зачем бы я что-то скрывал от вас, если бы знал какие-то подробности об убийстве?

– А мне кажется, кое-что вам известно, но какие-то обстоятельства побуждают вас молчать. Я даже догадываюсь, какие это обстоятельства...

Дмитрий Васильевич говорил медленно, выделяя каждое слово и пристально глядя мне в глаза. Но моя растерянность уже прошла, я сумел взять себя в руки.

– Дмитрий Васильевич, вы выдаёте желаемое за действительное, – я старался говорить как можно убедительнее. – Если бы я знал что-то большее об убийстве Перфильева, я не стал бы молчать. К сожалению, нечего больше добавить к моим прежним показаниям.

Мы оба миновали момент истины, и оба хорошо понимали это. Дальнейший разговор вести было бесполезно. Хонин расслабился, отвёл глаза в сторону.

– Ну что ж, нет, так нет. Жаль, конечно. Но следствие продолжается, и точку в деле ставить рано. Если что-то захотите мне сказать, заходите в сорок седьмой кабинет в прокуратуре. Знаете, где наша контора?

– Знаю, – отозвался я.

– Вот и заходите. Пока не поздно, – последние слова Хонин выделил голосом, но я сделал вид, что не заметил этого.

– Если что, конечно, зайду. А вы не нашли уголовников? – полюбопытствовал я. – Сулима, Большого, помните, я говорил вам о них?

Хонин усмехнулся и перешёл на неофициальное «ты».

– Это уже тайна следствия, ты вторгаешься в запретную область. Нельзя требовать любви, ничего не предлагая взамен.

Он не подал мне руки, повернулся и пошёл к центру города. Я какие-то мгновения смотрел ему вслед, а потом зашагал вниз по улице, по направлению к своему дому.

С того дня прошло десять лет. Я приехал в командировку в Ленинабад. Мне нужно было подготовить радиоочерк об одной из комсомольско-молодёжных бригад на большом предприятии. Шёлковский комбинат подходил для этой цели. Я шёл по коридору административного управления, вглядываясь в таблички на дверях: «Главный

технолог», «Главный энергетик», «Производственный отдел». И вдруг меня словно ударило током. Я прочитал: «Заместитель секретаря парткома Куляну А.П.».

«Вот так встреча», – подумал я и отворил дверь. В приёмной сидела светловолосая худенькая девушка и сосредоточенно стучала по клавишам печатной машинки.

– Добрый день, – поздоровался я. – Могу увидеть вашего партийного шефа?

– А вы кто? – откликнулась секретарь.

– Из Душанбе, редактор Таджикрадио.

– Сейчас.

Светловолосая девушка скрылась в кабинете заместителя секретаря парткома. Тут же вышла обратно и приветливо улыбнулась мне.

– Заходите.

И я зашёл.

Аню я узнал сразу, хотя ей уже исполнилось тридцать лет. Она располнела, но была по-прежнему красивой, только это была уже красота зрелой женщины, за которой последует осенняя пора увядания. Одета была в строгий костюм серого цвета и держалась соответственно властно и официально.

Она что-то писала, увидела меня, отложила ручку и встала навстречу.

Я поздоровался, представился. Она подала мне руку, пригласила сесть. Я расположился на стуле, сбоку от неё.

– Чай, кофе? – спросила она любезно.

– Учитывая зной на дворе, лучше зелёный чай.

Аня нажала на клавишу селектора и распорядилась о чае.

– Слушаю вас.

Я старался ничем не обнаруживать нашего давнего знакомства и стал излагать причину своего приезда в Ленинабад. И тут то ли по голосу, то ли в целом по всем деталям, но она узнала меня. Её глаза, как прежде, расширились, в них появилось беспокойство.

– Ты? Вы? Мой бывший сосед?

– Именно я, – отозвался я бодро. – А тебя не узнать. Солидный партийный босс.

– Ну, уж и солидный, – улыбнулась она. Провела рукой по волосам, поправила воротник костюма, переложила на столе бумаги. Она явно растерялась и не знала, как со мной держаться. Я тоже не знал этого и, хотя обратился к ней на «ты», всё же ждал ответного посыла. Она не приняла моей фамильярности.

– Я рада видеть вас. Кто вы теперь, где работаете?

Я коротко изложил свою десятилетнюю одиссею, тоже упирая в своём рассказе на «вы». Полюбопытствовал о некоторых деталях её биографии. Она, как я и предполагал, возглавляла комитет комсомола предприятия, а теперь, вот уже три года, занимает должность заместителя секретаря парткома. Хотелось спросить её о семье, но я предпочёл обойти эту тему. Скажет сама, хорошо, нет, не будем проявлять излишнего любопытства. О личной жизни Аня ничего не сказала. За эти годы окончила Высшую партийную школу в Ташкенте, работа ей нравится, чувствует себя на своём месте.

Встреча со мной явно не обрадовала её. Она проявляла беспокойство, то и дело поглядывала на часы.

– Вы куда-то спешите? – Я бросил ей палочку-выручалочку. Она подхватила её, как говорится, на лету.

– Да, меня в три часа ждут в горкоме партии. Прошу извинить. Что касается лучшей комсомольско-молодёжной бригады, то я посоветовала бы вам написать о бригаде ткачих, возглавляемой Латофат Каюмовой. Этот коллектив обязался выполнить пятилетнее задание за три с половиной года.

Чувствовалось, она боялась, что я заведу разговор о тех давних днях, когда мы жили соседями в коммунальной квартире и когда произошло трагическое событие, на какое-то время соединившее нас. Но я проявил достаточно такта и не стал углубляться в тягостные воспоминания.

– Хорошо, – сказал я бодро. – Напишу о бригаде Латофат Каюмовой.

Аня поднялась, встал и я.

– Если ещё что будет нужно, я готова помочь, – сказала она любезно. – Заходите, двери моего кабинета всегда открыты для вас.

Она подала мне руку, ладонь была холодная и влажная, что говорило об её напряжённом состоянии.

Я ушёл. В производственном отделе меня уже ждали, она предупредила его работников о моём приходе. Мне организовали всё, что нужно, я сделал хороший радиочерк с живыми голосами, и можно было бы быть довольным. Но довольства собой не было. Я жалел о том, что зашёл в партком и встретился с заместителем его секретаря. Не стоило ворошить прошлое, в котором таятся тягостные воспоминания. Уж коли ты стремишься избавиться от давящего груза, то лучше отбросить его подальше и не пытаться снова взвалить себе на спину.

На комбинате я пробыл три дня, с Аней не пытался больше увидеться, и не думаю, чтобы она очень уж жалела об этом.

И снова потянулись годы, до отказа заполненные командировочными разъездами, собственными журналистскими открытиями и бесконечной писаниной.

Север Таджикистана пострадал от сильного землетрясения. Было разрушено множество домов, погибли люди. На Кайрак-кумском ковровом комбинате обрушились потолочные перекрытия и погребли под собой оборудование и ткачих. Вся тогдашняя Страна Советов включилась в оказание помощи Таджикистану. Потоком шли в Ленинабад строительные материалы, продовольствие, товары первой необходимости. Целой журналистской бригадой мы приехали в Кайрак-кум, чтобы освещать ход восстановительных работ.

Я выкроил время, чтобы снова побывать на Ленинабадском шёлковом комбинате. Хотел сделать репортаж о «солнечных тканях» этого предприятия. Снова шёл по коридору административного корпуса и вглядывался в таблички у дверей. У кабинета заместителя секретаря парткома прочитал: «Шодиев Аслан Фаттахович». Удивился и вошёл в приёмную. Прежней светловолосой девушки не было. За столом секретаря сидела черноволосая женщина средних лет и сосредоточенно разбирала документацию.

Я поздоровался, представился. Получил взамен внимательный взгляд и доброжелательную улыбку.

– Скажите, у вас работала Куляну Анна Петровна. Она тут или куда уехала?

– Уехала, – ответила секретарь. – Вернулась к себе на родину.

– И как устроилась?

– Неплохо. Она работает в Кишинёвском горкоме партии. Завсектором в отделе пропаганды и агитации.

Я плохо разбирался в партийной иерархии и любопытствовал.

– Это выше, чем здесь?

Секретарь подумала.

– Вообще-то нет. У нас комбинат приравнивается к райкому партии, а она была заместителем первого секретаря, вторым секретарём парткома. Но там столица, больше возможностей для выдвижения.

Доложить о вас Шодиеву?

– Пока не надо, – отказался я. – Сперва зайду к вашему директору, а там посмотрим.

Оборвалась последняя ниточка, связывавшая меня с юностью. И тогда мне захотелось посмотреть наш прежний дом, попросить новых хозяев квартиры открыть подвал, и тогда я забрал бы спрятанные в кладовой восемнадцать спиц. Теперь они уже не имели никакого значения, и я хотел сохранить их просто как память о прекрасной молдаванке, для которой комсомольско-партийная карьера была значимее семьи и прочих бытовых понятий.

Моя мать к этому времени получила отдельную однокомнатную квартиру в другом районе Чкаловска и давно не была на месте нашего прежнего коммунального проживания.

Очередная неожиданность встретила меня на дальней оконечности Московской улицы. Нашего бывшего дома не было. Он потрескался и просел от землетрясения, его

снесли и возвели на этом участке новое четырёхэтажное здание. Понятно, что не было никакого подвала, и не осталось никакого следа от спрятанных мною спиц с зелёными головками. Так жизнь сама поставила точку в той давней затянувшейся истории.

Казалось бы, можно было успокоиться и позабыть о трагедии, случившейся полвека назад в небольшом уютном и красивом городке. Но странное дело, она никак не уходила из памяти. И, конечно же, не было прекрасной молдаванки, она давно превратилась в морщинистую, сгорбленную старуху. Но я видел её большие вишнёвые глаза, ряд ослепительно белых зубов и улыбку, за которую тогда отдал бы все богатства мира. Что поделаешь, юность с каждым прожитым десятилетием становится всё привлекательнее и подёргивается розовой дымкой сожаления о невозвратном.

Но мне хотелось как-то избавиться от воспоминаний. В одной таджикской сказке говорилось: слуга царя знал, что у его повелителя ослиные уши. Ему было запрещено под страхом смертной казни говорить об этом. Но чем строже запрет, тем сильнее желание поделиться с кем-либо тайной. И тогда слуга вырыл ямку и прошептал в неё секрет о длинных серых ушах царя. На том месте выросла камышинка. Пастух срезал её и сделал свирель. И когда он заиграл на ней, свирель поведала всем человеческим голосом о безобразном уродстве правителя.

Я решил прибегнуть к такому же способу и написал повесть о своей юности и убийстве моего соседа Геннадия Перфильева. Может быть, на самом деле всё было по-иному, и прекрасная молдаванка ни в коей мере не была причастна к гибели своего мужа, а я всего-навсего подогнал имевшиеся факты под свою версию. Ведь не глупее же меня был старший следователь прокуратуры Дмитрий Васильевич Хонин, который не стал всерьёз рассматривать эту версию. И быть может, убили Геннадия вовсе не вязальной спицей, а чем-то другим. Позднее, когда я служил офицером в МВД, я видел в тамошнем криминальном музее длинную, тонкую, электротехническую отвёртку, которую заточили до остроты иглы и тоже убили кого-то ударом в спину.

Но мне хотелось стереть из памяти тот давний случай, чтобы моё первое увлечение экзотической молодой женщиной оставалось чистым и незапятнанным, как розовый весенний восход солнца, полный сияния и трепетных звуков пробудившейся природы.

И пусть эта повесть, как свирель из сказки, поведаёт читателям о том, что было когда-то, а они сами решат – правдоподобно ли это звучит, или я просто придумал трагедию и до сих пор не могу погасить её тлеющие угли в своей памяти.

ПОЭЗИЯ

Юрий РЫЛОВ

Юрий Петрович Рылов – родился в 1945 г. в Чите. После окончания войны с Японией и демобилизации отца жил в Средней Азии, Ленинграде, на Северном Кавказе (в Нальчике). Окончил Ленинградский Политехнический Институт. Автор научных трудов и 20 изобретений в области магнитной записи. Член Совета Литературных Объединений Москвы и Московской Области. Автор диска песен «Мой город Видное». Поэтический сборник «Река-Облака» – первая книга автора – готовится к печати.

Живёт в Видном.

Во мне пела душа...

Больничный парк, рассвет, идёт весна.
Живу как в первый раз, мне не до сна.
Такая тишина стоит окрест,
Что слышен тополиных почек треск.
Движенье соков старых тополей,
Мне помоги и сил в меня налей,
Чтоб звонко билась жизнь во мне...

Снегом всё припорошилось:
Лес, поляны и поля.
Инеем посеребрились
За полями тополя.
И во мне всё изменилось,
Боль быльём припороша,
Обелилась, заискрилась
Истомлённая душа.

«Открылась бездна...», мы в неё упали,
Мы – в хаосе галактик и миров,
Мы – в космосе... Поверю я едва ли...
Как в самом упоительном из снов
Мой конь – Земля – несёт меня сквозь вечность,
Недолго длится звёздный мой парсек.
Потомки-всадники умчатся в бесконечность,
Как миг кончается и мой короткий век.

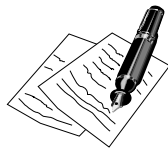
ЮРИЙ РЫЛОВ

Ликовал облаков горделивый парад,
Солнце спряталось в нём, уходя на закат.
И сквозь малые окна, разрывы теней,
Били несколько тонких, как струны, лучей.
Вышли веером, каждый – в своё окно.
Как лучи в полутьме в панорамном кино.
По ним тени бродили, смещаясь, дрожа...
Я стоял, не дыша. Во мне пела душа.

Вода в реке – парное молоко.
В ночи уже сентябрьская прохлада.
И пар слоится над водой легко.
Плыть на спине – особая услада.
Гляжу на звёзды я во все глаза.
Меня плотнее свод небесный накрывает.
Я вместе с паром возношусь на небеса,
Парю в пару... Поверьте, так бывает.

ПАМЯТЬ

Айлар КЕРБАБАЕВА

К 90-летию образования СССР

**«Жизнь – как дом:
фундамент её надо закладывать
глубоко и прочно!»**

Творчество Берды Мурадовича Кербабаева (1894–1974) – основоположника советской туркменской литературы, – может быть отнесено к литературе «большого стиля». Специфика этого направления, создававшегося в литературе советского периода на русском и на языках народов СССР, – преобладание больших литературных форм (роман, повесть, поэма), тяготение к анализу судеб героев через призму масштабных исторических свершений, когда всё мелкое и частное отходит на второй план, освобождая дорогу решению важных задач и крупным личностным открытиям.

Б.М. Кербаев. 40-е гг.

Айлар Бакиевна Кербабаева – внучка Берды Мурадовича Кербабаева. Родилась в Ашхабаде в семье его сына Баки Бердыевича Кербабаева (1921–2009), бывшего многие годы директором Центрального Ботанического сада при АН ТССР, и Евгении Аннакулиевны Артыковой (1926–1962). Литературовед. Окончила в 1972 году факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Преподавала на факультете русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького. Кандидат филологических наук.
Живёт в Москве.

АЙЛАР КЕРБАБАЕВА

В 1942–1950 годах Берды Кербабаев работал председателем правления Союза писателей Туркменской ССР, позже членом Комитета по Сталинским (Государственным) премиям, председателем президиума правления Союза писателей Туркменистана, секретарём правления Союза писателей СССР. Член КПСС с 1948 года. Вот его высокие награды и звания:

- Сталинская (Государственная) премия второй степени (1948) – за роман «Решающий шаг» (1947)
- Сталинская (Государственная) премия третьей степени (1951) – за повесть «Ай-солтан из страны белого золота» (1949)
- Герой Социалистического Труда (1969)
- Три ордена Ленина
- Орден Трудового Красного Знамени
- Академик Академии Наук Туркменской ССР (1951)
- Народный писатель Туркменской ССР (1967)
- Республиканская премия имени Махтумкули (1970)

Берды Мурадович, как известно, вёл обширную переписку (эти письма хранятся в архивах Москвы, Ашхабада и других столиц ближнего и дальнего зарубежья, частных архивах, некоторые из них сохранились и в нашей семье) с писателями, переводчиками, общественными деятелями из разных государств мира, многие из которых стали его близкими друзьями. Но он отвечал не только друзьям и коллегам, но и оппонентам-критикам. *(К сожалению, не все письма, имеющиеся у нас, удалось атрибутировать, поэтому мы и не называем имён адресатов – А.Б.К.)*

Берды Кербабаев из древнего текинского рода. К моменту появления на свет будущего писателя наше родословное древо насчитывало уже семь колен. Он родился 3 (15) марта 1894 года в семье дайханина Кербаба Овезкыпча в ауле Коуки-Зерен Закаспийской области (ныне Тедженского этрапа Ахалского веляята Туркменистана), вошедшей под таким названием в 1880-е годы после завоевательного похода генерала Михаила Скобелева в состав Российской Империи.

Красивый, статный Берды Кербабаев вызывал всегда восхищение. Спустя годы, один из его коллег – выдающийся русский советский писатель Владимир Солоухин скажет о Берды Мурадовиче так: « <...> Текинцы были личной охраной Царя, все один к одному на подбор. Ещё до недавних пор жил в Туркмении писатель Берды Кербабаев – бывший сотник Текинского полка. Так он даже на съезде писателей выделялся своим ростом, осанкой, выправкой, да и вообще внешним видом. Посмотришь, и сразу видно, что текинец, к тому же – сотник».

До Октябрьской революции Кербабаев получил прекрасное по тому времени образование. Он обучался в медресе Каахка и Горджова, в Бухарской духовной семинарии, где изучил арабский и фарси.

После Октябрьской революции, когда и Закаспий захлестнул водоворот драматических событий Гражданской войны (белые, басмачи, красные), сначала принудительно попал в один из басмаческих отрядов – к Эзиз-хану Чапыку, был у него писарем-переводчиком, затем в мае 1919 года перешёл на сторону Красной Армии. Служил работником политотдела Закаспийского фронта, организовывал работу ликбезов в Тедженском уезде, избирался председателем Тедженского волостного исполкома.

В эти же годы он начинает заниматься литературной деятельностью – с 1923 года печатается как поэт-сатирик.

В 1924–1934 годах Кербабаев на редакторской работе в газете «Туркменистан», в журнале «Токмак», в Госиздате Туркмении. В 1924–1926 годах собрал и подготовил к публикации первый сборник стихов великого туркменского поэта Махтумкули Фраги.

В августе 1927 года по направлению отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б)Т поехал учиться на туркменское отделение Ленинградского института живых восточных языков. Но в 1928 году оставил учёбу по болезни.

В 1934–1936 годах был начальником управления науки при Наркомпросе Туркменской ССР.

В опубликованных в конце 1920-х – начале 1930-х годов поэмах «Девичий мир» (1927), «Закрепощённая», или «Жертва адата» (1928), «К новой жизни» (1930) Кербабаяв изобразил горькую долю туркменской женщины в прошлом, выступая также за утверждение норм социалистической морали.

Поэма «Аму-Дарья» (1930) посвящена романтике социалистического строительства. В 1931 году выпустил первый сборник очерков и рассказов «Хакыкат» («Действительность»).

Вместе с тем жизнь Кербабаява – не ровная дорога, но постоянное преодоление и борьба. В 1930-е годы его и ещё ряд литераторов за националистические идеи – а именно за подготовку к публикации эпоса Коркут-ата, – как врага народа отправили в лагерь. Думаю, эти факты, о которых не принято было писать и говорить в советское время, сегодня только укрупняют личность Берды Кербабаява.

Кербабаяв был репрессирован дважды – в 1932–33 годах и в 1937–38 годах. Из-за этого мой отец Баки Кербабаяв как сын врага народа не смог идти добровольцем на фронт в 1941 и призывается в армию только в 1943, а после Великой Отечественной войны его не приняли в Дипломатическую академию, хотя экзамены он сдал.

По воле судьбы Ашхабад, где в годы Великой Отечественной войны в эвакуации находился Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ), стал одним из заметных культурных и научных центров Советского Союза.

Глубоко взволновали меня опубликованные в журнале «Великороссъ» (2011, №1) отрывки из воспоминаний «Годы войны. Незабываемое» моей коллеги по факультету русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького – доктора педагогических наук, профессора, автора ряда учебников по русскому языку для вузов и школ Евгении Николаевны Ершовой.

Указом Президента РФ от 4 ноября 2010 г. №1302 «за большой вклад в развитие культурных связей с Российской Федерацией, сохранение и популяризацию русского языка и русской культуры за рубежом, в сближение и взаимообогащение культур наций и народностей» Е.Н. Ершова награждена Медалью Пушкина.

Берды Кербабаяв рвался на фронт, в действующую армию, но ему пришлось повоевать только словом. В годы войны им написаны повесть о первом туркмене – Герое Советского Союза «Курбан Дурды» (1942), пьесы «Народный поэт» (1941) и «Братья» (1943), трагедия о великом туркменском поэте «Махтумкули» (1943), а также либретто первой туркменской оперы на современную тему «Абадан», рассказы «Кто победил», «Стремление»...

Особо хочу сказать о поэме «Айлар» (1943), в которой дед трогательно рассказывает о любви туркменской девушки-медсестры и юноши туркмена – солдата кавалерийского полка, воевавших в страшном сорок первом под Москвой.

Когда я родилась после Великой Отечественной войны, мой отец Баки Бердыевич, сын писателя, фронтовик, решил назвать меня так в честь одной из кербабаявских героинь, в знак уважения к дочерям туркменского и других народов СССР, защищавших Родину наряду с мужчинами.

Всю войну Кербабаяв проработал председателем правления Союза писателей Туркменской ССР. Активно помогал, создавал условия для жизни и творчества и писателям, эвакуированным в Ашхабад, и местным литераторам.

Известный писатель-туркменистанец Александр Аборский, который после войны работал главным редактором журнала «Ашхабад», в своих интересных воспоминаниях о жизни и работе Юрия Олеши в Ашхабаде рассказывает, в частности, и о его встречах с Кербабаявым: «Сентябрь, начало жаркой осени, лучшая пора в Ашхабаде.

Сады над глинобитными заборами сплошь стоят зелёные. Стена гор недалеко колыхается, переливаясь разными красками, а при ярком солнце горы обретают натуральный цвет, похожи на лежащую рядом пустыню. Горы и пустыня, пестрота одежд, дома с плоскими крышами – таким увидел Олеша Ашхабад, где ему довелось прожить всю войну.

Он оказался здесь случайно; никто его не ждал, даже в писательской организации ничего не знали. Переправился через Каспий на шаткой посудине с эвакуированным народом.

Появления такой яркой фигуры не заметили. Он уже несколько дней обитает в туземного типа гостинице – караван-сараяе, разгуливает по базарам, паркам, музеем <...>.

К Олеши между тем приехала жена, верный друг, спутница всей его жизни Ольга Густавовна. Теперь они вместе, вот только комната в караван-сараяе очень уютная, тесная, плохо приспособленная для работы. Отсутствие нормального жилья тяготило писателя, выбивало из колеи, и хотя он прямо не жаловался, никого ни о чём не просил, настроение у него было неважное.

Вскоре Б.М. Кербабаяв специально послал меня к нему.

– Пригласи Юрия Карловича, кое-какие новости есть для него.

В тот вечер мы перетачили имущество наших друзей в лучшую гостиницу города – на улице Гоголя <...>.

В кругах ашхабадской интеллигенции скоро он стал своим. Не командированный, не заезжая знаменитость, а во всех отношениях свой человек. Хлебные карточки – по общему списку; выступления у призывников, у молодых офицеров, в госпиталях – в одной культбригаде; общественные поручения местного союза – он выполняет их, как положено. Но писатель привык писать, и это остаётся главным, хотя печататься почти негде.

По утрам он обычно отправляется из шумного гостиничного улья в союз, где давно облюбовал себе стол в тихой комнате. Стол называется «Олешиным», можно оставлять рукописи на ночь – никто не потревожит. Сосредоточенный, задумчивый, остро отточенным карандашом он набрасывает строку за строкой на большем листе бумаги, зачёркивает и вновь стремительно пишет <...>.

Мысль постоянно обращается к фронту, а оттуда часты вести малоутешительные.

– Вы поглядите, как изгажена карта! – ворчит Олеша, рассматривая огромную, в полстены, испещрённую разноцветными флажками карту. – Ельня, Вязьма, Старая Русса – вот где становище ландскнехтов! Ландскнехты в Ельне, Починке, – какая бессмыслица! А мы разгуливаем по Текинскому базару, по ночам читаем Киплинга, Хлебникова, Достоевского, делаем подмалёвки к «Забавному случаю» Гольдони <...>.

В таком настроении Олеша однажды наведялся к Кербабаяву и прямо заговорил с ним о своём желании пойти во фронтовую газету. Как-никак военнообязанный, майор интендантской службы, а его товарищи москвичи, тоже из запаса, сейчас в действующей армии.

– Ваше слово нужно здесь, Юрий Карлович, – отвечал Кербабаяв. Очерки, статьи, переводы нужны позарез. Давайте-ка яркий, во всю вашу силу, очерк, товарищ майор!

– А знаете, Берды Мурадович, я ведь пишу сейчас именно очерк, признался Олеша.

– О чём, если не секрет?

– История комсомольского эшелона. В ЦК комсомола мне дали полупудовую папку документов. Верите – полпуда телеграмм, писем от девушек, молодых джигитов...

– Вот вы уже и полковник, аллах свидетель! – перебил Кербабаяв. – Вы комиссар, политотделец! Когда я прочитаю очерк в газете? Хотите, переведу на туркменский?

Полмесяца спустя мы слушали историю комсомольского эшелона по радио, а затем читали в книжке. Превосходная писательская работа. А в тот раз, после беседы с аксакалом туркменской литературы, Олеша жаловался на него:

– С ним невозможно! Кроткий – тише воды, ниже травы, – а сам жмёт и всё, что хочет, наверняка выжмет из тебя. Обещал мне привезти откуда-то из Каракумов верблюжатины: целебное мясо, говорит. А я отродясь не ел верблюжатины, не знаю, едят ли её. Обещал ханского рису привезти мне из Хорезма, такие продолговатые отборные зёрна нежно-розового цвета <...>».

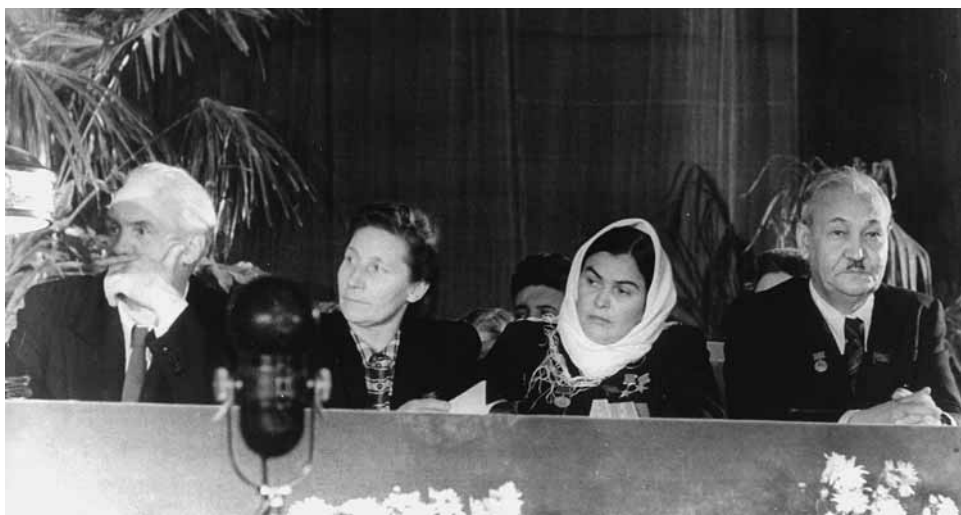
После Великой Отечественной войны в произведениях Кербабаева преобладают темы социалистического строительства.

Роман-эпопея «Решающий шаг» (кн. 1-2, 1940-1947, кн. 3, 1955), над которым Кербабаев работал с 1930 года, – первый революционно-исторический роман в советской туркменской литературе. Он по праву входит и в золотой фонд многонациональной литературы народов СССР.

Как энциклопедия этот роман вобрал в себя прошлое туркменского народа, его стремление к светлому будущему. Через образы туркмен – Артыка, Айны, Майсы, Ашира, Кандыма и русских – Ивана Чернышова, Артамонова, Куйбышева ярко нарисовано участие рядового дайханства в Великой Октябрьской социалистической революции, его дружба с русским народом.

«Конечно, большим достижением туркменской советской литературы, – подчеркнул член-корреспондент АН ТССР А.А. Росляков в предисловии к историческому роману народного писателя Туркменистана Валентина Рыбина «Море Согласия» о зарождении туркмено-русских связей, – являются широкие полотна, посвящённые коренному историческому повороту в жизни туркменского народа – Великому Октябрю, Гражданской войне и близким к ним по времени историческим событиям. На первом плане здесь стоит “Решающий шаг” Берды Кербабаева, глубоко и правдиво раскрывший в ярких образах живых людей, сложный путь патриархального туркменского дайханства к социалистической революции».

И вновь параллель: Берды Кербабаев – Валентин Рыбин, писатели-туркменистанцы, туркмен и русский, оба плодотворно развивающие жанр исторического романа, много поработавшие как для туркмено-русского культурного диалога, так и для культурного диалога с другими национальными литературами народов СССР.

Всесоюзная конференция сторонников мира. Москва, 1950 г.

«Помнится, с каким пристальным вниманием следил за набирающим силу талантом молодого писателя Валентина Рыбина аксакал туркменской советской литературы Берды Мурадович Кербабаев, – отмечает в предисловии к историко-революционному роману Валентина Рыбина “Огненная арена” туркменский критик Ханкули Тангрыбердыев. – И не только присматривался, но и всецело доверял ему. В годы, когда я работал над составлением шеститомного издания избранных сочинений Б. Кербабаева, он как-то сказал мне: “Я думаю, надо попросить Рыбина: он может успешно справиться с переводом моих поэм “Девичий мир” и “Жертва адата”. Признаться, я тогда усомнился в правильности выбора переводчика. Ведь у Берды Мурадовича всегда были именитые, широко известные поэты-переводчики. Я напомнил ему о них. Но он лишь улыбнулся и попросил меня переговорить с В. Рыбиным. Через несколько лет перевод обеих поэм увидел свет. Рыбин блестяще справился с переводом. Берды Мурадович потом не раз говорил мне, что не ошибся в своём выборе. И он же один из первых по достоинству оценил вышедшую в свет историческую диологию В. Рыбина “Море согласия”».

Значительным достижением туркменской литературы явился и роман Кербабаева «Небит-Даг» (1957) о жизни нефтяников.

Вспоминая работу над этим произведением, 15 марта 1971 года в одном из писем Кербабаев рассказывает: «<...> Когда я поставил перед собой задачу написать роман из жизни нефтяников, сразу почувствовал, что мне необходимо переселиться в Небит-Даг, потому что я жизнь нефтяников не знал.

Переселился в город Небит-Даг, жил там два с половиной года, изучил материал и написал роман <...>».

Задумав роман «Капля воды – крупица золота», в конце 1968 года Кербабаев, в то время Председатель Президиума Правления Союза писателей Туркменистана, направляет заявление в Бюро ЦК КП Туркменистана: «Постановлением директивных органов секретарям Правления Союза писателей СССР в связи с перегруженностью их административно-общественной работой, что создаёт естественный застой в творчестве, предоставлено право получения ежегодно 3-месячного творческого отпуска с сохранением заработной платы».

А. Малышко, В. Сабко, Н. Новиченко, О. Гончар, П. Бровка, М. Танк, П. Тычина, Г. Гулям, Б. Кербабаев, А. Кешоков. Киев, 1958 г.

Уже 4-й год я не использую не только творческий, но и обычный трудовой отпуск. В связи с большой перегруженностью давно задуманный и начатый мною роман о строительстве Каракумского канала остался без движения.

Для того чтобы написать этот роман, поднимающий столь важную тему грандиозного строительства, имеющего огромное, неоценимое значение в жизни и дальнейшем развитии нашей республики, тему высокого морального облика советского человека, нерушимой братской дружбы народов нашей Родины, – убедительно прошу Бюро ЦК КП Туркменистана предоставить мне годовой отпуск с 1 января 1969г. по 31 декабря 1969 г.»

И вот долгожданный отпуск получен. Кербабаяев погружается весь в работу над новым романом. «<...> Я давно считал себя обязанным написать роман о строителях грандиозного Каракумского канала, – читаем в одном из его писем. – Я, наконец, подошёл к этой мысли вплотную – взял годовой творческий отпуск.

Выбранная мною тема очень сложная и весьма важная. Не знаю, справлюсь ли с этой трудной и ответственной задачей.

Одновременно изучаю материал и порчу бумагу – написал уже несколько глав. Надеюсь, что закончу роман в этом году. Условное название: “Капля воды – крупинка золота”».

6 мая 1969 года Кербабаяев пишет другому своему адресату: «<...> Я поставил перед собой задачу и начал писать роман о строителях Каракумского канала. Но я хорошо не знаю материала и не очень способен изучать, поэтому и мучаюсь: работа не идёт.

В эти дни собираюсь поехать в Мары – Захмет. Не знаю, сумею ли собрать какие-либо необходимые материалы. Взятая мною тема – весьма сложная <...>».

Роман «Капля воды – крупинка золота» в какой-то мере является продолжением романа «Решающий шаг». Отдельные штрихи сюжета, герои – Артык Бабалы, его сын Бабалы Артык и другие – вызывают в памяти это произведение.

Однако «Капля воды – крупинка золота» написана на новом материале. Книга рассказывает о строительстве Каракумского канала, о напряжённом труде многих и многих людей, об их личной жизни, мечтах, стремлениях.

Участок, на котором ведутся работы, – опасная пустынная зона, здесь каждая капля воды – крупинка золота, зной изнуряет людей, но горячая вера строителей канала в конечный результат их нелёгкого труда помогает преодолеть все препятствия.

Повесть «Айсолтан из страны белого золота» посвящена жизни колхозного аула.

В 1965 году в Ашхабаде на туркменском языке выходит исторический роман Кербабаяева «Чудом рождённый» о жизни и деятельности выдающегося государственного деятеля Кайгысыза Атабаева (около 1888-1937), Председателя СНК ТССР (1924-1937), с именем и делами которого связаны рождение и развитие Туркменской Советской Социалистической Республики.

Спустя четыре года, роман был переведён на русский язык и опубликован во втором номере «Роман-газеты», предисловие к нему написал председатель Союза писателей СССР Георгий Марков.

Роман «Чудом рождённый», как и другие произведения Кербабаяева, оказался в центре внимания, упоминается он нередко и в переписке.

26 декабря 1967 года, отвечая на письмо одного из своих оппонентов, Кербабаяев пишет: «<...> Когда я начал писать “Чудом рождённый”, передо мной не было никаких установок. Я тружусь по своей совести.

Мне кажется, ни для кого не секрет, что такое культ личности и за что погибли миллионы хороших людей. Я написал не историю, а художественное произведение. Я не хотел терзать старые раны читателей, не хотел дать ружьё в руки врага, потому избегал всякие подробности (тошноту, боль, грязь и т.п.) и уверен, что вполне понятно, за что погиб Атабаев.

Атабаев родился в октябре 1878 года, арестован в 1937 году и стал жертвой культа в марте 1938 года. Держал себя на следствии мужественно. Также стали жертвами остальные <...>».

Дни туркменской литературы. Ярославль, 1962 г.

А вот письмо другому адресату от 6 мая 1969 года, где Кербабаяев вновь пишет о романе «Чудом рождённый»: «<...> Я не являюсь следователем, прокурором, а тем более обвинителем. Являясь простым писателем, я поставил перед собой задачу показать во весь рост одного человека – Государственно-го деятеля в переломном периоде.

Если я справился со своей задачей – с полной уверенностью скажу, что так я отвечу на вопрос: “помнят ли дети своих отцов?” <...>».

12 августа 1971 года писатель вновь высказывает свою позицию по поводу романа одному из своих адресатов: «<...> Когда я написал роман (10 лет тому назад), не нашёл материалов об Атабаеве, потому, что они были уничтожены. Я копал архив в Ташкенте и там особого ничего не нашёл. И поэтому я вынужден был опираться на то, что знал об Атабаеве, и на то, что слышал.

Я не написал историческую книгу об Атабаеве, а написал художественное произведение. Значит, взял из его жизни и деятельности то, что нашёл, то, что мне было нужно. Всё равно же весь материал не возьмёшь. Потому и сделал, что смог <...>».

Творчество Кербабаяева – многожанрово. Он был не только ярким беллетристом, поэтом, драматургом, киносценаристом, но и публицистом. Его статьи регулярно публиковались как в республиканской, так и в центральной прессе.

Выставка международной книги. Москва, 1967 г.

«И если спросить, – писал в 1967 году Кербабаяев в одной из статей, – что нового сегодня в культурной жизни туркмен, ответить придётся кратко: всё!»

Продолжая в этой статье разговор-раздумье о культурном возрождении своего народа, Берды Кербабаяев пишет: «В Туркмении не было искусства танца, а сейчас туркменская хореография пользуется широкой известностью и за пределами республики. Такой же известностью пользуется и наше драматическое искусство, популярны имена замечательных артистов Амана Кульмамедова, Алты Карлиева, Базара Аманова, Соны и Сурай Мурадовых. А ведь ни драматургии, ни сценического искусства старая Туркмения не знала».

В 1960-е Берды Кербабаяев занимается переводами на туркменский язык произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова («Горе от ума»), И.А. Крылова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого («Хаджи Мурат», «Анна Каренина»), А.М. Горького («Мать»), М.А. Шолохова («Поднятая целина»), Мусы Джалиля и других русских и советских классиков.

Произведения Кербабаяева также были переведены на русский (Татьяна Озерская, Яков Хелемский, Александр Аборский, Вадим Зубарев, Валентин Рыбин...) и другие языки народов СССР и вышли в Москве и столицах республик Советского Союза.

Берды Кербабаяев дружил со многими выдающимися мастерами слова России и братских советских народов (Константином Симоновым и Арсением Тарковским, Мухтаром Ауэзовым и Кайсыном Кулиевым и другими), всегда уважительно говорил и писал о них.

Вот такую яркую, образную характеристику он дал своему собрату по перу – первому народному поэту Азербайджанской ССР Самеду Вургуну (1906–1956): «Кто однажды увидит Самеда, никогда в жизни не забудет ни единого его жеста, взгляда. У Самеда была какая-то гордая орлиная стать. Он не уходил от спора, спорил до тех пор, пока полностью не проявлялась истина. Он не любил туманных натур, туманных слов».

Собая страница в жизни и творчестве Берды Кербабаяева – сотрудничество с кинематографистами.

В январе 1966 года в Ашхабаде, 31 октября 1966 года в Москве состоялась премьера двухсерийного художественного революционно-романтического фильма «Решающий шаг», снятого по одноимённому роману Берды Кербабаяева на киностудии «Туркменфильм» выдающимся туркменским режиссёром, актёром, драматургом, народным артистом Советского Союза Алты Карлиевым. Музыка к фильму написал выдающийся туркменский композитор Нуры Халмамедов.

К. Симонов и Б. Кербабаяев. Туркмения, Дарваза. 1961 г.

Фильм удостоен Государственной премии Туркменской ССР имени Махтумкули (1966, режиссер А. Карлиев, оператор А. Карпухин, актеры Б. Аннанов и Ж. Смелянская, писатель Б. Кербабаяев), участвовал и получил высокие награды на различных международных фестивалях, широко демонстрировался на экранах по всему Советскому Союзу.

Брат моей мамы – живописец, действительный член Международной Академии Творчества, заслуженный деятель искусств ТССР Владимир Аннакулиевич Артыков, который ныне живёт и работает в Москве, плодотворно работал и как художник-постановщик театра и кино. В середине шестидесятых он дебютировал на киностудии «Туркменфильм» в картине Алты Карлиева «Махтумкули».

В книге мемуаров «Уходящая натура» Владимир Артыков пишет и о знаменитой кинозвезде мастера по роману Кербабаяева: «<...> Его (Алты Карлиева – А.Б.К.) нашедшая кино-эпопея «Решающий шаг» по одноимённому роману классика туркменской литературы Берды Кербабаяева с успехом прошла по всем кинотеатрам Советского Союза. Герой фильма Артык, актёр Баба Аннанов и героиня Айна, актриса Жанна Смелянская, не сходили с первых полос журналов и газет страны. Успех картины был ошеломляющим. На них, словно из рога изобилия, посыпались почётные звания и награды <...>».

28 октября 1974 года в Москве состоялась премьера фильма-комедии «Озорные братья», снятого на киностудии «Туркменфильм» по повести Берды Кербабаяева «Весёлые джапбаки», который разработал легенду о юности героев. Поэтому старшему исполнителю всего шестнадцать лет (Энвер Аннакулиев), и фильм адресован детям. Режиссеры: Каков Оразсяхедов, Хайыт Якубов. Оператор: Усман Сапаров. Композитор: Нуры Халмамедов.

Картина о весёлых приключениях жизнерадостных, никогда не унывающих братьев. На экране воссоздаётся атмосфера романтической легенды. Это – сказка и одновременно не сказка. Игра в сказку. Сказка, погружённая в быт. Песни и музыка к этому фильму полны оптимизма и юношеского задора. Кто такие Джапбаки? Спросите в любом туркменском селе, и вам расскажут десятки забавных и поучительных историй о четырёх братьях. Легенды северной Туркмении уверяют, что это были рослые, сильные богатыри, на юге и на западе вы услышите про юных озорников и несусветных фантазёров.

Но в любых версиях Джапбаки выступают защитниками бедняков, несправедливо обиженных, и, конечно, всегда побеждают – кто бы ни был их враг – могущественный бай, жадный и хитрый мулла, бесовестный торговец или свирепый разбойник.

Острословы, балагуры, шутники, они стали самыми популярными героями туркменского фольклора. Обаяние Джапбаков так велико и образы так живы в народе, что несколько аулов в Туркмении до сих пор оспаривают право называться родиной легендарных персонажей. В 1984 году был снят художественный фильм «Кайгысыз Атабаев» по роману Берды Кербабаяева «Чудом рождённый».

В составе советских делегаций писателей и общественных деятелей Берды Кербабаяев побывал во многих странах мира на различных форумах. В очерке «Индийские встречи» (к сожалению, автор нам неизвестен), опубликованном 10 января 1960 года в республиканской газете «Туркменская искра», рассказывается об одной из таких поездок: «В просторном кабинете довольно прохладно. Берды Мурадович поднимается навстречу в накиннутом на плечи пальто и, несколько виновато улыбаясь (не холодно ли гостю?), произносит:

– Рад видеть вас. Прошу садиться. Знаете, после Мадраса даже наш солнечный Ашхабад может показаться полюсом холода. В Индии сейчас тоже стоят «холодные» дни – всего каких-нибудь тридцать два – тридцать три градуса. Настоящая зима, не правда ли?

Берды Кербабаяев ещё несколько минут шутит по поводу странностей экваториальной «зимы», говорит о маленьких босоногих разносчиках охлаждённой воды на

Раид Ахмед (Индия), Б. Кербабаяев и Аждар (Пакистан)

улицях Мадрасе и Бомбея, о долгожданной вечерней прохладе, приходящей на смену знойному декабрьскому полдню. Чувствуется, что писатель полон впечатлений о чудесной стране за Гималаями, в которой ему довелось провести около двух недель в декабре минувшего года, что ещё какой-то частицей сердца он живёт там, среди новых индийских друзей. Поездка его в составе советской делегации на Всеиндийскую конференцию писателей в Мадрасе, несомненно, была очень интересной. Мы просим Берды Мурадовича рассказать нашим читателям об этой поездке, поделиться своими впечатлениями о работе конференции, о встречах и знакомствах, о народе Индии. И писатель охотно соглашается – мы старались возможно полнее воспроизвести его рассказ о поездке в Индию.

– Многоязыкая литература этой “страны чудес” очень разнохарактерна, пестра по своим идейно-творческим устремлениям. По-разному понимают индийские писатели, пишущие на 14 различных языках, цели и задачи художественного творчества, место и роль писателя в жизни общества, в судьбах народа, в судьбах человечества. Разные, порою враждебные друг другу принципы и законы искусства, к различным школам и направлениям причисляют себя. Зная это, понимаешь, почему в Индии пока трудно создать единое творческое объединение литературных сил, такое, скажем, как наш Союз писателей. Такого союза в Индии нет. И конференция в Мадрасе была создана по инициативе Академии литературы, президентом которой, кстати, является премьер-министр Индии Джавахарлал Неру.

Нашу делегацию, как и другие зарубежные писательские делегации, пригласила именно Академия литературы, с генеральным секретарём которой, господином Крипалани, мы встретились в Дели – ещё до начала конференции. Генеральный секретарь рассказал нам о работе Академии – это своеобразное научно-исследовательское учреждение, основной задачей которого ныне является сближение различных писательских сил страны, стремление больше и лучше познакомиться друг с другом литераторов, пишущих на разных языках. Кстати, эта главная цель стояла и перед Всеиндийской конференцией писателей в Мадрасе.

– Наша делегация преподнесла Академии литературы четыре тома великого индийского эпоса “Махабхарата”, переведённые на русский язык профессором Б.Л. Смирновым и изданные в Ашхабаде. Позднее в Мадрасе все индийские писатели – участники конференции – с восхищением встретили известие об этом подарке – удивительном и уникальном, как назвал его один из организаторов конференции.

4-й съезд писателей ТССР. Б. Кербабаяев (в центре) с гостями съезда из Москвы и республик СССР

Лично господину Крипалани я подарил альбом с репродукциями прославленных туркменских ковров.

Конференция в Мадрасе началась 16 декабря и длилась пять дней. Пять дней на трибуну поднимались писатели, приехавшие в этот город на юге Индии со всех концов страны, пять дней шли жаркие дискуссии о целях и задачах литературы, о призвании писателя, о путях сближения и консолидации творческих сил страны, шла страстная борьба взглядов и убеждений – литературных, политических, религиозных, философских. Я уже говорил о пестроте школ и направлений в современной индийской литературе, – на конференции эта разнородность проявилась, пожалуй, с наибольшей полнотой. На трибуну поднимались и ярые приверженцы теории аполитичности искусства, поклонники “чистого искусства”. Один из ораторов договорился до того, что “произведение литературы, как таковое, не имеет пропагандистского значения, так как оно не преследует моральных и социальных целей”. Итак – аморальная и антисоциальная литература! К счастью, такие ораторы, отводящие писателю пресловутое место “над схваткой” социальных сил, “над временем”, “над обществом”, оказались в меньшинстве. Тон конференции задавали прогрессивные писатели – те, идейное и художественное кредо которых афористически чётко выразил талантливый поэт Шиль:

Если в бурю гремящую нужно шагать, – то шагай,
Если жгучими искрами нужно сгорать, – то сгорай!
Если доля трудна и дорога крута, – не страшись,
Если нужно в борьбе раствориться сполна, – раствориись!

На конференции речь, главным образом, сводилась к тому, чтобы помочь индийским писателям ближе узнать друг друга, больше переводить произведения литераторов на разные языки, больше творчески общаться. Естественно поэтому, что вопросы художественного перевода привлекли особое внимание участников всеиндийского форума в Мадрасе. Этому, кстати, был посвящён и основной доклад, сделанный президентом конференции, членом Академии литературы Тарошонкером Баннорджи.

От имени советских писателей, от имени всего нашего народа участников конференции тепло приветствовал руководитель нашей делегации Борис Полевой. Его сообщение о том, что у нас в стране на разных языках издано около трёхсот произведений индийских писателей – тиражом более 12 миллионов экземпляров, сидящие в зале встретили горячими аплодисментами. Мы поднесли конференции некоторые из этих книг, в частности, несколько произведений Рабиндраната Тагора, Прем Чанда, Кришана Чандра и других, переведённых на туркменский язык. Та рошонкеру Баннарджи я подарил три тома из издаваемого “Туркменгосиздатом” шеститомника моих произведений.

Мы много беседовали с прогрессивными писателями Индии в кулуарах конференции. У всех у них – жадный интерес к жизни нашей страны, к нашей литературе, к творческому опыту советских писателей. В Индии хорошо знают русскую классическую литературу, большими тиражами выходили и выходят здесь книги Горького и Маяковского, Серафимовича и Фадеева, лучшие произведения советской литературы последних лет.

Мы спрашиваем Берды Мурадовича, встретился ли он со своим другом – индийским писателем Яшпалом, который, как известно, сидя в тюрьме, перевёл его роман “Решающий шаг”?

– Нет, к сожалению, эта встреча не состоялась: Яшпал не смог приехать в Мадрас. Правда, в Дели я получил от него телеграмму – он сообщил, что 26 декабря приедет в столицу, чтобы повидаться со мной. Но наш вылет был назначен на 24-е... Мне рассказали о любопытном факте, имевшем место в связи с выходом в Индии “Решающего шага”. Говорят, читатели не верили, что это переводное произведение, шутили: мол, Яшпал что-то мудрит – сам написал роман об индийских событиях десяти – пятнадцатилетней давности, а решил почему-то выдать его за книгу туркменского писателя. Недоразумение вполне понятное: оказывается, события и судьбы людей, драматические коллизии и человеческие характеры, выведенные в книге о путях туркменского народа к свободе, счастью, в главном весьма созвучны недавней индийской действительности. Я очень благодарен талантливому писателю Яшпалу за то, что он познакомил своих читателей с моей книгой. И решил по-своему, по-писательски отблагодарить его. Я перевёл его большой рассказ “Одна сигарета” – о судьбе молодой индийской женщины, о том, как она рвёт путы векового рабства в поисках своего пути в жизни. Как видите, тема весьма созвучна нашей туркменской действительности сравнительно недавнего прошлого...

В один из дней нашего пребывания в Мадрасе нас пригласил к себе крупный индийский режиссёр, член Всемирного Совета мира и председатель Мадрасского отделения советско-индийской дружбы Субрамания. Его семья – это большая семья художников, людей, всей душой преданных искусству. Жена Субрамания – превосходный музыкант и интересная поэтесса; она пишет песни, а её дочери – талантливые их исполняют. Младшая дочь Субрамания – семнадцатилетняя Падма – замечательная исполнительница народных танцев; знатоки пророчат ей блестящее будущее, называют второй Тара Чандри (всемирно известная индийская танцовщица). Эта семья дала для нас превосходный семейный концерт, а Субрамания показал нам к вечеру один из своих фильмов.

Субрамания и сам неплохой музыкант и певец. Прощаясь с нами, он попросил прислать лучшие туркменские песни (в переводе на английский) – он приложит силы к распространению их в Индии.

20 декабря конференция в Мадрасе закончила свою работу и мы совершили небольшую поездку по стране. Конечно, побывали в знаменитой Агре (в двухстах километрах от Дели), прославленной своими замечательными архитектурными памятниками времён Великих Моголов. О чудесной «поэме из камня» Тадж-Махале уже не раз писали – это изумительный архитектурный ансамбль из белого мрамора, ни один красочный рассказ о котором не в состоянии передать всю красоту этого удивительного творения человеческих рук. Достоинными соперниками этого дворца являются и другие памятники времён Моголов – Пяндж-Махал и Акбар, относящиеся к XVI-XVII векам.

Побывали мы в крупнейшем городе Индии Бомбее – пятимиллионном городе контрастов.

Индийцы – очень радушный, очень приветливый и гостеприимный народ. Особо сердечно относятся они к гостям из Страны Советов – они знают, какую огромную материальную и моральную поддержку оказывает наша страна молодой республике в возрождении её экономики, в становлении национальной промышленности.

Наше пребывание в Индии совпало с большим событием в экономической жизни страны: газеты были полны сообщений о заканчиваемся строительстве металлургического завода-гиганта в Бхилаи, сооружаемого с помощью Советского Союза. Ещё шесть лет назад Индия производила немногим более 1,5 миллиона тонн стали в год. В этом году её будет выпущено 6 миллионов тонн, и 20 процентов этого количества даст Бхилаи. Металлургический завод в Бхилаи – один из первых шагов на пути к созданию тяжёлой индустрии в Индии: его значение не менее важно, чем значение машиностроительного и паровозостроительных заводов в Ранчи, Мадрасе и Калькутте, также сооружаемых с помощью Советского Союза. Как известно, проектированием гиганта индийской металлургии занимались более сорока советских проектных организаций, свыше 400 заводов нашей страны выполняли заказы для Бхилаи, около 600 советских специалистов работало на строительстве завода. Этот пример сердечной и бескорыстной помощи нашей страны нашёл душевный отклик у индийцев, они бесконечно благодарны своим советским друзьям.

Об этом говорил нам и премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, пожелавший встретиться с нами в канун нашего отъезда на Родину. Мы долго беседовали с Неру, и беседа эта, затрагивавшая самые разные вопросы – от проблем литературы до задач укрепления дружбы и взаимопонимания между всеми народами земли – протекала в очень тёплой, сердечной обстановке. Между прочим, по поручению наших туркменских учёных я спросил премьер-министра Индии – не учились ли его далёкие предки в Хиве и Хорезме (есть предположение, что кто-то из них был едва ли не однокашником нашего Махтумкули)? Джавахарлал Неру ответил отрицательно и тут же добавил, что с самым творчеством Фраги он очень приблизительно знаком по старым английским переводам и трудам венгерского путешественника Вамбери.

Наша делегация подарила Джавахарлалу Неру макет искусственного спутника Замми, альбом со снимками раскопок Нисы – столицы древней Парфии, книгу Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке», книгу Ганди «Моя жизнь», изданную на русском языке. Неру сердечно поблагодарил нас за подарки, поздравил с наступающим Новым годом, просил передать сердечный привет всему советскому народу.

24 декабря восьмидесятиместный четырёхмоторный самолёт индийской авиационной компании вылетел из Дели, держа курс в Страну Советов. Вечером мы уже были в любимой Москве.

Индия осталась за тысячи километров, за суровыми Гималаями – и осталась в сердце: встречи с этой страной, с её народом запомнятся на всю жизнь».

22 декабря 1966 года после посещения Болгарии Кербабаев отвечает на письмо одного из своих новых болгарских друзей: «<...> Прекрасная Болгария и мои новые друзья оставили у меня большое и неизгладимое впечатление, и я с большой радостью готов поехать в Болгарию в любое время года и не раз, и не два.

Как Вам известно, мы вступаем в исторический большой юбилейный год 50-летия, потому очень много мероприятий, которые мы должны осуществить и встретить достойным подарком – творением.

Поэтому удастся ли встретиться с Вами в Болгарии – затрудняюсь сказать, но я уверен, что мы с Вами встретимся в Москве во время съезда писателей СССР в мае 1967 года.

<...> Взаимно приглашаю Вас с друзьями – кого Вы хотите взять с собой в солнечную Туркмению в любое время года.

Правда, в июле-августе у нас очень жарко, зато апрель-май и сентябрь-ноябрь очень хорошее время.

У нас тоже есть курорты: почечный, сероводородный, грязелечебный, но они не так-то красивы и благоустроены, как у вас в Варне и на Солнечном берегу.

Есть у нас хорошее дачное местечко в горах – Фирюза. И можно попутешествовать».

Берды Мурадович всегда доброжелательно относился к своим молодым коллегам, всячески поддерживал их.

Так, с удовольствием знакомя читателей «Литературной газеты» (1 июля 1967) с одним из молодых поэтов Туркмении, выпускником Литературного института имени А.М. Горького Атаджаном Таганом (в будущем – народным писателем Туркменистана), Кербабаев так напутствует его и других молодых в своём вступительном слове: «Сколько у человека, а тем более у пишущего – друзей... Но среди них, возможно потому, что я ещё сам хочу быть помоложе, мне особенно по душе мои молодые друзья. Не проходит и дня, чтобы кто-нибудь из них не навестил меня в Союзе Писателей. А то бывает и так: сидишь дома за рабочим столом, тихонько открываешь дверь...

– Салам, Берды-ага!

Время! Что может быть дороже его! И всё же язык не поворачивается сказать об этом. Встаёшь...

– Добро пожаловать!

– Извините... Мы просто так... поздороваться... смущённо оправдываются гости.

Но кто может отказаться от пиалы зелёного чая?.. С этого и начинаются нескончаемые дискуссии о литературе и жизни, о жизни и литературе... И порой, забыв, что рядом сидит семидесятипятилетний Берды-ага, юные гости запальчиво хлопаят его по плечу и с жаром восклицают:

– Не так ли?

Впрочем, с ними и сам забываешь, о том, что тебе уже давно за семьдесят.

Б. Кербабаев и А. Твардовский среди якутских писателей на открытии декады якутской литературы

Н. Тихонов и Б. Кербабаев

Да, хлопотно с молодёжью. И всё же радости с лихвой окупают всё прочее, когда знакомишься с новым талантом <...>».

Кербабаев очень любил свой дом с прекрасным фруктовым садом в центре Ашхабада.

Неслучайно часто повторял: «Жизнь – как дом; фундамент её надо закладывать глубоко и прочно!».

Берды Мурадович Кербабаев умер в Ашхабаде в июне 1974 года.

До последних дней своей жизни он активно занимался как творческой, так и общественной деятельностью, в том числе с удовольствием встречался с читателями в учебных заведениях, библиотеках.

О читателях Берды Кербабаев с уважением говорил так: «Моя надежда – читатели книг. Хочется высказаться о них. Они меня больше радуют, чем, например, вниматели радио. Книгу почти всегда дочитают, даже библиотечную, не только свою. Книгу берегут и переплетают, передают из семьи в семью. Радио – на миг. Газета – на день. Книга – на всю жизнь. Книга – ключ. Он открыт и найден. Крепче держись!».

Он был жизнелюбом, патриотом Советского Союза, подчёркивая постоянно: «Отечественная забота государства о человеке даёт человеку орлиный взор и несокрушимую силу, и человек создаёт новые реки и моря, запускает в космос управляемые корабли...»

В постсоветские годы, несмотря на кардинальную переоценку тех идеалов, которые были дороги представителям старших поколений, независимым государствам, образовавшимся на территории бывшего Советского Союза, в целом удалось сохранить единое евразийское духовное, культурное пространство, продолжать, пусть и не с такой интенсивностью, как в советское время, диалог национальных литератур и искусства.

В этом диалоге активно участвуют и Россия, и Туркменистан. Так, в октябре 2012 года в Ашхабаде прошёл VII Форум творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ.

Выступая перед участниками этого форума, Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов подчеркнул: «<...> наши народы имеют за своими плечами богатейший опыт общения, толерантности, дружелюбия и взаимовыручки. Я уже не говорю об этически-нравственных корнях, из которых питалась родственная культура среднеазиатских народов. Всё это необходимо приспособить к новой эпохе, развить и усовершенствовать, исходя из задач усложнившегося мира, в целях достижения общественного согласия. За каждым из наших народов – уникальные достижения на ниве культуры, которые они положили на общечеловеческий алтарь духовности. На бессмертных скрижалях истории высечены имена национальных гениев, ставшими ими потому, что в своём творчестве были обращены к человеческой душе. Пушкин и Махтумкули, Азади и Низами, Рудаки и Навои, Джамбул и Тарас Шевченко, Саят-Нова и Янка Купала, Берды Кербабаяев и Чингиз Айтматов, Ион Друцэ и Геворк Эмин, Хыдыр Деряев и Василь Быков... Этот список можно продолжать и продолжать, потому что наряду с великими мастерами слова культуру ковали выдающиеся музыканты, художники, исполнители, деятели кино и театра. Хочу только заметить, что не состоятельны любые попытки умалить национальную память по идеологическому признаку. Во все эпохи творцов чтят и помнят по силе таланта, пробуждающего в душах людей божественный свет любви и истины <...>».

В центре Ашхабада, между двумя центральными проспектами столицы – Гёроглы и Махтумкули, создан художественно-парковый комплекс «Аллея вдохновения».

Вдоль дорожек размещены скульптурные композиции, изображающие выдающихся туркменских поэтов, мыслителей, учёных древности и современности.

Среди них представлены и бюсты писателей советской эпохи – Берды Кербабаяев, Амана Кекилова, Беки Сейтакова, Кара Сейтлиева, Керима Курбаннепесова, Ата Коушутова, Нурмурада Сарыханова, Курбанназара Эзизова...

Важный знак нового национального возрождения в Туркменистане, неотъемлемой составляющей которого является неуклонное следование исторической правде, преемственности культурных традиций, – переиздание литературного наследия признанных мастеров художественного слова, составляющих гордость и славу не только туркменской, но и мировой культуры.

Среди новых изданий, увидевших свет в Туркменистане в последние годы, и произведения Берды Кербабаяева – «Джоннук батыр», «Мыралы», «Джапбаки»...

Спустя годы любимые и всегда юные персонажи туркменских народных преданий – неунывающие братья Джапбаки, воспетые Кербабаяевым и в ставшем популярном фильме по его повести, появились на сцене Туркменского государственного театра кукол (январь 2012).

Один из ашхабадских критиков Тамара Глазунова в рецензии на спектакль пишет: «<...> перед постановщиками спектакля стояла весьма непростая задача. Ведь за десятилетия мы привыкли именно к “киношному” образу этих легендарных персонажей. Но творческий коллектив кукольного театра достойно справился с ней, решившись на эксперимент и уйдя от привычных кукол и ширмы. На этот раз на сцене актёры театра работали “в живом плане”. Маленькие зрители, затая дыхание, следили за развитием действия, хотя многим эта история хорошо знакома. Предаваясь с детской непосредственностью власти спектакля, малыши от всего сердца переживали за четырёх братьев, радуясь их остроумию и находчивости и умению достойно выйти из любого положения. Так что нестареющая добрая, мудрая сказка продолжает дарить массу эмоций и веселья».

Сегодня книги Кербабаяева, изданные в советское время, можно купить в Интернете. На них немало запросов. Приобретают, читают. Берды Мурадович, его произведения – с нами и в будущем...

Фото из архива Зинаиды Александровны Кербабаяевой

ПОЭЗИЯ

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

Елена Петровна Ткачевская – родилась 3 декабря 1958 г. Доцент кафедры Химии и технологии биологически активных соединений Московского государственного университета тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова, кандидат химических наук. Написание научных трудов сочетает с трудами литературными (чаще – поэтическими, иногда – прозаическими). С 2010 г. – участник ЛИТО ЦДУ РАН. Первая публикация стихотворений состоялась в коллективном сборнике ЛИТО ЦДУ РАН под редакцией Л.И. Колодяжной «Мы рождены для вдохновения» (2011).

Живёт в Москве.

Состарилось лето...

Запутались звёзды в берёзовой гриве,
Искрятся, лучатся, мерцают игриво.
Луна, поскользнувшись, скатилась с обрыва
И в речке купается. Очень красиво.
Состарилось лето. В холодной ночи
Какая-то птица об этом кричит.

Замаячили дни осенние
чёрным списком.
Заблестела Луна рассеянно
медным диском.
От беспечности и спокойствия
лодка летняя
Отплывает, веслом поскрипывая,
ставить сетки.

Погода здесь то друг, то враг,
Стоят избёнки беспризорно.
Здесь нет породистых собак,
Дорог надёжных в межсезонье.
Наличники вокруг окон
Расположились по привычке,
От тишины как будто звон,
Не слышно дальней электрички.
Гул лёгкий вислых проводов
Течение времени замедлил.
Здесь для души покой и кров
Без обжигающих отметин.

Такой избыток тишины
Лишь вскрики птиц едва слышны
Слегка песком шуршит волна
И у большого валуна
Под лёгкий шелест ветерка стою одна
Одна пока
Лишь вскрики птиц едва слышны
Такой избыток тишины

Джаз натекает на набережную как джем на гренку.
Ночное купание – и, как в детстве, сбита коленка
О гальку серую или о фиолетовую морскую звезду.
Море огней и волны морские слиты в стихию одну.

Приморский город по-осеннему окутан дымкой и тоской,
Уткнулся океанский лайнер в край набережной городской.
Встреча не повторится – такое бывает, что ж...
На мимолётность влюблённости город похож.

Г. Колобовой

Нам помогают облака
Стихию воздуха заметить.
Их траектория легка,
Когда силён и резок ветер,
Летят стремглав, ему подвластны,
Не чуя под собой земли,
Для пешеходов не опасны.
Остановись, смотри, замри!
Стихийная заморозённость,
Изменчивость и простота,
И правит бал незавершённости,
И осень – с чистого листа.

По миру путешествуя, пишу,
Пушкиногорьем медленно брожу,
Ищу пристанище Учёного Кота.
Понадобился Кот мне неспроста.
Покой и волю я не нахожу,
Коту об этом сказку расскажу,
Уеду. И останется с Котом
Воспоминанье обо мне, потом
Кот о беседах наших сказку сложит
И сказку эту Пушкину доложит!

Хотелось к тебе на чаёк напроситься
И в жизни хотелось твоей раствориться,
Но, эти желанья поглубже запрятав,
За друга считаю тебя и за брата,
Звоню очень редко, но чаще чем ты...
Речною волною смывает мечты
О странствиях дальних в безбрежных пространствах,
Где есть равновесие и постоянство.

«Твой самолётик превратится в точку...»
Л. Колодяжная

Что ни мгновение, то другой
Цвет неба кружит над тобой,
А облака как твердь земная
Рельеф мудрёный выстилают.
Ступить на них и побежать –
Велик соблазн. Но избежать
Его легко, смотри и слушай –
Тихи и невесомы души
На этой высоте огромной,
А я как точка у дома
Смотрю на этот твой полёт.
И точкой стал твой самолёт.

А где же ночь? Да что ж такое?..
Уж полночь, а в своё окно я
Всё небо вижу голубое.
И мы бессонные с тобою.
А горизонт с полоской жёлтой
Темнеть не хочет, сбит от с толку:
Закат с зарёй не разминулись,
Друг другу нежно улыбнулись,
Ещё решили пообщаться,
Чтоб в темноту не возвращаться.

Я тишину как драгоценность ощущаю,
Безделье летнее себе вполне прощаю,
Пишу не много, но зато легко.
И мыслями витаю высоко,
Смотрю на облака, на отраженья –
Какой простор, какой простор воображенью!
Берёзы крона – соловья приют.
И крики чаек в странствия зовут.
А тишины они не нарушают
И лишь иным оттенком наделяют..

КНЯЖИЙ ВОИН

*Аще сказать ли те, старец, повесть?
Блазновато, кажется, да было так.*

Житие протопопа Аввакума

Нынче здесь редко кого можно увидеть. Только дядя Вася не забывает это святое для него место своим присутствием. Он тоже теперь нечастый посетитель, но более памятный из всех приходящих сюда. Хотя можно ли назвать привлекательным для паломничества кусок заброшенной земли, где между двумя тысячетлетними дубами врос позеленевший от пробившегося по нему мха, то ли просто камень, а, может, останок какой-то вежи, отметины, оставленной людьми, жившими в этих краях.

Скорее всего, это был памятник, его поверхности касались руки каменотёса, но когда это было, так никто и не распознал. Хотели узнать, нашли на тёсаном лице камня буквенные знаки, больше похожие на руны, чем на славянское письмо, даже прочли о каком-то великом князе, то ли побывавшем в этих местах, а может, почившим под этим древним надгробием.

Время ушло, любознательные к своему прошлому люди канули в небытие, а красных комиссаров, захвативших власть, не интересовала история этой страны по причине своего чужеродства ей, они были увлечены построением светлого будущего для своего народа. Но ближняя к камню деревня звалась – Князево. Отчего такое произошло? Чего не дают на Руси просто так – это названия. Дают его один раз и надолго. Навсегда. Потом переименовывают, но имя возвращается из своего времени через год, через век.

Живуча Русь. Один камень такой, замшелый, на её земле останется памятной, и от него снова начнётся Волга, Москва – Родина. Русь – она от Господа людям дадена, и потому конца ей не будет. Живуч и дядя Вася, он от родного простора – русский. Он тоже, без всякой посторонней помощи, уже начал вращать в свою землю, как тот Князев камень, боясь, видно, что похоронит его вскоре будет некому. Стоя перед древностью, он становился похож на неё – на вековые дубы, на землю под ногами, в своём неизменном, затёртом армяке и стоптанных, до вида опорок, сапогах.

Жил он в сторожке на деревенском кладбище, вроде при деле, хотя ни о какой службе речь не шла – кормился от добрых людей, да и только. Кладбище давно

Николай ЗАЙЦЕВ

Николай Петрович Зайцев – родился 3 декабря 1950 г. в г. Талгаре, Алматинской области Казахстана. Окончил среднюю школу №1 г. Талгара. Работал в топографической экспедиции, закрыщиком, радиомехаником. Мастер по изготовлению очковой оптики. В талгарской газете «Звезда Алатау» начинал публиковать стихи, рассказы, статьи. Печатался в республиканских журналах «Простор», «Нива», альманахе «Литературная Алма-Ата», московском «Наш современник». В 1993 г. выпустил поэтический сборник «Талгар», в 2004 г. вышла книга повестей и рассказов «Через Прочее», в 2005г. – сборник избранных стихов «Вершины Талгара», в 2007 г. стихотворный сборник «Грешен...», в 2008 г. книга прозы «Цветы для Мари».

Живёт в Талгаре.

заросло вековой дубравой, кустами сирени, похороны здесь случались нечасто – люди в деревне стали совсем редки. Народ родился, но куда-то потом исчезал, растворялся в городах, а если кто и заглядывал в родные места, то умирать здесь не собирался, не задерживался долго, уезжал восвояси, а чаще никто ни слухом, ни духом о своём дальнем житье-бытье не заявлял. Кое-кто из заблудших на чужбине по прибытию на свою малую Родину приходил к Князеву камню, отвешивал поклон своему и общему прошлому, выпивал с дядей Васей кружку горького вина, поминая при этом князя невиданного, родных своих, свою понятную былую жизнь. Потом обретший память земляк шёл к могилам своих родителей, родичей. Здесь без помощи сторожа никто не мог обойтись: нелегко холмики, поросшие травой, в лесу отыскать, пусть и родные они. Но дядя Вася знал места упокоения каждого односельчанина, мог рассказать о его жизни и смерти, служил проводником в прошлое своей деревни.

Мог поведать историю Князева камня и сказать слово о самом князе. Этих сказов со временем становилось всё больше, сочинял их сам дядя Вася, но никто его в этих фантазиях не упрекал: прошлое минуло, и мало кого тревожили выдумки о нём. Легенда, рассказываемая дядей Васей, становилась всё витиеватей и длинней, а слушателей всё меньше и меньше. Время поощряло сказительный талант кладбищенского сторожа, увеличиваясь непомерно между посещениями любопытных и совсем неинтересных гостей и редких, ещё не обделённых памятью земляков.

Сказ начинался в лучших традициях русской былины: «Когда-то давно жил в этих краях достославный князь. И был он разумом светел и телом могуч...» Окончание же повествования зависело от внимания слушателя. Если он был не охоч до рассказов и баек, то у середины своей повесть начинала комкаться, укорачиваться (чего зря красноречие изводить, дураку что просо, что брильянт – всё едино) и заканчивалась в двух словах: «И почил князь от дел своих под этим камнем». Но находился настоящий слушатель, и сказ расцветал неслыханными при жизни князя и после неё историями его подвигов и других благих дел. Когда кто-нибудь из особо памятных гостей начинал перечить словам рассказа (мол, в прошлый раз было другое), дядя Вася и вовсе прерывался на половине своего повествования и начинал сердито курить самосад, всем своим видом давая понять, что право на повесть принадлежит рассказчику, и как должен жить великий князь, ему – потомку его, лучше знать. А причина к тому была – в деревне, да и вокруг по земле, его звали не иначе, как потомком князя. Так нарекли, а попросту в деревне до такого звания никого не возвысят. Имя человежье, что при крещении дают, то для Господа, к престолу звать после земного гостевания, а прозвище для людей, пока среди них во грехе живёшь – вроде ты, а может, и нет. Бог даст, не заметят твоих пакостей, творимых при жизни, но надежды на такое прощение мало, Отец Небесный всё и всех видит, тем более потомков князей. Любое человеческое звание обязывает достойно на земле жить, а княжеское особенно.

Невзрачный собою, по правде говоря, достался поселянам потомок княжеский, но и деревня или то, что от неё осталось, была под стать. Домов тридцать скосбоченных осталось стоять по улицам, из них большая половина заколочены, покинуты. «Куда народ подевался? – дивился остатний потомок могучего владетельного князя, покуривая самосад. – Чего людям надо? Такое раздолье кругом, живи – не хочю. И не хотят. В каморке вонючей в городе уютятся, а в деревне дом-пятистенок в тоске одиночества валится на бок. Последний заморыш городской приедет, отъестся на молоке да на масле настоящем, а сам свысока поглядывает на кормящих его: лапти вы, мол, недоплетённые. Вон, Митька Бывалых, возьми, парень как парень – пахал, сеял – человеком был. Урыл в город, грузчиком работает, будто подменили его там. Мысли у него безродные стали, неприкаянные, обрывки от прошлого. От стакана до рюмки живёт. Теряется народ в городе, ветшает. Чужим становится, и в первую голову – себе».

«Однажды», – так начинается множество повествований, сложенных людьми, живущими на земле. Рассказов хороших и не очень, хотя суждения, как и осуждения, всегда относительны, как и все человеческие слова. Однажды, единожды, именно так определяется срок жизни человека на земле. Об этом мгновении и хочется поведать современникам, а удастся, и потомкам. Однажды, так начинается всякая жизнь и единожды проходит. Из этих мгновений и сложена Вечность. Она и сложена для того,

чтобы однажды продолжиться ещё одним повествованием, а потом остаться в нашей памяти этим росчерком пера. Не каждому дано вылиться радостным сказанием своей пробегающей жизни или уже почти минувшей. Не каждый умеет заметить время своего рождения и промежутки того же времени движения к смерти. Чаще замечают чужую, чем-то выдающуюся жизнь, забывая о своём единственном присутствии в мире, столь же нужном, как и рождение кумира, в котором растворилось время твоей жизни. И часто совершенно бесследно. Но одна напевная сага может прожить на устах потомков тысячи лет, чтобы оформиться в великолепие исторических событий, хотя через тысячу лет очень сложно судить о действительности событий, переданных красноречивостью человеческого языка. Но если сказание живо, прошедши через века, значит, оно имеет право жить и не нам судить о том. И слава Творцу, что живы народы в своих преданиях, потому что однажды кто-то сказал слово о своей жизни или описал чужую, более яркую, не заметив в этом свете своей. Пусть будет славен и тот, и другой, как и всякий отважившийся сказать слово. И дядя Вася в их числе славен, невзирая на незаметность своего присутствия во времени. Пусть единожды, мельком, но он велик, остановив время княжеского жития, разбросав этот сказ по умам слушателей, городам и весям родной земли. Вспомнить – значит узнать себя в прошедшем, может быть, в том князе, который будет жив до той поры пока, однажды, не народится другой достославный князь и не объединит прошлое с настоящим.

О новой жизни и людях в ней, пробивающих себе дорогу куда-то, а то и просто живущих как кроты, боясь света разумного, абы день до вечера провести, а ночь скроет и грехи и святость – расскажут много и многие. Разным земным событиям и человеческим деяниям, произошедшим на его веку, был свидетелем княжеский потомок. Немного людей на его глазах выросло из своего детства, очень мало из юности, и уж совсем редкостны стали человеки, что выходят из разумения молодости и становятся взрослыми. По обличью они добродетельные старцы, а присмотришься пристальнее – балбесы малолетние. Прожил долго, а спросить нечего, он про своё прошлое толком не помнит, а уж о корнях и памяти вековой и говорить нечего. Своих кумиров в телевизоре разглядывает и их радостью богомерзкой живёт. Радость должна быть тихой, покойной и светлой в Любви, Христом завещанной, а не лахудрой с голыми сиськами, что ими по экрану во все стороны размахивает, не для того же это дано, а детей вскармливать. В такой груди и молоко горькое, отравленное чужими взглядами завистливыми, оттого и дети маются у таких матерей – то разумом, то телесным недугом. Коли в голове недород, то и всюду одни сорняки. И полоть их уже некому.

Спросите, отчего дядя Вася сказителем стал? Такое не вдруг случается и не со всеми. Давно жил в деревне паренёк Василий. Неказист уродился внешним видом, но вырос удал и дерзок и в работе неумный. Рано остался без родителей, воспитывался у бабки своей и был очень самостоятелен в желании жить. Рано начал работать, поставил хороший дом и к двадцати годам решил жениться. Девку выбрал самую рослую и красивую – никак ему не в пару. Но упорен Вася и в любви оказался, добился-таки согласия красавицы; чем уж он её, голубушку, полонил (на полголовы ростом ниже невесты), одному Богу известно, но стали готовиться к свадьбе.

Вася тогда ещё не назывался потомком князя, но праздник готовил по-царски. С тройками, лентами, музыкой, скачками. На лошадях, расфранчённых яркою мишурой, двинулись в районный загс, а после, уже в качестве законных мужа и жены, с радостью этой вселенской, помчались на рысях в деревню, где народ ждал, томился у накрытых свадебных столов. Зима только началась, снег не шибко лёг. Мчали резво, с удалым куражом, молодым задором. Уже перед самой деревней шаркнули сани полозьями о голую землю, пошли боком, невеста вылетела и расшиблась о придорожную корягу.

Два года потом лежала недвижимая, без памяти и без слов. Так и померла невестой, а Васю оставила навсегда женихом. После похорон её заметно стало, что угас в неславившемся муже огонь желания жить. Нет, он оставался на земле, но уже как-то больше по привычке, без радости. Погоревала вместе с внуком и отправилась на Божий суд бабушка, и остался Вася один среди людей. Помыкался ещё пару лет на колхозных работах, потом выпросился кладбищенским сторожем служить, рядом хотел с любимой

быть, а тут, в аккурат, преставился старик, охранявший погост деревенский, и место стало вакантным. Но старик стариком, а вот как молодого на кладбище списать, тут надобно разрешение от власти. Но отпустили, чего парня в неволе держать, коли у него всё из рук валится. Там, на кладбище, и работа не видна, по старости подходит, а молодой гражданин должен государству пользу приносить. А какая польза от усопших, вечная им память. Оформили пастухом, грех на душу забрали, но то мирской обман, не тяжкий. Ну, как назвать кладбищенскую службу, когда кругом безбожники? Чего, мол, их охранять, души нет, Бога нет, а кости никому не нужны. А подумать хорошо, так Вася навряде апостола Петра у ворот погоста – встречает усопшего и покой его хранит. Но нет таких должностей в советских работах. Не нашлось, будто народ в безверии бессмертия телесное обрёл. И стал Вася пастухом по ведомости бухгалтерской и пастырем у могил упокоившихся навечно. Где ограду поправить, где цветы полить, да мало ли заботы в местах упокоения, души умерших тоже радуются, когда о них волнуются и не забывают поминанием, приходом на место последнего их пребывания земного. Но только поначалу приплачивали в колхозе жалованье, а потом забыли. Сторож есть у кладбища деревенского, а у колхоза без него забот хватает, и денег нет всегда. И стал Вася вольным художником – сказителем, сам себе своё пропитание выговаривал.

Много ли человеку надобно? Доброе слово да хлеба кусок. Всяк по-своему живёт, у кого кроме ломаться от добра, другой и похлёбке рад, а кто из них счастливее, поди, дознайся. О своём счастье Вася ни с кем не заговаривал и ни на что не жаловался, ему хватало и светлого дня и тёмной ночи, и люди к нему шли, своих проведовали и его не обижали. Так и стал Вася покой усопших своих земляков охранять, не найдя своей душе отдохновения. Позднее отыскалась княжеская могила, и началась легенда, и никто уже не мог вспомнить, жила эта сказка раньше или появилась с началом Васиного отшельничества на кладбище. Да никто об этом и не думал, слушали и всё тут. Сперва сомневались, после привыкли, изменить прошедшее пытаются только дураки, а такие на огонёк к сторожу не заходили. К такому событию готовились долго, в одиночку, копили обиды, грехи, а уж потом шли высказаться и послушать. Послушать и сказать. Часто случалось, что приходил человек поговорить о своём наболевшем, томившем мысли, но, послушав, о чём идёт разговор между другими людьми, и в этом случайном собрании слов узнавал себя и о себе и уходил, не сказав ничего – всё поняв и тем успокоив боль своих невзгод. На кладбище лучше понимается мелкость своих несчастий. За кладбищенскими воротами и звуки другие. Понятней. Смысл слова огромен, когда вокруг не суетятся, а слушают и понимают. Когда Вечность впечатана в землю крестами. Вехами бессмертия. Ушёл один – пришёл другой. Пока помянуть, осмыслить, а потом и совсем. Но придёт следующий живой и помянёт, скажет доброе слово об усопшем и откусит кусочек хлеба, свою часть от Вечности. Причастится к ней.

Так легенда вросла в родную землю и стала душевной нуждой, за которой идут люди к дяде Васе узнать, какую ещё великую доблесть обрёл в себе их земляк – князь. Тем и жива легенда, что всегда нова на свежих устах. Выдумка – не обман, это заслуга рассказчика, свет его разума, льющийся в души слушателей, окрыляющий верой, что всё было именно так и дальше будет ещё лучше и красивее. Даже на кладбище. Умер, но жил, чтобы стало лучше. Только поэтому стоит жить. Жить рабом, но верить, что жива воля, за которую бьётся и борется князь и надо помочь ему своими делами, чтобы обрести эту даль и ширь своей земли. Она, эта вера, и есть – свобода. Мысли о свободе – крамола души. Свобода от чего? Это когда беды нет. Но чаще свободу в беде находят. В разбое. Сказы сказывают о благородных служителях ножа и топора, о вольных, лихих людях. Говорят с завистью и томлением духа, забывая, что пред Господом никто не волен. Волен только Господь. В крови и злобе свободы не бывает. Потому и неясно, где жертва, где палач. И судить никто не волен. Земные судьи на службе у власти кормятся. А Господь сам судит, и присяжные его суда тоже не на земле живут. Не купишь. Земной суд это так, для потехи тщеславия, всё настоящее людей после кончины ожидает. И казни лютые, и награды высокие. На кладбище идут, кто наград не ищет, а душу растерянную объединить желает. Пока сам у дяди Васи чаёк попиваешь да беседуешь, душа твоя с душами родных и земляков встречается, узнаёт

многое, лечится от суеты, злости в той суете. Красивей становится, добрее. Но ты об этом не знаешь и, только выйдя на дорогу, ведущую в село, ощутишь в себе покой и веру, возносящую твою душу к Господним высям. И князь светлым облаком оживает в тебе, и верится, что славные дела его умножать – долг твой.

Уважали мужики дядю Васю. За слово доброе, за всегдашнее ожидание, полуденное и полуночное, несчастий человеческих, что приносят ему из-за забора кладбищенского и хоронят с его помощью в тишине вековых дубрав, выросших здесь с самого начала белого света. А пуще всего возвышала Васю в нехлипких мужских душах его нерастроченная любовь, схороненная за оградой кладбища у могилы любимой. Величают люди глубокие чувства, что через землю прорастают не пылкостью юной, а через страдания, Господней любовью ко всему живущему на Земле. Со всеми людьми Вася ровен был в отношениях. Провожал на могилку родственников, ежели таковая имелась, или просто привечал в своей избушке. И никто не уходил от него, не излив в беседе душу свою и не выслушав легенду. Один дотошный газетчик, приехавший с какой-то оказией собирать деревенский фольклор, измучил дядю Васю вопросами. Сначала слушал, потом записывал, а вопросы стал задавать, когда понял, что записать легенду невозможно, у неё нет окончательного варианта. А на все выдумки рассказчика бумаги не хватает.

– А был ли князь? – спросил писатель после нескольких прослушиваний. – Что-то описание его подвигов у вас каждый день разнится с другим, последующим.

– Так и дни не все погожие: и хмурые есть, ненастные, – отвечали ему.

– Легенда-то из веков, при чём тут нынешние дни? – не отступался приезжий.

– А теперешнее время откуда? Не из веков ли? Мы не от Ленина, слава Богу, родились, а от Отца Небесного. День ко дню – и Вечность образуется. А у Вечности много чего есть. И князя там жили и живут, – твердил своё Вася.

– Он что у вас князь, – не один? Так бы и говорили, – отбыл восвояси собиратель древних сказаний.

Множество имён придумали России заумные её жители и совсем безумные бродяги заморские. Тут тебе и варварская страна, и тройка-Русь, и умом её не понять. А кто просит её понимать тем развращённым умом европейского безбожника, нашу бескрайнюю Русь. Для того чтобы Россию понять, ум бескрайний нужно иметь, безграничный. Россия – это мужик, одетый в просторную рубаху, он красивый, светлый лицом, в льняном уборе волнистых волос, с доверчивым, но смелым взглядом, готовый пахать и защищать родную землю. Россия – это женщина, удивительная Василиса Прекрасная (именно так с большой буквы), с вечным ожиданием и любовью в своих чистых, как родниковая вода, глазах. Вот она, Русь и все её дворцы, и Кремли, и даже мавзолей дьявола, от мужика, от его труда, от взгляда его доверчивого, веры бесконечной, непоколебимой, что воздаст Господь всем по заслугам; и ожидание в глазах женских всё от той же веры истовой в начало и продолжение Русской земли. Кто-то придумывает этой земле названия, этому народу имена, а народ просто живёт и ждёт пришествия Господа, чей Святой Дух хранит его землю. А ещё пропитана земля Русская совестью человеческой на все времена: и добрые и лютые, и с первыми шагами по родной земле наполняет она русскую душу до краёв боязнь обидеть кого-либо нена роком, оскорбить нелюбовью, встретить неприветливо. Совесть в русскую душу мукой великой вросла. Никому её потеря так дорого не обходится. Человек без совести – вроде языческого божка становится: напасти и страхи насылает на ближних своих, без милосердия душа его обитает. Ему и себя не жалко. Бога нет – совести то есть, значит, и жизнь моя, а не данная кем-то для благих дел, хочу и себя погублю на утеху своему язычеству. Но противные такие мысли русской душе. Эту совестливую широту души русского человека марали и гадили все недруги и други переменчивые, но отмывалась она после кровавых побоищ и снова, с ожиданием любви, глядела в глаза врагов своих и верила – поймут, должны понять. Понимали, но ненадолго, и вновь хаяли и виноватили кормилицу свою, боясь размаха её силы и желая её гибели. А почему так случается? Тысячу лет растила, множила и хранила Русь свою совестливую православную веру, жила в ней, и была ей. А Европа изменила Христовым заповедям и расплодила у себя ересь, хитрость и лукавство. В том и суть нашего различия. Но должно бы

им всем знать: если проснётся в русском мужике зверь и утихнет совесть – весь мир дыбом встанет и не будет пощады никому из нынешних и будущих клеветников. Любите – покуда добры к вам, идите в открытые объятия – покуда зов ласковый слышен.

И мысли такие у Василия прозревали от самой земли родной, от камня княжеского, до Небес тянулись, к Господу. А пути Господни дивны, вечны и мудры. Так и слова добрые, неожиданно пришедшие, не тяготят, но радуют. Поначалу дивился Василий таким думам, будто бы и не своим, боялся, больно широко захватывало, но после решил – коли, дано, стало быть, так Богу угодно.

Не каждому дано прорваться в память своего Отечества и сотворить о том легенду, суметь рассказать её, связать, объединить время, пусть здесь, в ветхой избёнке кладбищенского сторожа; что ж, не всё доброе во дворцах живёт, чаще наоборот. Вася дворцов, выше сельсовета, не видал, а так высокие терема да подворье княжеское словами раскрашивал – заслушаешься. Распрямялась его неказистая стать, занимались огнём на морщинками повитом лице глаза, и вот уже он сам горячит плетью застоявшегося коня, правит с княжьего двора со дружиною удалой, и лётся, лётся сказ о том походе славном, о воинской доблести и ещё многом, многом забытом, растерянном в суете смешной человеческой жизни. Умели раньше сочинять истории и саму Историю блюсти. Говорить умели, слова знали верные. Ныне забыли многое, растеряли в войнах кровавых, а пуще того в революциях смрадных, коммунизмах разных, обману научились, ереси, лжи красивой. От этого всего и идут люди к рассказчику честному, дивные слова знающему, там и вспоминают своё родство с добрым словом, с песней славной. К дяде Васе идут на кладбище, там всё прошлое, древностью пахнет, словом мудрым тишина – до поры она тишина, грянет громом, раскатится, молнией засверкает прямо в души и осветит былое, освятит родное, и придёт Любовь в сердце; и пойдёт человек своей дорогой, оставив недобрые помыслы, похоронив печаль и заботы средь вековых деревьев, уже не боясь безродности своей, восстановив в услышанной легенде связь времени с живущими на Земле людьми.

Не каждому хочется взглянуть в глаза истине, вернее, никому не хочется этого делать – страшна правда, даже взгляд в её сторону пугает; там все мерзости, нами содеянные, собраны, бежать захочется, а может, задуматься и пойти за своим взглядом в истинную сторону, тяжёлый будет путь, но славен. Слава земная к праведникам не охоча, но люди её всегда помнят. Да что слава, её кругом много, кумиры, что вши плодятся на капищах порушенной истины. Много мелькает лиц, звучит слов, но помнится только настоящее. Если вымрет память о праведниках – кончится жизнь на земле, как Содом и Гоморра, как башня Вавилонская, ведь не Господа люди узреть хотели, на небеса поднявшись, себя показать, мерзость свою возвысить, в гордыне своей с Небесами сравниться. Известно, что потом произошло, и так будет всегда. Только разрастается клоака нечистая, ширится, или Божьего гнева уже не хватает, или число праведников совсем умалилось; а, кажется, больше извратилось понимание истины, лжепророки по всем углам множатся, сулят славу, богатство, а то и ести муки адовы, мерзость пред Господом, и смерть, смерть, смерть души нашей. Но души от чистоты нашей памяти возродятся. Уходят с кладбища люди, из малой избушки-сторожки, напивавшись слов добрых, душою светлея от шага к шагу, и несут этот свет в мир, где множатся испытания и не почитаема истина. Не дойдут эти, придут другие, твёрдые духом. Жив дядя Вася, жива легенда о славном князе, о подвигах его во славу народа, многие придут, и светлым станет их путь обратный, освещённый светом той истины, которой боятся, но идут за ней и приходят.

Вася не только рассказывал о князе, его подвигах, но и видел его в своих беспокойных и всегда коротких снах; не тех лёгких видениях, что приходят от желаний, не исполненных днём, а пытливых продолжений самой легенды, где являлись новые сюжеты и лица, происходили сражения, все события развивались согласно сценарию неведомого режиссера, отрывки неких кадров, должных объединиться в одну картину, но многое смазывалось, рассеивалось в утреннем свете, и оставалось в памяти только то, что и дополняло легендарные образы и благие дела. Жил Вася двойной жизнью: ночью ходил в походы, был дружинником, защитником Отечества, днём бродил среди могил, обихаживал кладбище, встречал памятливых гостей, просто странников, бродяг;

некоторые жили у него в избе днями, а то и дольше, месяцами, и зачем они тут были, и куда потом девались, никто не знал, в голову никому не приходило расспрашивать о том. Людишки заходили незаметные, молчуны, но Вася их зачем-то привечал, прикармливал и отпускал с Богом на все четыре стороны.

Много по свету людей бродяжит, кто от чего ушёл, всего не познаешь, но больше от неясности бредут, хотят до истины добраться, не зная, что она недвижна и неизменна, чем дальше идёшь, тем дальше от неё и отходишь. Потом причалит бедолага к какому-нибудь берегу и начнёт понимать себя, и снова уйдёт, теперь уже от себя, от горести своего узнавания. Так и ходят от одной печали к другой, но для чего-то они, эти побродяжки, тоже есть, должны быть, из века в век идут, скорби собирают и уносят с собою, потому и принимает народ странников с душой и открывает им тайну горькую свою, и уходит скорбь вместе с каликами перехожими. Им что? У них ничего в этом свете нет, потому и печали нет, вот и выслушивают других, чтобы понять, зачем живёт человек, в богатстве лишь тоска, но всяк о нём радеет. Заберут кручинушку, они новую копят.

У Васи всё по-другому: здесь люди помолчать собираются, послушать, на кладбище только дураки кричат, но те редко сюда заходят, что не дурак, то умереть боится, думает, подалее от погоста буду, дольше проживу, а зачем – не задумывается. Вася многое о том думал, рассказать было мало кому, да и зачем, он легенду знал и сказывал её, туда и свои мысли укладывал, как получалось, но, видно, неплохо говорил, надо уметь складывать слова, чтобы тебя слушали, читали, для того должно отыскаться какое-то начало: высокое, божественное, а может быть, и дьявольское. Кому что милее, оттого и слушают люди, а которые прочь идут, в головах скудость имеют, а гордыни много, чтобы глупость свою признать. Глупость – она от лени, от нежелания слушать. Есть хлеб – покушают, нет – поплачут, а от чего так происходит, думать не хочется – трудное это дело. Леня наперёд людей родилась.

Слушателей у дяди Васи хватало, живые сами приходили и уходили, почившие прибывали на телеге и на автомобиле и оставались навсегда, они всегда вернее – не обманут, не польстят, только смотрят с укором с фотографий памятных, много у них вопросов к оставшимся на земле, но до времени, до встречи молчат, а укор их в обретенной ясности того смысла, что на земле никогда почитаемым не станет. Сам Вася давно умер, он жил только на кладбище и больше нигде, а, значит, был покойникам роднее, нежели живым. Весь род человеческий от рождения – потенциальные покойники, но жить при жизни на том свете не всякий отважится, как и о былом говорить не каждому дано. Все пытаются в будущее заглянуть, а там ничего – кладбище, родня зарёванная, если есть, конечно, и ты одет, как в праздник, от радости, что всё закончилось удачно, можно ведь жить остаться надолго, так долго, что взвоешь от этой бесконечности своих мытарств и дури в них. В прошлое никому оглядываться не хочется, там такие мерзости наворожены, по пояс, по грудь, а у кого и под горло жмёт, никому не хочется себя в дерьме помнить, а в будущем всё возможно, но покойником и в настоящем, и в дальнейшем быть вернее. Все того ждут и боятся, а ты вот уже тот, кем все ещё только будут. Не мечтают, конечно, но непременно станут, и потому оглянуться только тому дано, кто раньше всех понял, что в будущем ничего нет и жить нужно сразу по-человечески, с малых лет. Потому дядя Вася никогда не изнывал мечтами, что вдруг кладбище превратится в райский сад и одарится он пышными плодами его. Спокойно относился и к живым, и к умершим, к князьям и рабам, в покойниках все перед ним равными проходили, и он им вровень был, жив – не жив, но память отеческую величал.

Говорят, что на погосте бесы обитают, вурдалаки, оборотни, про них люди шепотком сказывают, не зная и не ведая, да и не видев того. На кладбище тихо и покойно, мёртвые сраму не имут, и не потому, что не живут, а не приемлют его, Господа узрев. Бесы, они среди живых людей проживают, в кабаках за стойкой стоят, в карты зовут играть, на воровство смущают, при жизни в сатанинское воинство готовят, а похоронили – души усопших либо плачут, либо радуются и уже навсегда. Вася много лет живёт, никаких передвижений на своей территории не замечал, тишину слышал, а в ней благодать, а вот когда гроза, вроде как плач раздаётся рядом, а может, мерещится по старости лет, но нет, плач не может блазниться, чудится смех, то дьявол хохочет

над человеческими делами, а на кладбище все старания и страдания к тем мучениям закончены, смеяться не над кем и не над чем, всё умерло – всё, и сатане делать тут нечего. Мир да любовь царят на погосте. Мир среди усопших и любовь к ним помнящих о них.

Вася живёт долго и всё потому, что умирать ему не надо, он совсем коротко среди людей обитал и сейчас находится в том мире, где нет суеты, лишних слов и покойно, а то, что он ещё не под землёй, так ведь надо же кому-то за могилами усопших ухаживать, живым это делать некогда, они не помнят о смерти, и потому она к ним приходит неожиданно. Вася помнит о своей кончине, она уже состоялась и больше ему не страшна. Умирать надо уметь, не тащиться за ненужной жизнью, не ползти, желанная пора проходит быстро, а жить против желания не стоит. Желания мешают умереть, а если их нет, то и жить не надо, но и умирать, если что-то не закончено – нельзя. А не закончена легенда, в каждом сне видится ему её продолжение. Ему снится, значит, ему её и договаривать. Умирать недосуг, князь живёт в нём не обличьем, но словом. Вокруг земля родная, и о том каждый знать должен, и легенда – тому напоминание.

Князь повернул своего коня: «Всё, дальше чужая земля лежит. Отдохнём пару деньков и к родным вотчинам направимся». «Можно бы дальше пойти, город виден за рекой. Добычу возьмём», – раздался голос от дружины. «Или головы сложим. Воровство нам не по чину. Мы – защитники своей земли, а не разбойники. Вольна наша земля, и мы ею будем живы», – князь спешился и подал молодому дружиннику повод.

И Вася проснулся от этого сна. В деревне петух горланит, подниматься скоро. Рано Вася встаёт. Казалось бы, чего спешить, почивай себе до свету, покойники в двери стучать не станут, им ничего от тебя не надо. Вчера, правда, странник к нему приبلудился, чуть жив, каким его ветром принесло, как добрался, ничего не сказал, чаю выпил и дремать зачал. Уложил его Вася на постель в маленькой комнате и подумал, чего они ходят, куда хотят добраться, до чего – до счастья, до богатства, а, может, к себе идут всю жизнь? Надо же так потеряться, чтобы по всей земле себя искать. Нет, что-то другое этих людей по земле водит. Или корни оборвались, прорасти не могут, вот и носит их ветром туда и сюда. Расспросить бы надо, отчего ушёл или куда пойти хочет, что потерял и что находилось в долгом пути. Будет жалиться на судьбу, бродячую жизнь, но проживёт недолго и отправится дальше, куда, одному Господу ведомо. Богу многое известно, всякое почему – Его путь, определенный судьбой.

– Почему бродишь? – спрашивают.

– А ты чего дома сидишь? – вопрошает в ответ бродяга.

– Не знаю, – говорит домосед.

– И я не знаю, – вздыхает идущий. Дай ему дворец белокаменный – и от роскоши уйдёт. Бродягу о цели пути спрашивать, как птицу про высоту неба – её всегда недогадывает. Иного прохожего спросишь, где бывал, чего видел – он и не помнит ничего, а зачем ходил, бродил по свету, неизвестно. Другой из дому не выйдет, а всё, что ни спроси, и в тридевятом, и тридесятом царстве знает, что там творится. Прозрение человеку от Господа дано, и про князя тоже, иначе, откуда ему в Васиных снах оказаться.

Поле Куликово тоже из снов явилось – о свободе, единении сил, ту волю рождающих. Долго те сны народу снились и только потом освобождением явились от междоусобных распрей, от мелких мыслишек корыстных, из своего «я» к народному – «мы», выбором – пропасть в рабстве или силой стать. И князь славный нашёлся, и на поле привёл, и победу добыл. И град Китеж со дна поднялся, и вспомнили люди жизнь былую, волю вольную. Тот град Китеж и есть Русь упрятанная, потаённая до поры, до победы над рабством своим, ведь сказано: возродятся града и веси, не из пепла, нет, из памяти народной. И покуда разруха и гнев на земле, народ надеждой жив, что всплывут города и поразят своей красотой сердца, и воспрянет в них Любовь. Легенда красивая и смелая – путь к той Любви, и потому окончания ей нет, что тайна не имеет конца, как не имеет конца земля родная для тех, кто на ней живёт.

Вся разруха на Руси с никонианского раскола началась. Были, конечно, и до того меж русскими драчки, но чтобы веру делить, до такого только дьявол да Никон могли додуматься. Никон хотел своих врагов от веры православной отлучить, а получилось, что отделил Русь от России. И пошло, и поехало – разброд по стране, одни в леса,

другие в терема высокие, не достать. И стали православные люди друг друга аки зверя лютого травить, одному и тому же Господу молясь, но по разному персты складывая. Из этого русского раскола выросли в злобе своей и Разин, и Пугачёв, а потом на ослабевших от внутренней распри навалились иноземцы, каждый силился свой кусок от нашей беды урвать. Но русский народ тем и славен – своя драка, междоусобица до смерти, до разрухи, но чужой не суйся, сомкнутся перед супостатом, будто братья родные станут, нет прочней силы – из пучины вражды на защиту Отечества как один идут, и нет равных им в том бою. Но кончится время ратного подвига, отстроятся, обживутся и заново за старое принимаются, обиды начинают вспоминать, тут, глядь, какой-нибудь Емелька найдётся – пошёл бунт, разбой по родной стороне. Натешатся вдасталь, как заново родятся, и снова – за работу.

Тут вскоре комиссары чужеродные подоспели и молвят: трудно вам, ребята, в расколе жить, а бросьте вы вашу веру вовсе и без неё живите, вот вам по топору, добывайте себе свободу от всего – закона, царя, веры, Родины и радости. Разбойничайте безбожно и бездумно, а мы тут за вас решим, как вам дальше жить. Так и решали – кого в тюрьму, кого в гроб загнали, а кого и туда, где Макар телят не пас. Так бы и перебили русичей всех до единого, но тут немец на весь мир озлился. А воевать кому? В европах свои законы, кто сильнее, тому и лизнут задницу, а чтоб воевать, упаси Господи, для этого варвары-славяне на Востоке имеются. Туда немцев и направили, а сами все сдались без боя и стали ждать освобождения, под оккупацией проживая. Комиссары тоже в сторону (кто в Америку, кто в Сибирь), не наше, мол, дело, свою землю сами защищайте, а мы со стороны посмотрим, может, опять какую-нибудь выгоду вынем из вашей бойни. Слава Богу, князья славные нашлись, повели народ в бой и победили всех сразу: и комиссаров, и немцев, и безбожие своё. Сплотился народ, окреп, ожил – засияла русская земля куполами золотыми, вера в единую срастаться начала.

Но неймётся пророкам бездомным, ни флага, ни Родины долгое время не знающим, бродят эти паразиты по телу народному, пьют кровь, зудят, будят в людях мелкие, мерзкие мыслишки, им непокой, разбой вселенский – радость, они руки на этом пожаре греют да барыши считают. Потому и сеют разброд в народе, и снова по стране разбой и смута (манит народ воровская свобода), видно, скоро до войны дело дойдёт. Последней, самой страшной, после которой сгинет всякая нечисть со всей своей ересью в Тартар, и наступит мир да покой, и слово Божие станет услышано во всех началах и концах Земли. А пока зуб за зуб и око за око, и нет от той мести спасения на белом свете, не видна война эта тайная глазу, но губит всё на Земле, что ещё верно Господу. Глумятся лжепророки над верою, над победами нашими, устраивают революции и новые войны, обращают народы в рабов разврата и безбожия, и нет тому конца.

Вышел Вася во двор, а там всё так же: утро встаёт, туманом закутанные деревья дремлют до солнца, а земля в этой дымке утренней будто покачивается в неге дремотной, и такой кругом покой, что думать только о добром хочется. День всегда утром готовится: как светом ранним подумаешь, так тебе и день отзовётся. Пройтись бы надо, осмотреть хозяйство своё скорбное: где прибрать, почистить, деревья у ограды надо бы поредить, мешают друг дружке в рост пойти, а там, поди, и странник поднимется, для разговора время будет. Вслед за добрыми мыслями хорошо ранью утренней пройти, оглядеться в редком ещё свете, в котором прячется по углам, в низинах, ночная тьма, но уже не выстоять ей, скоро зальётся всё кругом теплом солнечным, зашевелится, зашебаршит соком жизненным природа, блеснут росой травы, стряхнут дрёма деревья, и откроется взгляду благодать и ширь родной земли.

Вдруг показалась Васе, блеснуло что-то в стороне, в зарослях сиреневых кустов, не росинка крупная, нет, не осколок стекла бутылочного (с чего им сверкать в тумане, солнца-то ещё нет), а нечто особенное, как озарением засветило в глаза, указало, куда подойти, и погасло. С трепетом и опаской, но не снедаемый любопытством, а как бы по зову родному, подвинулся он к месту свечения того. Продрался сквозь заросли, лет двадцать никем нехоженные, с той самой поры, как разросся первый куст, Васей посаженный для красоты весенней и запаха сиреневого. В самой чаще, глядь, а тут крестик натальный, серебряный, и на цепочке того же металла лежит. Поднял Вася святую

вещь, вылез из кустов, а тут по небу будто что-то зашумело. Поднял он голову, а там промеж начавших светлеть облаков всадник скачет, не шибко так, будто протягивает путь с востока на запад. Замер Вася, задрожало кругом, конь белый и всадник на нём, осиянный золотыми лучами, повернул голову и на землю глянул, и таким светом воздух наполнился, как только при рождении бывает. Надел Вася крестик найденный на шею, упрятал под рубаху и покойно стало на душе. И сразу вновь шум по небу прокатился, и всадник за ним уже с запада к востоку проплыл, добрался до горизонта, и солнце сразу выкатилось, и день начался.

В покое и радости пошла у Васи работа, и мысли, меж делом, светлые. Догадаться хотел, кто же крестик мог обронить, и всё понять не мог, и казалось, что похожа находка на его именной крестильный крест, что надела на шею ему при крещении бабушка, и который, не снимая, носил мальчонкой, а потом затерял где-то по неразумности своей. А всадник – он-то к чему, не каждый день такое чудится? Что явь, а что видением называть, не сразу разберёшь.

Вернулся, хорошо потрудившись, Вася в избушку, а странник уже поднялся, ожидает у двери. Вчера, когда сумерничали, в потёмках не разглядел толком его – оказался и лицом пригож, и статью вышел, не истоптался ещё, по земле странствуя, и говор лёгкий, не докучливый. По нраву пришёлся со взгляду, и пошёл разговор, а между ним Василий картошки начистил и варить поставил, сальца порезал, лук, хлеб, траву в чайнике заварил. Хорошая беседа – она к застолию располагает; достал Вася и настойки крепкой, на ягодах, – горит в бутылке рубиновым цветом, радует глаз чистотой хрустальной. Выпили по махонькой, хлебом, салом закусили, и спросил тут бродяга:

– Сказ-то будешь говорить?

– Откуда знаешь, что я рассказывать умею? – удивился Вася.

– А то. Земля слухом полнится. Твою легенду по всем краям света странники называют, – ответил гость.

– Как узнал, что они здесь повесть услышали? – пытал хозяин.

– По их рассказам, пригляделся – вижу, не иначе как в этом доме поэт тот живёт. Могилу князя покажешь? – развеял все сомнения гость.

– Покажу, отчего не показать, раз уж всё знаешь об нас, – успокоился Вася.

– Легенду слышал, но везде она разнится в словах. Пока донесут из края в край, многое переменят. Но, главное, жива легенда и славен в ней князь. И я, слава Богу, добрался к тебе, послушать из первых уст желаю, вот и пришёл. Не выгонишь – поживу, послушаю, – готовился к рассказу странник.

– Рассказывать к ночи будем, а сейчас отдохнём от обеда, потом пособишь мне в работе, если не ленив, разговоры вечером будут, – противился своей радости Василий, но душа его пела словами странника: «Жива легенда, жива».

Полуденная дрёма недолга, пошли дела дорабатывать. Помощник Василию достался умелый, дело у него спорилось, сам-то за ним едва попевал, видать, не от работы мужик бежал, судьба в бродяги определила. Может, останется, поживёт, одному всё трудней управляться стало. Уже вечером и поговорить надо об этом. По нраву Василию захожий человек пришёлся, будто родной, долгожданный. А душа уже кипела словами легенды, собирала их вместе, чтобы вылиться всей своей красотой свободной на радость слушателя. Много у него людей перебивало, подкормиться заходили, погреться, зиму скоротать в тепле, но чтобы издалека за словом придти, впервые такое случилось.

Потрудившись изрядно, отправились к Князеву камню. Почтительно встал у памятника странник и кепчонку сбросил с головы, и волос пригладил, молчал долго, только губы шевелились, как при молитве. По нраву Василию и почтение его к памяти великой, и молитва неслышная.

Поужинали уже при лампе и сразу же прилегли, и медленно-медленно встрепенулась темнота словом, уступила своё пространство светлой мысли, дивному сказу о прошлых подвигах великого князя и его дружины, и дрожала ночь от топота копыт и звона мечей, когда рубились воины с врагом во славу родной земли. К полночи иссякла речь, кончилась легенда, возвратились ратники в родные дома, и тихо стало в избе кладбищенского сторожа – потомка князя.

– Сладко будет спать после такого славного рассказа. И сны явятся добрые, – промолвил в тишине странник.

– Здесь всем крепко спится: и проходящим, и уже пришедшим, – подтвердил его слова хозяин.

– А напечатать свою легенду не пробовал, уж больно слова в ней добрые да складные, может, кто и прочитал бы вдалеке, не всем годится по свету-то бродить, а знать хорошее многие люди хотят? – из темноты спросил гость.

– Как не пытаться, хотел. Журналист приезжал, всё про князя выпытывал, и адресок дал в городе, в журнал. Месяца два я тут бился, переписал начисто весь сказ и поехал, благословясь. Только там, в этом городе, ни мое благословение, ни сам деревенский человек ходу не имеют. Посмотрели мою писанину, поулыбались вдосталь, а потом спрашивают, а где вы образование получали. В школе, говорю, семь классов закончил. Маловато, говорят, учиться вам дальше надобно. Говорю им, учился, мол, книг много умных прочёл, словами мудрыми душу образовывал. Они отвечают, мол, книги все любят читать, а надо учиться, чтобы их писать. Я говорю, не знаю, кто книги пишет, а вот читать-то не все любят, вот вам принесли легенду о князе, а вы читать не хотите. Поусмехались, кто в бороду, кто ещё только в усы, но уже научены над мужиком ехидничать, поперемигивались, дескать, откуда такой деревенский Нестор отыскался и почему без лаптей. А ещё спросили, кем служишь, убогонький. Сторож, говорю, на кладбище. Тут совсем хохот покатился, будто горохом об стену стучалось. Ты бы лучше, говорят, про вурдалаков написал, как они по ночам людей пугают. Мы бы тебя живым свидетелем выставили, в герои наших дней вышел бы. Мне геройство ни к чему, отвечаю им, а на кладбище тихо, никаких упырей не видать, они все в город перебрались, по редакциям сидят и среди бела дня хохочут, как выпь на болоте, кровососы тоже в столицах живут, всю кровь из деревни выпили и над нею, родиной своей, надсмехаются. Только вот умники из вас никудашные, не тому вас учили, смеяться выучили, а думать – нет. Всё о любви к народу талдычите, ан, не любите вы его. Надо так свой народ любить, чтобы бояться его, как Бога, и потому не чинить злого умысла к нему, ибо суд народа – суд Божий, ко всем он грядёт, и к вам тоже, там разберут, кто убогий разумом, а кто светел. Давай они тут в полный голос хохотать, развеселились, а я писанину в руки и домой. Ехал в автобусе к своей деревне и раздумывал, а Гомер, певец слепой, он, что, профессиональным писателем был, в клубе поэтическом состоял, а Эзоп вовсе рабом родился, нет, тут что-то другое замешано в этом недружелюбии к деревенским сказителям. Боле и не ездил никуда.

– Ничего, Вася, Христос тоже необразованный был, фарисеи и над ним потешались. А что из того вышло, все знают. Разум от Бога, науки – лишь продолжение того разума. Кто в науке преуспел, ещё не значит, что у Господа в милости.

Долго не сумел заснуть Вася после разговора с гостем, Егором тот назвался, давненько таких людей не встречал – обстоятельных, но открытых для разговора. Без утайки отвечает про своё житьё-бытьё и сам вопросы задаёт неробкие, душу чужую выпрастывает. Легко с ним. Молод ещё, но уже осанист в речи, неуступчив, если за правду зацепился, а бродяга редко свою жизнь на истину кладёт, врёт больше, как проверишь, света край далеко и чего там было с ним, поди, проведай. А у Егора всё степенно, без робости человек живёт и говорит. Этот не просто бродит, перекаати-полем, где подадут чего, там и дом, он, по всему видно, укрытия ищет, душ родных свет ему нужен, вот и легенду на конце земли услышал, и за ней пошёл, и сыскал начало её. Может быть, с тем, чтобы продолжить. Слава Богу, послал Он Васе второго, что каждому человеку нужен, чтобы дело его на земле подхватить. Без такой причины он бы сюда не пришёл. Своих последышей у Васи нет, а этот не чужой, он родней родных, на князя обличьем похож, а подобие великого просто так не даётся – оно достойных ищет, ждёт, как награда.

Вот и Васе радость вышла за долгие годы ожидания, будто сына, никогда не виденного, встретил. А годов-то сколько ушло? Начал он их считать, вглядываясь в темень избы, будто хотел сыскасть в ней подтверждение своей жизни. Точный счёт своих лет у него никак не получался, многие зимы и лета помнил, людей в них живых, а теперь уже тутошних, под крестом почивших, и получалось, что всех он уже пережил – и

поздних, и ранних, и как ни крути, а за девяносто годов он уже отошёл и скоро надо будет на поклон к Господу собираться. А что точного числа своих лет не знает, так то не беда, он среди живых мало жил, а на кладбище года, как один, и сто лет – мгновение. Так бывает – умрёт человек, пока помнят его, вроде как живой, а кинутся считать – самим пора вслед отправляться. Но если ты гневен в своей памяти или по другой причине забыл родные места, не посещаешь отчие могилы, то тебя после смерти зароят как собаку и никто не помянет о тебе добром, гордыня твоя прорастёт на могильном холме сорной травой, бурьяном беспамятства.

Под утро отошёл Вася от раздумий, сомкнулись его глаза, утомившиеся выискивать во тьме растерявшиеся по жизни годы, и в глубоком этом сне оказался он вблизи какого-то ровного, воздухом светлого поля, в ожидании грядущего события. И разделяет это поле ограда кладбищенская на два мира. У этой ограды и встретил он князя. Князь конно прибыл, с малой дружиною, спешился у своего камня и заговорил: «Беру тебя в своё воинство. Много добрых дел за тобою, Василий, будешь мне помощником. Вместе постоим за нашу землю перед Богом и народом». Ещё многое говорил князь, но очень уж ярко сияла кольчуга его и шелом на голове – страх благоговения сковал разум, и не всё сказанное запомнилось. Проснулся он утром, будто осиянный тем жарким светом доспехов князя и дружины его, долго бродил меж могил, пока не пришёл к своей суженой, не ставшей ему женою, а ушедшей невестой к Спасителю. Долго стоял, глядел на её улыбочивое лицо с фотографии, и свет той улыбки вливался теплом в его душу, а, может, то лучи утреннего солнца согревали его, но только вдруг стало жарко в груди, потянулся Вася руками к глазам любимой и соединился с ней – упал на могильный, поросший травой мягкой холмик, под самый похоронный крест, и замер навсегда.

ПОЭЗИЯ

Оксана ШЕВЧЕНКО

Оксана Владимировна Шевченко – родилась в Подмоскowie. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар поэзии Ю.П. Кузнецова), кандидат филологических наук, ведёт молодежную поэтическую студию «Тёмные аллеи», работает в познавательном журнале для подростков «Вверх». Автор трёх книг стихов: «Ладони земные», «Девичий след», «Цветущий город». Стихи публиковались в «Нашем Современнике», «Литературной газете», «Московском литераторе» и других изданиях.

Живёт во Фрязино.

Листопадные выходные

Влюбилась

Влюбилась в тебя – споткнулась
на ровном месте,
Сижу себе тихо и синяки считаю.
Доброжелаю: не лезьте ко мне, не лезьте!
Сердце моё как жестянка звенит пустая.
Лавочка в листьях хмурится над причалом,
Дай посижу на ней и похмурюсь тоже –
Что за история – вся без конца-начала,
И ни на что знакомое не похожа.
Я о такой любви ни чутьём – ни зреньем,
Слухом своим не слышала абсолютным...
В городе воспоминаний шумят деревья –
Да и вообще сегодня там очень людно.
Мимо прохожие – песенки напевая –
Вот умудрились жить и легко и просто.
...Если подумать: что о тебе я знаю?
Даже и права нет задавать вопросы.

Монетки утреннего солнца
рассыпал солнечный прохожий
когда по улице воскресной
он шёл к приморскому кафе
они звенели и смеялись
и всё никак не унимались
пока он бегал так и эдак
и солнце собирал в кулак

В озёрной воде

В озёрной воде отражается всё, но не так,
Как сразу казалось и виделось на расстояньи –
От дома в воде отражается только чердак,
Из наших бесед вспоминается только молчанье.

Я знаю, что делать, и дверь открываю ногой,
И слушаю сплетни людей с небольшим сожаленьем...
Но в этой воде я всегда отражаюсь другой,
Как будто у озера есть неподкупное зреньё.

В метельном городе

в метельном городе давно уже зима
беспамятство реки и бездорожья
вздохни спокойно и скажи слова
о том, что задержаться невозможно

сиреневый неотразимый снег
сияние восхода в белоснежье
наискосок равнины – человек
идёт от побережья к побережью
сосновый остров с гулом высоты
и по волнам снегов скользит сиянье
то птичьей тени, синей как цветы
то облака на вечном расстояньи

всё было также много лет назад
и видишь – начинается сначала
скажи о том что нечего сказать
о том что лишь бы это не кончалось

Сырые московские улицы ведут к переходам метро,
А в Греции море волнуется, поёт каменистое дно...
Рифмуются будни дождливые и дымка воскресного дня,
А я просыпаюсь – счастливая – хотя ты не помнишь меня.
Решаешь английские ребусы, играешь горячим песком...
А я на работу – в троллейбусе, а после немного пешком.
Болтаю у дома с соседями – влюблённая в сказочный дождь,
И, в общем, давно не трагедия, что ты никогда не придёшь.

Пропущенный урок и тройка-загогулька,
Шевченко, ты вообще читала или нет?
На школьном козырьке корявые сосульки,
И солнечный огонь в директорском окне.

Дерутся воробьи за тёплый подоконник,
И каждый за своих радуется воробьям!
Одиннадцатый «Г», пожалуйста, спокойней!
Учителю на стол – журнал с Катрин Денёв.
Без шапки на мороз, одеть хотя бы свитер!
Контрольная в четверг, английский is not good...
Ругается семья, и стонет репетитор:
За ясные глаза учиться не возьмут!
Смеюсь в пустом дворе и каблуком осколок
Искрящегося льда раскалываю вдрызг!
Не надо одобрять мои стихи, филолог,
Займитесь ерундой – вы здесь специалист!
Тихоня, а смотри, как осмелела к маю!
И если так пойдёт, что будет к сентябрю...
Простите, я опять вас чем-то оскорбляю?
Смотрите глубже – я... вас искренне люблю!!!

Туда и обратно листает страницы в тетради лохматый ветер,
Я, помню, спросила: «Что значит – влюбиться?», а ты ничего не ответил.
Кривится скамейка на старых поленьях – и хочется просто погреться,
Моя голова у тебя на коленях – и небо, щемящее сердце.
Ветра неразборчиво книги листают, из детства весна прорастает,
И люди летят, словно птичьи стаи, и жизнь почему-то простая.
Как вышло – не знаю, что первая встреча, та самая первая встреча
Аукнулась солнцем в теплеющий вечер, любовью моей бесконечной.

Ладони мои с лица вытирают слёзы.
Смотрите, опять мне не на что опереться.
И разве опора руке – уходящий поезд?
И как положиться на птичку, поющую в сердце?
Чем эта песня нежная вас удручает,
Чем опечалил в солнечных бликах вечер?
Счастье всегда приходит, не обещая
Ни улететь, ни задержаться вечно.

Открою глаза – голубая палитра
Весеннего дня с говорком полудрёмы...
Меня сохранила родная молитва,
И вот я проснулась – берёзы и клёны
Щебечут о золоте первым цветеньем,
И ветер у книги листает страницы...
Я слушаю шорохи, шелесты, пенье
И думаю: кто обо мне помолился?

Листопадные выходные

1

Мимо взгляда листва несётся,
И клубится себе, и вьётся,
И колодезный воздух полон
Весь – поющим её движеньем.
Я не знаю, как повернётся,
Что забудется, что вернётся.
А пока – приходил бы в гости
В листопадное воскресенье.

2

вроде мы не птицы – разлетаться
осенью не будем по Карибам
у тебя есть комната и кухня –
окна в листопадную субботу
даже непутёвая работа –
минимум – чтоб сделаться счастливым
а ещё есть молодость и время –
это вам заявка посерьёзней
я хожу по щиколотки в листьях –
сколько их на ваших тротуарах
у тебя вполне красивый город
может он моим когда-то станет?
а насчёт спасения друг другом
и насчёт безделия и счастья
мы с тобой не раз поговорили –
и ещё не раз поговорим

может, конечно, я тебе и никто
может, конечно, вкус у тебя не слишком
но всё равно – потрудись мне подать пальто
и донести до дома цветы и книжки

Пылит тополияная вьюга
И смотрит пытливо в глаза.
Мы издали знаем друг друга,
Но всё ж торопиться нельзя.
Торопятся дни и недели,
И дети бегут по двору...
Но кто же спешит, в самом деле,
С горящей свечой на ветру,
С огнём, что ещё беззащитен,
Со словом, в котором огонь?
Так медлит и солнце в зените,
И перед ладонью – ладонь.

Летят по бульвару трамваи,
И люди в трамваях летят.
А я не спешу, сознавая:
До счастья два шага и взгляд.

Фонарь освещает дерево наполовину,
Листья на нём – тёмные и серебристые.
За перелеском долго шумит плотина,
Тихо вокруг, словно грешник закончил исповедь.
Днём замечаю: в зелени на просвете
Жёлтый огонь в тонкой листве осенней –
Словно сомненье в тёплом твоём ответе,
Музыка грусти в юном моем веселье...
Разве поэту – боль, что уходит лето?
Время уходит, бури сменяя штилем...
Кроме стихов ничего не случится с поэтом,
Больше стихов ничего не случается в мире.

Прогулка

От осеннего ветра горячие листья морщатся,
Торопись на улицу – я-то уже иду,
Я могу придумать тебе симпатичное прозвище:
Я умею придумывать всякую ерунду.
В серебринке росы отражается вверх тормашками
Простодушный сарай – загорали на нём ещё...
Аплодирует двор взахлёб сентябрю рубашками
С бельевых верёвок, растрёпанных кто почём.
Первоклашка-сосед называет меня по отчеству,
Осыпаются жёлтые клёны на том берегу...
Это лето сложилось не так и не так закончилось,
А ни дня из него, как ни бейся, забыть не могу.

Сияние листьев с деревьев летит – за окнами, близко.
Забавно, конечно, что ты знаменит, а я – журналистка.
Неравенству этому наперекор я буду несносной:
Ни кофе, ни чая – включу диктофон, достану вопросы.
И буду смотреть, как ты ищешь ответ, пока не устану,
Пока не замечу бескрайний рассвет над городом старым.
И вдруг отгадаю по взглядам твоим в летящие листья,
За что тебя можно жалеть и любить, о чём твои мысли.
И лёгкое сердце тебя узнаёт: как будто мы дома,
Где радио с кухни невнятно поёт о чем-то знакомом.

Бывшая Россия

Кто-то жил в этой длинной России,
В снегопадной деревне в три дома
С эхом звёздно-соснового гула
В непривязчивой к счастью душе,
Он оставил следы у вагонов,
Он прошёл вдоль советских составов,
В новой родине сделавшись беглым,
Уходя от камней и ножей.

Мы очнулись на родине новой,
Где уже ни креста, ни Союза,
Только бывшее в недрах сиянье
Призывает к себе из глубин,
Как берёзовый снег на три дома,
Как зажатое в сердце молчанье,
Как любовь, пережившая память,
К той стране, что давно позади.

Я играю с орденами деда
В комнате из солнечного света,
И легко вокруг, как только в детстве
Может быть уютно и легко.

Разложила солнышки-медали
На ковре и на своём подоле,
Блики разбросались на комоды,
На сервизе в сталинском шкафу.

Получилась вереница длинной
(До чего сияют невозможно!)
Лучше всех за взятие Берлина,
Вот она, ну дедушка, смотри!

Дед мне улыбается, конечно,
Да чего ребёнок понимает,
Нравится – пускай себе играет.
Да, Берлин бывалый городок!

А теперь, когда не стало деда,
Иногда я вспоминаю это
И не знаю, дед, о чём ты думал,
Глядя, как играю в ордена.

Провинциальный мир

с автобуса сошла и потихоньку к дому
 бреду себе, бреду... остался позади
 рабочий день в Москве
 и омут незнакомых
 неувимых лиц
 неинтересных мне
 в посёлке у меня ещё трава лесная
 и золотая пыль мирского бытия
 то в солнечных столбах
 по кухонькам играет
 то во дворах кружит
 от голоса звеня
 от воздуха живу провинциальных улиц
 где белоцвет кипит у каждого двора
 и местная шпана сидит
 слегка сутулясь
 от важности своей
 и прочего добра
 опять победный май, и помнится всё точно:
 в столовой заводской аплодисментов шквал
 и вспоминает дед
 как бились на Восточном
 и как потом Берлин
 жестоко воевал
 всё захолустный мир впитал в себя и принял
 рассказы о войне и детское тепло
 он был широк и щедр
 такой и есть поныне
 за эту верность мне
 я не предаю его

9 мая

мой дед вернулся с войны живой
 поэтому я живу
 мой дед вернулся с войны зимой
 поскольку он был в плену
 девятого мая я шла домой
 спустя очень много лет
 и мне показалось – передо мной
 на лавке сидит мой дед
 с соседями шутит и с детворой
 (он очень любил смешить)
 а дети не знают что он герой
 и как он остался жить
 а если просили, чтоб вспоминал,
 смеялся: да Бог с тобой!
 придёт на память как воевал,
 очнёшься в поту – живой

ПРОЗА

Виктория КОЛТУНОВА

Заира

Августовская ночь была настолько тёплой, что даже в палате новорожденных 2-го роддома на Старо-портофранковской улице окна были распахнуты настежь. У стены за столом с зелёной настольной лампой сидела дежурная медсестра и что-то писала в журнале. Вдоль палаты выстроились ряды крохотных высоких кроваток. В них одинаковые белые свёрточки, с одной стороны свёрточков выглядывали розовые личики с заплюснутыми во сне глазами. Тихо сопели двадцать пять маленьких носиков.

Что-то отвлекло медсестру, она подняла голову от журнала. И распахнула в изумлении глаза. Над одной из кроваток ей почудился какой-то туман, что-то зашепестело. Она всмотрелась и вслушалась.

Вокруг кроватки в воздухе кружили три полупрозрачные женские фигуры.

– Это она! Это точно она! – прошептала одна из фигур.

– Ах, как она красива! – восхитилась вторая.

– Праправнучка Екатерины Великой и прапраправнучка царя иудейского, мудрейшего Соломона и царицы Савской. А также отдалённый потомок Александра Македонского. Такое смешение великих кровей встречается один раз в пять тысяч лет, – сказала третья.

– Как мы её назовём? – спросила фея 1.

– Я думаю, её надо назвать в честь прабабки Екатериной, – ответила фея 2.

– Хорошо, – согласилась фея 3. – Завтра я внушу её матери это имя.

– Давайте, сёстры, одарим её по-царски. Я дарю богатство и славу.

– А я больше, чем богатство и славу, я дарю ей великий талант во всём, что бы она ни делала. Наслаждение творчеством выше богатства и славы. Даже если ты останешься безвестен. Но она безвестной не останется. Ведь она потомок стольких царей...

– А я, сёстры, дарю ей любовь мужчины, равной которой не было на земле.

– Как хорошо, – согласились остальные две. – Замечательная девочка. Замечательные подарки. А ведь она, сёстры, будет красивей самой Заиры.

– Несомненно, – закивали остальные. – Счастливица!

Медсестра хотела встать, подойти и сказать, что в палату новорожденных не допускается никто, кроме приставленного к ним медперсонала, но не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Словно она спала наяву с

Виктория Григорьевна Колтунова – прозаик, член Южнорусского Союза Писателей, Национального союза кинематографистов Украины, Международной федерации журналистов, Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины. Полномочный представитель Международного комитета защиты прав человека при ООН. Родилась в г. Одессе. Окончила школу-студию киноактёра и Одесский госуниверситет. Автор нескольких сотен публикаций, напечатанных в различных специальных и общих изданиях.

Живёт в Одессе.

открытыми глазами. Три феи поднялись вверх к потолку и медленно, торжественно, не переставая оглядываться на новорожденную, выплыли в открытое тёмное окно, пахнувшее горячей одесской ночью.

Медсестра ещё не пришла в себя, как в темноте палаты снова вспыхнуло мерцание, только на этот раз оно было не молочно-белым, а лиловатым с зелёными проблесками. Над кроватью появилась фигура ещё одной молодой женщины в переливающимся плаще.

– Ишь ты, красивее самой Заиры, – злобно прошептала она. – Чего захотели! Не будет по-вашему, глупые гусыни. Зря вы так сказали, зря. Повредили вы своей крестнице. Ох, как повредили. Я сделаю её самым несчастным человеком на земле! А я сильнее вас, намного сильнее! Ещё никто на этой грязной планете не справился со мной, никто меня никогда не побеждал, и вам это тоже не дано.

Дама в плаще гордо выпрямилась, стряхнула с кончиков пальцев правой руки в кровать зелёные искры и стремительно вылетела в окно.

Медсестра никак не могла решить, почудилось ей всё увиденное, или это было на самом деле. Когда она смогла двинуться, подошла к кровати. Девочка спала спокойно, но вокруг свёрточка с её тельцем лежали увядшие лилии, и это было единственным доказательством того, что медсестра Ольга Иванова не сошла с ума...

Гости входили в квартиру один за другим. Они несли большие букеты цветов, коробки конфет, свёртки с подарками, которые уже некуда было класть.

– Я же просил тебя, дорогая, давай устроим празднество в ресторане, там было бы больше места.

– Ничего, любимый, поместимся. Мне так хотелось, чтобы праздник прошёл в домашней обстановке. Что может быть ближе родного дома?

В гостиной столы стояли буквой «П». Гости рассаживались, шумели, весело перекликались. Наконец рассаживание было закончено, и раздались привычные звуки застолья, бульканье наливаемых в бокалы вин, позвякивание ножей и вилок.

– Поскольку мне выпала честь произнести первый тост, – начал Иван Никитич, – я, конечно же, хочу поднять его в честь нашей дорогой виновницы торжества. Пожелать ей многих лет жизни, огромного счастья и невероятных успехов и достижений.

– А это у неё всё уже есть, – зашумели остальные. – Вы, Иван Никитич, что-нибудь оригинальней придумайте.

– Да что ж тут придумаешь, когда у нашей новорожденной всё имеется? И признание, и почёт, – рассмеялся Иван Никитич. – Думайте сами, а я уж по-стариковски посижу, послушаю.

– Ну, о том, какой замечательный специалист наша именинница и говорить не стоит. Все её знают и уважают. А я хотел бы рассказать о том, какой она удивительный человек, добрый и бескорыстный, – зажурчал голос следующего гостя.

– Какая она великолепная хозяйка, такого угощения, как в её доме, можно жизнь прожить, и не попробовать. Повезло с женой мужу нашей именинницы. Это ж надо, тридцать лет в браке и все тридцать питается, как во французском ресторане, вот счастливчик, – продолжил его сосед по столу.

Поднялся всеобщий смех. Звон бокалов, весёлые возгласы. Веселье продолжалось до глубокой ночи.

Но вот супруги остались одни.

– Солнышко, не убирай со стола, ты устала, – сказал Николай Петрович. – Я сейчас быстренько суну в холодильник всё, что портится, а утром посудку помою. Ты ложись.

Катерина Филипповна благодарно посмотрела на мужа. Да, они идеальная пара, так все говорят. И жизнь она прожила удачную. Доросла до главного бухгалтера крупного предприятия, а начинала простым кассиром. Вот проводили её сегодня на пенсию. Профком подарил путёвку в Турцию на двоих. Сегодня ей исполнилось 55. Завтра она уже на работу не выйдет. Баста! Нароботалась. Теперь заслуженный отдых. Через неделю вылет в Турцию, Анталья, пятизвёздочный отель... Солнце и море. Что ещё желать в этой жизни?

Катерина Филипповна вошла в ванную, привычно полюбовалась испанским кафелем, акриловой ванной, рядами импортных коробочек с косметикой на полке. Она любила все красивое и покупала косметику иногда даже ненужную, но в красивой упаковке. Из любви ко всем этим таким блестящим баночкам и тюбикам. Умылась, надела прозрачную ночную рубашку (в 55 она ещё вполне могла не стесняться своего тела) и отправилась в спальню. Засыпая, слышала, как звенит на кухне тарелками муж.

В три часа ночи она проснулась. Резко, словно её кто-то разбудил. Ощутила чувство тревоги. Ей показалось, что в доме кто-то есть. Николай Петрович спал как убитый, устал очень, подумала она. Решила не будить и самой посмотреть в гостиной. Мягко ступая по пушистому китайскому ковру, вышла в просторную гостиную. Никого. Но ей казалось, что в гостиной какой-то непривычный приторный запах и свет из окна доносится необычный. Странно. Катерина Филипповна повела плечами и села в кресло. Задумалась, глядя в пол. Что-то заставило её поднять глаза, и она чуть не вскрикнула, но удержалась, словно получила приказ молчать.

Перед ней в воздухе сидела молодая невероятно красивая женщина. Катерина Филипповна поклялась бы чем угодно, что за секунду до того перед ней не было кресла, на котором могла бы сидеть незнакомка, она только что смотрела прямо перед собой. Но, тем не менее, та сидела, положив ногу на ногу. На ней был блестящий лиловый с зелёным отливом плащ, в ушах серьги. На пальцах сверкавшие в слабом ночном свете кольца.

– Ну, здравствуй, Катя, – улыбаясь, произнесла она.

Главный бухгалтер Катерина Филипповна, пятидесяти пяти лет, ничуть не удивилась и не усомнилась в том, что незнакомка имеет право обращаться к ней на «ты» и по имени. Более того, ей показалось, что она откуда-то знает эту женщину.

– Как вас зовут? – робко спросила она.

– Заира. Ударение на последнее «а», – ответила красавица.

– Что вам надо от меня? – с беспокойством спросила Катерина. Тревога не покидала её.

– Что ж так не приветливо? Вот, решила навестить свою крестницу в день её рождения. А ты грубишь.

– Но у меня другая крёстная, обыкновенная, она уже старенькая.

– Это земная, это не в счёт. У всех людей есть ангелы-хранители. У одних слабые, обыкновенные, это у людей тоже обыкновенных, а у таких как ты, настоящие феи.

– Что значит, таких, как я?

– Но ведь твоя мать рассказала тебе, что было в твой самый первый день рождения? Медсестра всё видела и слышала, а потом рассказала твоей матери, а она тебе. Я это знаю. Кстати, – она гордо выпрямилась, – я вообще знаю всё.

– Да, рассказала. Сначала ко мне пришли три добрые феи и наколдовали мне очень счастливую жизнь, а потом появилась злая и обещала меня уничтожить. Так эта злая, вы, Заира? – рассмеялась Катерина.

– Да, я. Только, что ты смеёшься? Разве я не исполнила свой обет?

– Нет. Я прожила жизнь замечательную, полную смысла и любви. Я достигла вершины карьеры. Не вышло у тебя, Заира, по-твоему.

– Какая же ты дура! – рассмеялась Заира. – Ничего ты не понимаешь. Я тебя уничтожила. Ну, что, скажи, у тебя было хорошего?

– Да всё! Муж любящий, о таком только мечтать можно. За тридцать лет от него слова плохого не слышала. Ни разу не заставил меня плакать, как другие мужья, не изменял...

– А ты глянь...

Заира наклонилась к лицу Катерины и щёлкнула пальцами правой руки. С кончиков её пальцев слетели зелёно-лиловые искры.

Катерина откинулась в кресле, перед ней повис полупрозрачный экран, на котором двигались фигуры. Вот её Коля едет в машине с молодой, хорошенькой девушкой. Это дочь соседней по даче, 18 лет. Съезжают с дороги в посадку, оба залезают на заднее сиденье, раздеваются, обнимают друг друга. У Катерины закололо в сердце. Ну, что

ж, пусть, какой мужчина не позволял себе лишнего? Но вот другая сцена, в гостинице, она отталкивает его, бьёт по лицу. Он явно просит, унижается, даже становится перед ней на колени, целует её ноги. Она отталкивает его ногой. Значит... Значит, если бы она согласилась, он бросил бы законную жену и ушёл к ней? Катерине повезло только в том, что молодая девка сама отвергла её мужа, а он и не любил Катерину, лгал ей? Её благополучный брак был неправдой? Как больно!

Видение исчезло. Катерина сидела в кресле без сил. Она подняла на Заиру глаза.

– Скажи, ты фея зла?

– Нет. Фея зла у меня на побегушках. Сам Сатана выполняет мои поручения.

– Так кто же ты?

– Я – Зависть Человеческая. Сильнее меня никого нет. Я движу всеми пороками. Я развязываю войны. Я вздымаю революции. Ломаю жизни. Я заставляю брата идти на брата. Что там лепетал ваш дедушка Фрейд? Что все движения человеческой души исходят из неосознанных сексуальных желаний? Чушь! Они исходят из зависти и жадности, из желания обладать! Обладать всё равно чем – землёй, деньгами, славой, женщинами, мужчинами. У одного человека что-то есть, а у другого этого нет. И он сделает всё, пойдёт на всё, убьёт, уничтожит, чтобы обладать самому. Вот в чём моя сила!

– Но при чём тут я? Как ты могла разрушить мою жизнь? Ведь я довольна всем, ты не сумела ничего испортить!

– Я окружала тебя человеческой завистью, и она ломала планы твоей счастливой судьбы, которую тебе подарили феи добра.

Заира щёлкнула пальцами, и перед Катериной снова возник колышущийся в воздухе молочно-туманный экран. На экране берег океана, вдали пальмы. На берегу, приподнявшись на локтях, лежит молодой мужчина и смотрит в волны, где резвятся две девочки, восьми и десяти лет. У кромки воды стоит стройная женщина в купальнике и парео. Она стоит спиной к Катерине, но та точно знает, что это она сама.

– Что это? – спросила Катерина.

– Это твой муж, который у тебя должен был быть, и твои дети, которых ты не родила. Две девочки, о которых ты мечтала и которые родились бы у тебя от того, кто на самом деле должен был стать твоим мужем.

– А почему не стал? – подняла на неё глаза Катерина.

– Помнишь, однажды ты шла по бульвару с подругой, и вы встретили молодого человека, который, подойдя к тебе, сказал: «Вы очень необычная девушка, я знаю это. Вы моя судьба – мы не должны сейчас разойтись просто так, с этой минуты мы должны быть вместе. Я это чувствую, и я это знаю». И если бы ты пошла за ним, вы остались бы вместе навсегда. И счастливей вас не было бы пары на земле. Но подруга позавидовала тебе и ответила вместо тебя грязным ругательством в его адрес. Он подумал, скажи мне, кто твой друг... И разочаровался в тебе. Ушёл. А она сказала, что прогнала его потому, что он показался ей слишком развязным. Что якобы охраняла тебя от него. Разве ты не помнишь?

– Помню, – глотая слёзы, ответила Катерина. – Я потом долго кляла себя, что потерялась, не сумела спасти ситуацию.

– Сейчас увидишь, кем ты должна была стать, – сказала Заира и снова щёлкнула пальцами. На экране – красная дорожка Каннского фестиваля. По ней идёт Катерина в пепельно-жемчужном платье с длинным шлейфом. Улыбается, машет рукой зрителям, стоящим по бокам ограждения. А вот она уже на какой-то сцене получает премию, высоко поднимает статуэтку.

– Хочешь посмотреть ещё один вариант твоей судьбы, которая могла бы состояться, но не состоялась? – спросила Заира.

На экране Катерина принимает знаки отличия лучшего кутюрье мира. Проходят красавицы-модели в её одежде. Заканчивается дефиле, они слетаются к ней, целуют.

– И ещё вариант, который мог бы стать твоей судьбой. Один из тех, что предлагали феи, – сказала Заира.

На экране трибуна ЮНЕСКО. На трибуне выступает Катерина, за её спиной голубой флаг со звёздами. В зале множество женщин, они в восторге от её речи.

– Но почему же эти варианты не состоялись? – с тоской спросила Катерина.

– А ты вспомни, как просила у матери деньги на поездку в Москву, поступать в театральный институт. Ты знала, что талантлива, об этом говорило всё, как ты смотрела спектакли в театре, как проигрывала «про себя» чужие роли. А она уговорила тебя выбрать «реальную, полезную» профессию, выучиться на бухгалтера. И ты послушалась её. Ведь она – твоя мать, – с издёвкой сказала Заира.

– Это уж слишком. Не хочешь ли ты сказать, что мне завидовала собственная мать! – возмутилась Катерина.

– Глупая, глупая Катерина. Знала бы ты, сколько матерей завидует своим дочерям, их молодости, красоте, возможностям устроить свою жизнь. Как лезут между дочерьми и их мужьями, вешаются на шею своим зятьям, сколько трагедий из-за этого. Это реальная правда жизни, грязная и противная.

Катерина приложила пальцы к вискам. Её преданный муж, обещавший никогда не оставить её ни в радости, ни в горе. Её любящая мать. Она давно умерла, но Катерина всегда вспоминала о матери с нежностью и теплотой. Как о каменной стене любви и надёжности, за которой она пряталась в детстве от враждебности окружающего мира. А стены не было. Стена оказалась прозрачной. Враждебный ей мир окружал её внутри три стены, прижимался к её телу, она была совершенно беззащитна против него.

– А красота? – спросила Катерина. – Феи сказали, что я буду красивей всех на свете, красоту же завистью не испортишь?

Заира покачала ногой, с кончика её лаковой туфельки слетели на ковёр лилово-зелёные искры.

– Это проще простого. Там была медсестра, и она всё слышала. А в возрасте одного дня жизни достаточно искры самой крохотной зависти, чтобы испортить, что угодно.

Катерина сидела, закрыв лицо руками. Вздохнула и посмотрела на Заиру.

– Неужели в тебе нет никакой жалости к своим жертвам? – спросила она с тоской.

– Жалости? – с насмешкой спросила Заира. – Какая жалость? Я ведь не абстрактная зависть, а человеческая. А Человеческая Зависть не знает жалости.

Настала тишина. Заира явно наслаждалась произведённым впечатлением.

– Скажи, Катерина, разве никогда ты не чувствовала неопределённой, непонятно откуда взявшейся тоски? Не мучила тебя по ночам видения чего-то высокого, недосягаемого? Никогда тебя не унижала окружавшая тебя простота? Обыденность? Разве ты не чувствовала сама, что предназначена для чего-то более высокого, но уговаривала себя, что это хандра, глупости, осенняя погода, дурные новости по телевизору? Что всё идёт как нельзя лучше, а твои странные приступы невыносимой душевной муки просто глупость. Было такое, правда?

Катерина ощутила такую боль внутри себя, что не могла полностью вобрать в лёгкие воздух.

– Это умирал, в муках умирал твой талант, твои возможности, твоё неродившееся будущее, – продолжала Заира. – Ты слышала, как в груди что-то стучит, думала, это кровь в сосудах, от поднявшегося давления. А это стучали в твою грудную клетку не вышедшие на свободу, созданные в твоём воображении образы. Ты думала, боль в боку – это панкреатит. А то были смертные муки твоей несостоявшейся жизни. Главный бухгалтер! Чем ты гордишься? Смешно! Ты – потомок стольких царей, с твоими генами могла стать одним из главных людей на планете. Но не стала. Потому что есть я. И я могучая сила. Никого нет сильнее меня, Заиры!

– Это правда, правда, – с трудом размыкая губы, прошептала Катерина.

– Ладно. У меня мало времени, а то бы я рассказала о множестве упущенных тобой мелких возможностей и радостей, которые ты теряла из-за зависти окружавших тебя людей. Всё равно, того, что я сказала, достаточно, чтобы ты терзала себя всю оставшуюся жизнь. Проклинала то, что считала своей удачей. С сегодняшнего дня и по последний день твоей жизни ты будешь испытывать ещё большие душевные муки. Такова моя власть, я – Заира, Зависть Человеческая. Прощай.

Заира поднялась с кресла. Вернее с того, что было вроде бы креслом. Но когда она поднялась, на том месте ничего не стояло, как и не должно было стоять. Она выпрямилась, потянулась, отбросила назад густые волосы. В последний раз взглянула на Катерину и, стоя во весь рост, поднялась в воздух. И растаяла в темноте, словно её и

не было. Катерина взглянула на ковёр, где стояло «кресло» Заиры. Там было чёрное, горелое пятно.

Две недели ушли на подготовку к поездке. Забрали из ОВИРа паспорта. Получили в турагентстве билеты на самолёт, путёвки. Катерина купила себе несколько новых платьев, пляжный комплект – коврик, тапочки. Масло для загара. Николай Петрович выбрал в ЦУМе два больших чемодана на колёсиках. Впервые они летели за границу отдыхать. Тот старый чемодан, с которым он когда-то ездил в командировки, никуда не годился.

В Одессе уже дул осенний ветер, а в Анталье, когда они приземлились, всё ещё стояло лето. Сияло солнце, освещая пальмы вокруг дорожки, по которой они шли к автобусу. От аэропорта в Анталье до Кемера, где находился их отель, они ехали полтора часа, и Катерина с жадностью рассматривала чужую землю, чужую растительность, стоявшую на обочине пожилую турчанку в чёрном покрывале с наполовину закрытым лицом. Всё ей было внове, всё поражало воображение.

Пятизвёздочный отель казался им роскошным. Дорожки между корпусами были выложены мрамором, в сверкающем белизной скатертей и штор ресторане выбор блюд просто ошеломил. Пожилые супруги радовались как дети.

– Смотри, дорогая, смотри, а вот это.., – указывал Катерине на что-то необычное Николай Петрович. – Ну, всё теперь, деньги у нас есть, мы на заслуженном отдыхе, теперь каждый год будем сюда ездить.

Катерина кивала головой. Да, конечно, что им помешает. Вот это жизнь! Своё отработали, деньги на старость скопили, остаётся их тратить. А на что ещё тратить, если дом полная чаша. Будем ездить на курорт, есть и пить в таком ресторане, гулять по набережным и оставлять свои евро в ближайших к отелю магазинчиках.

Чуть пообвыкнув в отеле, они прошлись по улицам Кемера. Их поразили узкие улочки, дома, поросшие вьющейся розовой растительностью по самые крыши, открытые взору лавочки без передней стены, в которых, как в сказке про Аладдина, были навалены на прилавках груды сувениров, золотых и серебряных украшений, расшитой блёстками одежды. В магазин зазывали улыбочивые белозубые турки, поили чаем из крохотных изогнутых стаканчиков, просто так поили, даже если ты ничего не покупал. Катерину называли «мадам». Впервые в жизни она расслабилась, забыла про своё высокое положение на предприятии, ей нравилось, что молодые турки с откровенным вождением рассматривали её шею, фигуру. Катерина не стала самой красивой женщиной в мире, но, всё-таки, она была и в свои пятьдесят пять красива, зрелой красотой ухоженной женщины с интеллектом, со вкусом. Благородные черты лица.

Накупили всякой всячины, потом в отеле, выложив всё на кровать, не могли вспомнить, где они купили ту или иную вещь, как разводить кипячёной водой этот вишнёвый чай.

Вечерами ходили на дискотеку. В отеле было две дискотеки, одна в здании – для молодых. Там стоял грохот «металлической музыки», сверкал стробоскоп, с трудом пробивая лучами густой от сигаретного дыма воздух. Вторая – на берегу моря, на деревянной платформе, там играли музыку восьмидесятых, и туда сходились, в основном, те, кому за сорок. Катерина и Николай Петрович танцевали, прижавшись друг к другу, как в молодости, целовались украдкой.

Через несколько дней они уже ничему не удивлялись, казалось, всю жизнь ездили по пятизвёздкам. Вот только восхищались старыми немцами: те, абсолютно без комплексов, в любом возрасте ходили в шортах, майках, с открытым телом, и громко беззаботно смеялись. Наши всё-таки не могли ещё позволить себе так раздеться на людях. Николай Петрович посмеивался:

– Дорогая, этих старых немцев нельзя так раздевать, а вот тебя ещё можно, у тебя такое стройное упругое тело.

Катерина, улыбаясь, обернулась к нему.

– Скажи, ты никогда не лгал мне? Или хотя бы не мне? Вообще, ты когда-нибудь лгал?

– Ты что, дорогая! – Николай Петрович возмущённо воззрился на жену. – Как ты могла подумать?

– Как хорошо. Не выношу двуличия. Я счастлива, что всю жизнь меня окружали только любящие меня люди. Родные, близкие, друзья. Искренне желавшие мне добра.

Интонация жены показалась Николаю Петровичу явно издевательской, но он так и не понял, почему. Спрашивать не стал, не хотел заострять момент. Они на отдыхе, выяснение проблем оставим до Одессы, подумал он.

Вечером, накануне того дня, Катерина разложила на кровати купленное в торговом комплексе отеля платье, пепельно-жемчужное с отливом, прозрачную блестящую шаль из органзы.

– Может быть, пройдемся по городу, – предложил муж. – Ты всё это наденешь. Как ты красива, дорогая.

– Нет, сегодня не хочется. Я устала, – Катерина собрала покупки в пакет и поставила его в шкаф.

Утром, пока Николай Петрович ещё спал, Катерина надела то самое платье, накинула на плечи шаль и отправилась к морю. Русские туристы оглядывались на неё: утром, босая, в длинном вечернем платье? Немцы и датчане не замечали несурязицы, они привыкли к тому, что у них на улице каждый одевается, как хочет.

Катерина стояла у кромки воды, вдыхала свежий утренний морской воздух полной грудью. Скинула платье на песок и накинула на талию шаль. Так она стояла в парео на берегу океана, который показала ей Заира, а на песке лежал её муж, который не стал её мужем. Так она стояла и глядела на своих нерождённых дочерей.

Она вошла в воду, ощутила её нежное щекочущее прикосновение к щиколоткам. Вода в Средиземном море отличается по цвету от черноморской. Светлее, прозрачнее. Катерина пошла вперёд, каждой клеточкой тела впитывая в себя ласку воды, зашла по колени, по грудь. Рывком бросилась в воду. Поплыла. Тело вытянуто струной, равномерно двигаются руки и ноги. Она была хорошей пловчихой. Любила плавать. Летом мать снимала дачу на Фонтане, и Катерина с детства привыкла заплывать далеко.

Вдох, выдох. Как сладко плыть, вытянувшись в струну, чувствовать, как вода выглаживает кожу. Но возраст даёт себя знать. Начала задыхаться. В молодости заплывала до рыбачьих сетей. Однажды её даже с ругательствами вернул назад пограничный катер. Вперёд, вперёд, ещё немного, Катерина, покажи класс, ты ещё не так стара, есть ещё шанс проявить себя.

Ноги устали и обмякли, опустились вниз. Катерина плыла уже на одних руках. Всё медленнее. Оглянулась назад. Берег таял серой полосой, на берегу маячили чёрные маленькие фигурки. Где-то там лежит её платье, пустая тряпка, лишившаяся её тела, ненужный признак старой жизни. По этому платью Николай Петрович узнает, что жена от него ушла.

Вдох, выдох. Лицо ещё сохраняет след улыбки. Губы ещё пытаются улыбаться, а сил уже нет. Плечи полностью погрузились в воду. Она перевернулась на спину. Прямо над головой солнце. Яркий оранжевый диск. На него больно смотреть. Она будет смотреть, пока хватит сил. Солнце – её единственный друг. Солнце никогда никому ни в чём не завидует, оно слишком велико для этого. Солнце – её первый и последний зритель, и его Заира не отберёт. Над ним её власти нет. И над Катериной тоже не будет.

Ушла под воду голова, руки...

Сверкала бирюзовая гладь Средиземного моря, и чайки падали с высоты с резким криком в воду, выхватывая свою добычу.

Над образовавшейся воронкой в воздухе возникла Заира. Щелчком сбросила с пальцев в воду лиловые искры. Выпрямилась и вытащила из кармана плаща записную книжку в дорогом кожаном переплёте с золотым обрезом. Послонила указательный палец правой руки и деловито перелистала книжку.

– Так, так, так. Канада. Ванкувер, клиника Святой Моники. Родильное отделение, восьмая палата, вторая кровать от окна слева.

Заира взмыла в воздух.

ПОЭЗИЯ

Николай ПОЛОТНЯНКО

Николай Алексеевич Полотнянко – родился 30 мая 1943 г. в г. Тальменка Алтайского края. Окончил Литературный институт им. Горького. Поэт и автор трёх исторических романов. За один из них («Государев наместник») удостоен Всероссийской премии им. И.А. Гончарова. Книги стихов выходили в Ульяновске, Саратове, Москве (1982). Член Союза Писателей России. С 2006 г. главный редактор журнала «Литературный Ульяновск».

Живёт в Ульяновске.

Школа

поэма

1

Морозные звёзды смолола
Метель на крутых жерновах.
И мчались, как белые пчёлы,
Над полем снежинки впотьмах.
Рыдал колокольчик поддужный,
Скрипели постромок ремни.
Из тьмы, беспокойной и вьюжной,
Таращились волчьи огни.
Как стража, столбы верстовые.
Двуглаво распяты гербы.
Одна лишь дорога в России
У правды и честной судьбы.
И чудились – звоны да звоны,
Кандальные звоны теней.
И лики, печальней иконных,
Витали в потёмках полей.

Владимирка!
Песни, былины
Про вечно гонимый народ.
Ухабы избиты, как спины,
Безвестно ушедших вперёд.
Брели они с бритыми лбами,
С печальной надеждой в груди.
Века пронесли за веками,
А горе, как прежде, в пути!

Машиною лязгнув, Европа
Царизму вlepила под дых.
Кострищем пылал Севастополь,
Солдатскою славой велик.

Забиты окошки проливов.
Зарыты в суглинок сыны.
И стали видны все нарывы
На теле огромной страны.

Есть время победных сражений,
Страну низвергающих в темь.
О пользе иных поражений
Не худо бы помнить нам всем.
Салюты слепят ярким светом
Ретивых вояк и толпу.
Не видно порой за победой
Отчизны большую судьбу.
Жизнь стоит всё меньше и меньше.
И золотом кажется ржа.
И сетью невидимых трещин
Разрухи покрыта душа.

Крым вырвал Россию из сони.
Все стали роднее на миг
Друг другу, услышав, как стонет
На павшем редуте мужик.
Испив свою чашу страданья,
Россия открыла лицо.
Пришли времена покаянья,
Ответа детей за отцов.
Москва, Петербург – две столицы
Бурлили, вершили дела...

А здесь во Симбирской провинции
Плевалась окалиной мгла.
И мчался по скользким ухабам
Продутый возок во весь дух.
В поклоне сгибалася баба.
Мужик с головы рвал треух.
Прогорклым соломенным дымом
И стойлами воздух пропах.
И кони, хоть тяжело родимым,
На взгорок пошли во весь мах.
Откуда нашлось столько силищ
В них после дороги крутой!
Директор народных училищ
Очнулся от дрёмы больной.

Сочился молозивный сумрак.
Дымки завивались из труб.
В потёмках рассветных, угрюмых,
Маячили тени халуп.
Чернели плетни вдоль дороги.
Прах инеевый сыпался с крон.
И слышался чистый и строгий
Из церкви к заутрене звон.

2

– Ну, вот и приехали, барин!
 Примёрзла к земле тишина.
 Навстречу, спросонок распарен,
 Спешил со всех ног старшина.
 – С прибытием, ваше...
 – Ульянов...
 Приезжий стряхнул с шубы снег.
 – Директор училищ...
 Престранный,
 Учёный, видать, человек.
 Без спеси, чиновного ору,
 Смекнул волостной – простота.
 По проточке узенькой в гору
 Пошли на сиянье креста.
 Не школа, а слёзы –
 Две лавки,
 Да стол из шершавых досок.
 В дешёвой латунной оправке
 Лампада,
 Задумчивый Бог.
 Соломкою белою иней
 Навис на промёрзших углах.
 Клубился морозный и синий
 Сквозной нищеты полумрак.
 Ульянов нахмурился:
 – Странно...
 Занятия что ж не велись?
 – Да что ребяшня,
 Тараканы
 От холода все разбежались!

Ульянов задумался.
 Грустно.
 Повсюду по школам разор.
 В лаптишках, хрустящих капустно,
 Мальчонка уткнулся в притвор.
 Глядит на приезжего – барин.
 Наружность, глядит, не строга.
 – А ну-ка, иди сюда, парень.
 Ты хочешь учиться?
 – Ага.
 – Зовут как?
 – Оглоблин Илюха.
 Мальчонка глядел посмелей.
 В дырявом отцовском треухе,
 Улыбка до самых ушей.
 Как видно, в семье не излишки.
 Скупа у крестьянства судьба.
 И в тихом простецком парнишке
 Ульянов увидел себя.
 Сиротская жизнь не смеялась.
 Нехватки извечно в дому.

Припомнил он, как доставалось
 Ученье когда-то ему.
 Кто рад был и ломтю ржаному,
 Тот знает о жизни без слов.
 Ульянов, вздохнув, волостному
 Сказал:
 – Собери мужиков!

Деревня тонула в сугробах,
 Дымя в задубелую студь.
 С берестяной зыбки до гроба
 Крестьянину вымерен путь.
 Судьбой освящён, непреложен,
 С рожденья ему насулён.
 Земля и щедра, и пригожа,
 Да только и ей обделён.

Пришлось на мужицкую долю
 От вольных царёвых щедрот
 Для ржи десятинное поле,
 А бабы, так вовсе не в счёт.
 Налоги пошли, круче прежних.
 Но «крепости» нет, как-никак!
 Поставил какой-то приезжий
 В версте от деревни кабак.
 Прибавилось пьяни и голи.
 И выкуп на шее, как крест.
 На том и закончилась воля,
 Что всем даровал манифест.

Вся жизнь и вся радость –
 Из хлеба.
 И намертво русскую ширь
 Держала глубинная скрепа –
 Община, иль попросту мир.
 Природные корни, живые,
 Держали в земле каждый дом.
 Мир был пуповиной России,
 В её тело вросшим узлом.
 Царю развязать не по силам
 Устоев неписанных крепь.
 Решалось всё исстари миром,
 Одна была воля и цепь.

Сходились неспешно, оглядкой:
 С какого прищучат конца?
 Своим заведённым порядком
 Вставали поодаль крыльца.
 – Чего там надумали власти?
 Опять, поди, новый оброк?
 – И так, разорвись хоть на части,
 Налоги не выплатить в срок.
 – Узнать бы, чего там заранее.
 – Подхватят опять за ребро.

Мужик забулдыга горланил:
 – Решим, коль поставит ведро!
 – В холодную хочешь!
 И взащей
 Турнул его сотник, грозя:
 – Накормим берёзовой кашей,
 На сходе буянить нельзя!
 Все знать непременно хотели,
 Что власть припасла мужику.
 Замёрзшие лапти скрипели
 На жёстком январскому снегу.
 По ввевшейся в душу привычке
 (Приезжий-то сам генерал!)
 Попадали шапки мужичьи.
 Ульянов рукой замахал:
 – Покройтесь!
 Я к вам за советом, за помощью...
 Лес уже есть...
 Построить бы надобно летом
 Школу на тридцать мест.

Крестьяне молчали, хмуря:
 Незнаемое дело – как взять?
 Опять на мужицкую шею
 Хомут, и его притгирать.
 И солнечный полдень немилым
 Покажется в спорах, пока
 По делу столкнешься с миром
 И с места столкнёшь мужика.
 – А тес как? А гвозди? А стёкла?..
 – На восемь саженой хором!
 Рубаха на госте промокла,
 А всё ж настоял на своём.
 Ульянов провёл своё дело.
 Сочли по копейки рубли.
 Пока отрядились, стемнело,
 И звёзды вокруг расцвели.

И в путь!
 Отдохнувшая пляшет
 Пристяжка, дымясь куржаком.
 Вдали за околицей машет
 Ночная метель рукавом.
 Ямщик засвистел:
 Эй, родные!..
 В лицо брызнул колкий снежок.
 И снова в потёмки России
 Ввинтился скрипучий возок.
 Стихии бурлящая воля.
 Метелей крылатых полёт.
 Ещё одно поднято поле,
 Где знание людское взойдёт.
 Не сразу, не скоро –
 Подспудно

Созреют добра семена.
 Пока ещё спит непробудно
 Державы родной глубина.
 Салонные кончились споры.
 За дело другие взялись.
 Дымком динамитным террора
 Пахнуло из дальних столиц.

Проклятие вечных вопросов.
 И в них было русское всё:
 Иль бомбы бросать под колёса,
 Иль делать всю жизнь колесо?..
 Мучительный гнёт самовластья
 Придуман иль сам он возник?..
 О скорбное русское счастье –
 Сжигать свою жизнь для других!
 Не всем пьедестал эшафота
 Достался. Немало людей
 Сожгла беспощадно работа,
 Чтоб стало в России светлей.

3

Умыла февраль непогода,
 И месяц взошёл молодой.
 И стал наряжать на работу
 Своих мужиков волостной.
 Повинностью всех наделили,
 Хоть ругани было и слёз.
 Но в тридцать саней снарядили
 Для вывоза леса обоз.

По зимней дороге не тряско
 Катили с бугра на бугор.
 За каждой торчал опояской
 От холода синий топор.
 За пазухой хлеба краюха.
 На дровнях верёвка, пила,
 И мягче лебяжьего пуха
 Охалка соломы была.

Просторно!..
 И взгляд не охватит
 Всю ширь. Голуба высота.
 Снегов самобраная скатерть
 Смотри, хоть ослепни, пуста.
 Лишь копотью чёрной вороны
 Осели в седой березняк.
 И воздух, промёрзший до звона,
 Скрипел на зубах, как наждак.
 Подроста елового ровня
 Взбежала на белый бугор.
 Катили крестьянские дровни
 В Присурье, в откупленный бор.

Неяркой латунной жестью
 Закат застелил синий снег.
 Крестьяне приехали к месту
 И встали гуртом на ночлег.
 Умяли лаптями поляну,
 Костры развели – и вповал.
 Наутро лесник им дялян
 Деревьев мелком отсчитал.
 За лесом вдали заалелась
 Рассвета туманная гарь.
 Они кипятком согрелись,
 Ржаной пожевали сухарь.
 Чтоб не быть за душу в ответе,
 Подальше коней отвели.
 Деревья, литые из меди,
 Гудели натугой земли.
 В сосне, золотой и дебелой,
 Старшой остриём топора
 Зарубку широкую сделал,
 Потрогал рукою – пора!
 Примета старинная: сосны
 Валили, когда из корней
 Густой и янтарный, как солнце,
 Сок двигался в перья ветвей.
 Столетиями срубы не гнили,
 Держались и в мокреть, и в студь.
 И церкви, как лебеди, плыли
 Над Русью, и ныне плывут.

В мужицкие лица смолисто
 Живицей пахнула кора.
 Запела протяжно и чисто
 В руках голубая пила.
 – Ну, с Богом, крещёные!
 Резом
 Ударили в комель с боков.
 И запричитало железо
 В руках молодых мужиков.
 Всё глубже, натужней,
 И с храпом
 Пила умеряла разбег.
 Дрожали сосновые лапы,
 И падали шишки на снег.
 – Пошла!
 – Берегись!
 Покачнулась
 Земля.
 Отшатнулся мороз.
 Сосна до корней содрогнулась
 И пала, ломая подрост.
 И грохот пошёл по чащобе
 Тяжёлый как медь, громовой.
 Сохатый споткнулся в сугробе
 И молча потряс головой.

Медведь потянулся в берлоге
 И мох под бочину подгрёб.
 Над лесоповалом сороки
 Трещали по-бабьи, взахлёб.

– С почином!..
 И в воздухе стылом,
 Давясь древесиной, вразмах,
 Качнулись певучие пилы
 В надёжных мужицких руках.
 И тридцать стволов враз упало.
 И вздрогнул от грохота лес.
 Лоснился,
 Как жёлтое сало,
 Исчерченный кольцами срез.
 За комель петлёю – и в волок
 Под хриплые выплески слов.
 Посыпались искры иголок.
 Морозных
 С лошажьих боков.
 По вагам катали на сани
 Тяжёлые брёвна. Обоз
 Сполна нагрузили. В тумане
 Три солнца сулили мороз.
 Льдяная текла позолота,
 Процежена стужей, с небес.
 Поснедали. Снова работа:
 Везти заготовленный лес.
 Истёрта спина, в кровь избита,
 Но надо тянуть, коль велят.
 Упёрлась в четыре копыта
 Кобыла, а дровни стоят.
 Мужик навалился. Полозья
 Скрипуче запели, пошли.
 Простором пахнуло морозным.
 Вечерние тени взрослые.
 На небе взошла самосевом
 Звезда, как цветок на лугу.
 Дорожным синичьим напевом
 Свистели полозья в снегу.

4

Заботы, тревожные думы...
 Ульянов работой горел.
 Скупы подотчётные суммы,
 А столько задумано дел!
 Крестьянство бедно, а помещик
 Уж сыт либеральной игрой.
 Да мало ль в России есть трещин,
 Куда утекает добро?
 Налоги уходят на ружья,
 На новый азийский набег.
 А власти всегда был не нужен
 Со светом во лбу человек.

И царский минпрос был в заплатах,
 (Пример как из нынешних дней)
 За что бы ни взялся – нехватки:
 Ни денег, ни нужных людей.
 Спасенье – листы подписные,
 На дело годился и грош.
 Щедря добротою Россия,
 Но много ли с нищих возьмёшь?
 Крестьянин долгами стреножен.
 Никак не возьмёт себе в толк:
 Всю жизнь проработал
 И должен.
 И внукам останется долг.
 А век-то мужицкий недолог,
 Сорвал пуповину – остыл.
 Но поп, как любой идеолог,
 Всем вечное счастье сулил.
 И с миру по нитке что голым,
 Жалея крестьянских детей,
 Собрали на новую школу
 Почти сорок восемь рублей.

Ульянов прикинул расходы –
 Пособия, парты, доска...
 Не раз подсчитал все работы
 На жёлтой осьмушке листа.
 За свой счёт община построит,
 Она ж педагога наймёт...
 Но всё-таки нету покоя,
 И в голову сон не идёт.
 Закроет глаза он –
 В тумане,
 Как спелый подсолнух,
 Пред ним
 Встаёт невеликое зданье
 С шатровым
 Крылечком резным.
 Вкруг гомон
 Ребячий весёлый.
 В цветке золотится пчела.
 Такую построить бы школу,
 Чтоб дома роднее была!

Не спится.
 Поднялся с кровати.
 К столу подошёл, торопясь.
 И начал в рабочей тетради
 Чертить всё, что видел сейчас.
 Не то.
 Зачеркнул.
 Постепенно
 Из плена бумажного ввысь
 Прозревшие окнами стены
 С крылечком резным поднялись.

Вкруг дома вставала ограда
 За нею и пчельник, и сад.
 Наличников ярких оклады
 Резьбой оживили фасад.

Чертёж получился отменный.
 Илья Николаевич встал.
 Окно распахнул.
 Белопенный
 Сад тихо во сне бормотал.
 Весна.
 Жизнь как будто в начале.
 Душа не грустит о былом.
 Все зимние смыты печали
 С земли торопливым дождём.
 Ещё только жизни серёдка.
 Есть силы и пыл молодой.
 Судьба, словно утлая лодка,
 Над тёмной летит глубиной.
 Тяжка просвещения пашня.
 Он знал всю её без прикрас.
 Часы городские на башне
 Пробили предутренний час.

5

Отсеялись.
 Вешний Никола
 Отпразднован шумной гульбой.
 Пора приниматься за школу,
 Решили на сходке гурьбой.
 Лес, сложенный загодя в штабель,
 Подсох на весенних ветрах.
 И струйки смолистые капель
 Желтели на круглых боках.
 Ударишь в бревно – колокольно
 Гудит древесина, что бас.
 Директор училищ довольно
 Глядел на сосновый запас.
 Лесины, пахучи и прямы,
 Лежали вповал, во весь рост.
 С зимы заготовили рамы,
 И краску, и гвозди, и тёс.
 И место нашлось, где не тесно –
 На взгорке, у самой реки.
 Артель подобрали из местных,
 Степенные всё мужики.
 Из тех, кто прошёл с топорами
 До волжского низа всю Русь,
 И в каждом построенном храме
 Все помнил венцы наизусть.
 Такие, коль надо, вслепую
 Построят игрушку-избу.

Одним топором золотую
Развесят с карнизов резьбу.
Наточат игривых балясин.
Отходят перила не раз.
Стоит дом,
Как чудо прекрасен,
Народной душой напоказ.

Крестьянин на все руки мастер.
Гонялся годами, спеша,
В отходных работах за счастьем,
Да так не нашёл ни шиша.
Но эта работа не барам,
А вся для своей ребятни.
Работали плотники даром
Для мира, где жили они.
А труд веселее свободный.
В нём что-то от детской игры.
Скатили бревно поудобней
И взяли его в топоры.

Сосну раздевая, железо
С причмоком стреляло щепой.
И рдели сосновые срезы,
Крутой наливаясь слезой.
Затенькали звонкие пилы,
В сухую вгрызаясь кору.
Работы крылатая сила,
Как праздник, красна на миру.
Работали жарко, торопко,
И брёвна пошли нарасхват.
Нашлись добровольцы
На копку – не мало.
Все тридцать лопат.
Стояли вокруг, бородами
Уткнувшись в махорочный дым,
Пока размечали фундамент
Ульянов с артельным старшим.
Разметили.
Сразу за дело
Взялись мужики –
Не оброк.
Светлея, железо скрипело,
Вгрызаясь в лежалый песок.

Азарт
(Нет запальной завода!)
Зажёт всех, горят мужики.
Нашлась и мальчишкам работа –
Булыжник таскать из реки.
Несли, кто охапку, кто горстку –
Любого старшой привечал.
Илья Николаевич тёзку,
Оглоблина, сразу узнал.

Илюшка директора вспомнил,
Но что-то невесел, смурной.
Ульянов услышал, что помер
Отец мальчугана весной.
Непросто семье без кормильца.
Пять братьев, сестрёнки – орда!
Бесхлебьем обсосаны лица,
В глазах застоялась беда.
Навряд ли придётся Илюшке
Учиться.
Заест парня жизнь.
Ульянов по жёсткой макушке
Погладил и молвил: – Крепись...
Илюшка оттаял, не букой
Глядел, а надеждой светясь.
– Я выучил целых три буквы,
И все напишу, хоть сейчас!

Присели на брёвнышко. Мигом
Стопились ребята вокруг.
Ульянов взял детскую книгу,
И начал читать её вслух.
Притихли и слушают вечный
Рассказ о победе добра.
Звук радостной пушкинской речи
Дошёл до глухого угла.
Сияло волшебное слово,
Проклонулся знаний росток.
Под стук топоров в школе новой
Ульянов дал первый урок.

Читал бы ещё, да помещик
Подъехал – крестьянский хомут.
– Зря строите – стёкла расхлещут,
А дом непременно сожгут!
Почаще их брать надо плети,
А вы в эту грязь со свечой!
– Ни даст Бог никак ему смерти, –
Мужик проворчал за спиной.
– Вот, слышите?
Юркнул в тележку
И кучера ткнул кулаком.
Вослед кто-то свистнул насмешку,
И пыль закрутилась столбом.

День гнал по земле волны света.
Рад жизни был каждый листок.
Припело и время обеда.
И все потянулись в тенёк.
Расселись по кругу.
И старший
Махнул кашевару – давай!
Пошли по рукам миски с кашей
И хлеба тугой каравай.

И первая гостю – обычай.
 Ульянов приветно кивнул.
 Уж тут не до светских приличий,
 И миску в колени приткнул.
 Молчат, стукоток слышен ложек,
 Да всплески ветвей, будто крыл.
 Ульянов покушал и ковшик
 Кваску молодого испил.
 И вновь разговоры о деле
 Пошли без подначек, всерьёз.
 – Закончим к петровской неделе...
 – Нам неча тянуть – сенокос...
 Высокое солнце в накале.
 Над пашнями марева дым.
 Опять топоры застучали
 По брёвнам от зноя тугим.

6

Всё сделали, как порешили.
 Чуть лето успело остыть,
 Всем миром его пригласили
 В деревню, чтоб школу открыть.
 И снова дорога!..
 В укладке
 Нехитрые школе дары:
 Всемирная карта, тетрадки
 И книжки для всей детворы.

Мелькали тележные спицы,
 Грязь брызгала из-под копыт.
 Летели осенние птицы
 Над родиной,
 Плача навзрыд.
 Стояли деньки золотые.
 Листва облетала с берёз.
 Волнуясь, прощалась Россия
 С порою цветенья и гроз.
 От зябких дождей проржавели
 Зелёные крыши лесов.
 И чувства иные прозрели
 К отчизне – печаль и любовь.
 И сердца коснулась, тревожа,
 Листвы облетающей дрожа.
 И стала родней и дороже
 Земля, на которой живёшь.
 Открылась душе по наитью
 С природой бессмертная связь.
 Пора журавлиных отпльгтий
 И грусти, пронзающей нас!

Простор дрожкой нитью прострочен
 Станиц, уплывающих в синь.
 И горечью пахла с обочин
 Седая, как пепел, полынь.
 Ворона взлетела с разбега.
 Зайчишка метнулся в кустах.
 И ходко катила телега
 В просторных осенних полях.

Хлеб убран, стерня золотилась.
 И шла в деревнях молотья.
 Была умилённая милость
 В земле, подарившей хлеба.
 Над током пыльца обмолота
 Клубилась под гомон цепов.
 Журчали, заждавшись работы,
 Литые круги жерновов.
 Деревня считала прибитки
 И сколько налогов отдать.
 Остатка лишь только
 На нитки хватало,
 Чтоб рвань залатать.
 Царю, господину и Богу,
 Хоть сдохни, а доли отдай...

Ульянов смотрел на дорогу,
 На милый затерянный край.
 День тихо катился на убыль.
 Темнел на деревьях раскрас.
 Вдали вспыхнул храмовый купол,
 И речка блеснула, змеясь.
 Илья Николаевич зорко
 Вгляделся: «Ах, вот и она!..»
 У речки, на ровном пригорке
 Стояла в четыре окна.
 Домов деревенских повыше,
 С пристроем, крылечком резным,
 Под светлой тесовой крышей
 Возникла вдруг школа пред ним.
 Вкруг чёрный лоскут огородный,
 Под ивами мельничный пруд.
 Вздохнулось легко и свободно
 От счастья, омывшего грудь.

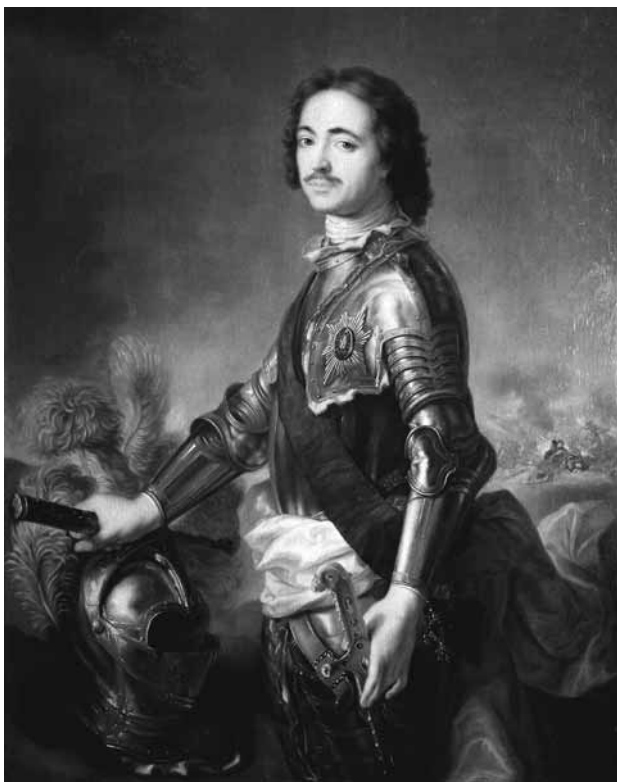

Рукою Петра Великого

Сразу же за мостом над глубокой выемкой соединительной ветки Курской и Николаевской (Октябрьской) железных дорог, перерезавшей в середине XIX века Новую Басманную улицу, возвышается массивный объём церкви Петра и Павла. Мне данное здание, как, впрочем, и все другие окрестные постройки, знакомо до мельчайших подробностей, поскольку первые свои годы я прожил именно в этом районе Москвы. Да и теперь частенько бываю здесь по делам.

Как-то родители и бабушка с дедушкой поведали мне, что церковь совершенно уникальна, ибо построена по рисунку самого царя Петра I. Об этом же гласила мемориальная доска на одном из звеньев чудесной кованой решётки, примыкающей к сооружению со стороны Басманного переуллка (о решётке речь ещё впереди).

Портрет Петра I.

Худ. Жан Марк Наттве. Холст, масло. 1717 г.

Александр АЛИЕВ

Александр Газанфарович Алиев – родился в Москве в 1964 г. в семье учёных-филологов, сотрудников Академии наук СССР. В 1988 г. окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, работал в Радиокomitee на Пятницкой (радиостанция «Надежда»), с 1991-го и по настоящее время занимает должность редактора отдела истории и культуры в одном из специализированных изданий МЧС России. Сотрудничает с рядом столичных и областных газет и журналов. Член Союза журналистов Москвы (с 1993 г.), МГО СПР Союза писателей России (с 2008 г.)

Живёт в Москве.

И об этом я, будучи уже школьником, прочитал однажды коротенькую заметку в журнале «Техника – молодёжи».

Как всё начиналось

На исходе XVII столетия Новая Басманная улица называлась Капитанской слободой. Тут обитали офицеры потешных и вновь сформированных Петром I солдатских полков. Царь всегда проезжал этой дорогой в Немецкую слободу и Лефортово. Поскольку офицерский состав был хотя и из иноземцев, однако перешедших в православие, на улице появился деревянный храм во имя Святых Первоверховных апостолов Петра и Павла. Но уже через несколько лет он был заменён другим, каменным.

Когда смотришь на эту церковь, то она выглядит как бы составленной из двух, резко противоположных друг другу, элементов. Колокольня – образец зрелого, так называемого, елизаветинского барокко, стиля, который утвердился в Первопрестольной с лёгкой руки архитектора князя Д.В. Ухтомского. А вот самой церкви – аскетичной, с крупными, грубоватыми очертаниями объёма, завершённого гранёным куполом с совсем нерусским бельведером с широкими проёмами и остроконечным «шпицером» – аналог в нашем городе подобрать трудно.

Замечательный русский историк И.Е. Забелин опубликовал в конце XIX века любопытный документ – «Сенату доношение», датированный 1715 г.: «...в прошлом 1714 г., по имянному Царского Величества указу и по данному собственной Его Величества руки рисунку, ведено нам нижепоименованным, старосте с приходскими людьми, построить [церковь] за Мясницкими воротами, за Земляным городом, что в Капитанской и Новобасманной слободе, которая и прежде в том месте была ж, во имя святых апостолов Петра и Павла».

Петру Великому очень хотелось иметь в Москве посвящённую его небесным покровителям церковь, подобную тем, что он видел в Западной Европе, в частности, в Голландии, – отсюда её необычные формы. Отсюда и решение даже такой традиционной детали старорусского зодчества – широкого подклета – согласно принципам ордерной архитектуры. А интерьер храма!? Мощные белокаменные своды, поддерживаемые такими же мощными колоннами, «сочная» лепнина вдоль карнизов и над входными проёмами, фресковые изображения в нишах – всё это яркие примеры переходного стиля в нашей архитектуре и больше характерно для петербургских церквей первых десятилетий XVIII века.

К слову, в коллекции петербургского Исаакиевского собора хранятся восемь «сочинённых» Петром рисунков храмовых зданий; семь из них были возведены в Северной столице (они не уцелели) и одно – в столице Первопрестольной, то, о котором ведём мы сейчас речь.

А строил кто?

Сооружение Петропавловской церкви длилось довольно долго. Ведь в том же 1714 г. вышел памятный указ царя о запрещении каменного строения по всей России, кроме Санкт-Петербурга. Лишь через семь лет, как записано в так называемых клировых ведомостях, по челобитной стольника и подполковника И.Ф. Башева царь пожаловал две тысячи рублей, и тогда работы возобновились. А из Правительствующего Сената поступил соответствующий указ: «Каменную церковь во имя Святых Апостол Петра и Павла, буде она сверх буту каменным строением зачата строить, – достроить...»

О том, какому архитектору довелось воплотить в жизнь государев замысел, мнения искусствоведов и историков расходятся. Одни полагают, что возводил храм Иван Зарудный, уже прославившийся как создатель так называемой Меншиковой башни (церкви Архангела Гавриила) на Чистых Прудах; другие – что Михаил Чоголков, автор знаменитой Сухаревой башни, которая, увы, не сохранилась. Из переписки с Ингерманландской канцелярией, находившейся в Петербурге, известны лишь имена каменщиков, родом из Ярославской губернии: Андрей Кондратьев, Алексей Васильев,

Петропавловская церковь.
Вид с Новой Басманной улицы

1695 г. он насчитывал около 50 дворов (из них четыре принадлежали церковному приходу), то в 1724-м – 114 дворов, а впоследствии их количество ещё возрастало.

Май 1745 г. В Святейшем Синоде начинается дело «о построении при церкви особой каменной колокольни». Появилась она только спустя несколько лет, украшенная пучками колонн и с открытой белокаменной лестницей, ведущей на второй ярус, а также в верхний храм; проект же её составлен либо Иваном Коробовым, либо Иваном Мичуриным – ведущими тогдашними московскими зодчими. Впрочем, справедливости ради, следует признать: проект не слишком удачен – колокольня смотрится грузной и непропорциональной, и не идёт ни в какое сравнение, скажем, с колокольней Троице-Сергиевой лавры, своей «ровесницей».

Ко второй четверти XIX столетия явно обозначилась необходимость ремонта «пришедшей в ветхость от времени и мокроты» открытой лестницы. Между обоими сооружениями была поставлена крытая галерея, а лестница заменена чугунной, отлитой в Нижнем Тагиле, на знаменитых демидовских заводах. Кроме того, Демидовы, одно из московских владений которых располагалось как раз в здешнем приходе, пожертвовали внушительную сумму на дальнейшее поддержание церкви.

В 1842 г. соорудили новый иконостас, а спустя ещё несколько лет возобновили стенную живопись верхнего храма: «полияльные» лики святых покрыли свежими красками.

Иван Яковлев, Конон Нефедьев да Филипп Васильев. И «...до совершения церкви к иным делам от того строения тех записных каменщиков иметь не велено». Так или иначе, в 1723 г. был освящён нижний престол храма – во имя Николая Чудотворца, через несколько недель верхний – во имя Петра и Павла. Великолепный иконостас делали «царевны и великой княжны Екатерины Алексеевны реццик Трофим Романов сын Жерин и оброчный крестьянин Колязина монастыря реццик Андрей Гаврилов сын Ушаков». Ими «построено в той церкви столлярное и резное иконостасное дело по означенному своему рисунку, а именно: царские двери и сень резные травяные, да вместо столбов фрукты резные...», Распятие с предстоящими, кронштейны и карнизы.

Отметим, кстати, что приход Басманного храма всегда был весьма значительным. Если в

«Басманный философ»

18 апреля 1856 г. в церкви Петра и Павла отпевали Петра Яковлевича Чаадаева. Этот человек всегда выделялся в обществе острым, критичным умом, внешностью, выразительным лицом, манерой поведения. Был близким другом А.С. Пушкина. После опубликования в 1836 г. журналом «Телескоп» первого «Философического письма», вызвавшего столько толков в обеих столицах, правительство официально объявило Чаадаева сумасшедшим, и он одиноко и безвыездно прожил в одном из флигелей усадьбы своих друзей Левашовых, которая находилась здесь же на Новой Басманной улице (№ 20). В ту пору Пётр Яковлевич превратился не только в московскую, но и в российскую знаменитость. Посетить «басманного философа» почитали за честь многие москвичи и петербуржцы: Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, Т.Н. Грановский, А.И. Герцен, братья И.С. и К.С. Аксаковы, братья П.В. и И.В. Киреевские... Заезжали и люди знатные и чиновные.

Присутствовавший на отпевании М.Н. Лонгинов писал своему приятелю С.Д. Полторацкому в Петербург: «Сегодня хоронили Чаадаева... Странное и удивительное в этой церемонии. Прекрасный весенний день, пасхальная служба, цветные ризы, цветы на кресте, вместо панихиды пение Христос Воскреси! и других гимнов воскресных; всё это как-то успокоительно действовало на душу».

Дни падения, дни возрождения

Шли годы, десятилетия. В конце 1920-х гг. новые власти повели решительную, даже исступлённую, борьбу с религией и культовыми сооружениями. В числе прочих была уничтожена в Москве церковь на Большой Спасской улице, но вот металлическую ограду XVIII века каким-то образом удалось спасти, и она оказалась у Петропавловского храма. С той поры её изумительными по красоте ажурными завитками вольно или невольно любят все, кто идёт по Новой Басманной – ведь подобные решётки большая редкость для Первопрестольной. Саму же церковь закрыли в 1935-м, однако, не разрушили – Моссовет передал её Управлению Московской областной милиции для склада военно-хозяйственного имущества. Потом тут находилась лаборатория НИИ «Геофизика», который разгородил пространство верхнего и нижнего храмов на маленькие кабинеты для сотрудников.

Наконец, уже в начале 90-х здание было возвращено Русской Православной Церкви. После капитального восстановления внутреннего убранства в храме возобновили богослужения. А не так давно здание выкрасили в нежно-охряной цвет, именно тот, который оно имело в XVIII столетии. Интерьер вестибюля украсился портретом (копией с оригинала французского художника Ж.М. Наттье) Державного основателя храма – Петра Великого. Мемориальную доску с ограды сняли, зато появилась другая доска, побольше, у главного входа. Правда, даты постройки указаны на ней слегка ошибочно. Ну, с кем не бывает!

Фрагмент ограды
(со стороны Басманного переулка)

Чудесное обретение

Сейчас в церкви можно увидеть лишь единственную старинную реликвию – храмовый образ апостолов Петра и Павла. Это личный вклад царя-преобразователя. После революции икона считалась безвозвратно утерянной, и лишь в 2008 г. случайно была обнаружена в Троице-Сергиевой лавре, куда её отдал на реставрацию частный коллекционер. Специалисты датируют икону началом XVIII века, риза (оклад) – восемь килограммов чистого серебра с позолотой – один из высших образцов русского ювелирного искусства.

Тщательно отреставрированный образ вернули в 2010 г. в Петропавловский храм. Перед тем, как поместить его на место, был совершён крестный ход, который возглавил Первый викарий Святейшего патриарха Московского и Всея Руси Кирилла архиепископ Истринский Арсений.

Испытание огнём

Пятого августа того же 2010-го столичные СМИ облетела тревожная весть: в церкви на Новой Басманной произошёл пожар. Потом, правда, выяснилось, что полыхала только стоящая во дворе деревянная подсобка – там банально замкнуло электропроводку при аварийном режиме работы сети. Тем не менее, площадь возгорания составила более трёхсот квадратных метров, и возникали опасения перекидывания огня на главное здание – памятник архитектуры. Поэтому в схватку с Красным петухом были брошены значительные силы: пятнадцать караулов и два вертолёт. Пожар удалось довольно быстро локализовать, однако задымление вокруг храма сохранялось чуть ли не до вечера.

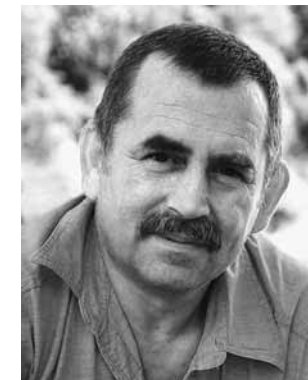

«Красный день календаря»

О прозе Светланы Замлеловой

1

Из прозаиков-женщин за последние два десятилетия смогли меня поразить только два автора. Это Вера Галактионова и Светлана Замлелова. Другие читатели или критики, может быть, назовут иные имена и тоже будут правы по-своему. Произведения Веры Галактионовой и критические работы о них мне приходилось читать в толстых журналах. А открытие для себя замечательного прозаика Светланы Замлеловой я обязан в первую очередь Интернету. И вовсе не проза её меня сначала поразила, а публицистика. Имя запомнилось. А там уж события развивались по своим законам и по законам Интернета, который многие процессы способен ускорить в десятки, а то и в сотни раз. Благодаря этому, в моих руках оказалась и книга Светланы Замлеловой «Гностики и Фарисеи». И я принял её читать. И оторваться от книги уже не мог. Признаюсь, что перечитал я эту книгу от корки до корки трижды, и всякий раз с интересом. Только два романа я перечитывал большее количество раз. Это «Момент истины» («В августе сорок четвёртого») Владимира Богомолова и «Удар молнии» Сергея Алексеева. Но мотивация прочтения этих духоподъёмных романов была иной, за их очередное прочтение я садился в минуты упадка духа и утраты веры. Что же касается книг Светланы Замлеловой, то завораживал язык её повествований, завораживали сюжетные линии рассказов и повестей, а главное – психологические портреты героев и те условия, в которые они были поставлены автором. И всё это подаётся Светланой Замлеловой часто со скрытым юмором, с некоторой иронией. По крайней мере, так показалось мне, читателю, не лишённому чувства юмора. И эта лёгкая ирония, этот скрытый юмор не позволяют впадать автору в занудство, в проповедничество. И сюжеты её рассказов, истории, о которых она поведала в своих рассказах и повестях настолько разнообразны, что остаётся только удивляться и тому, как Светлана Замлелова умеет подмечать разные мелочи, и тому, как эти мелочи оживают под её пером, делая её героев запоминающимися, выходящими из общего ряда. И вовсе не важно: герои эти положительные или отрицательные. Об этом даже и не вспомнишь за увлекательным чтением. Взять

Виталий Геннадьевич Серков – член Союза писателей России. Родился в 1956 г. в деревне Острецово Вологодской области. Автор поэтических сборников «Свет памяти», «Соборные звоны», «Звёзды и листья», «Шиворот-навыворот» (пародии, эпиграммы), «Круг сомнений завершив», «Шёпот созвездий», «Нам не дано предугадать...» (пародии и статьи о русской поэзии), «Душа моя скорбит», «За други своя», изданных в Краснодаре, Сочи, Таганроге и Вологде, а также многих публикаций в центральных и региональных журналах. Дипломант Всероссийской православной литературной премии имени Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского (2007) за верное служение русской поэзии. Живёт в Сочи.

хотя бы первый рассказ под названием «Неприкаянность». В полузаброшенное село со странным названием Котцы приезжают жить двое молодых мужиков. И не с Урала, и не старообрядцы, о чём до жителей села доходили слухи, а из Москвы и с дипломами Московского Университета. «Прадед Симанского был дьяконом сельской церкви Тамбовской губернии. Дед преподавал научный коммунизм, отец посвятил себя изучению экономических отношений Советского Союза со странами Магриба». В одном этом предложении уместилась и судьба нескольких поколений, и трагизм, и комизм, и скрытая ирония автора. А если учесть, что сам Симанский «ещё студентом вошёл в круг замечательных людей, буквально изнемогавших в борьбе за что-то не вполне определённое, но, безусловно, прекрасное», то уже не удивляешься, когда читаешь диалог двух участников кружка, один из которых является «славянофилом», а другой (Симанский) – «западником»:

«– Да пойми же, болван, – горячо внушал Симанский одному своему приятелю, увлекавшемуся поздними славянофилами. – Пойми, что славянофильство отжило своё! Мода – о, да! Это понятно. Но чтобы принимать это всерьёз?..»

– Врёшь, брат! – откликнулся славянофил. – Врёшь! Время славянофильствует! А вот ты так коснеешь в глупости и заблуждениях. Кому-то очень нужно всё раскочкать. И для этого набирается целая армия дурачков, в общем и целом безопасных, хотя и кусающих за ноги. А каждая реакция на такой укус – гол в собственные ворота и повод к обвинению в генетическом тоталитаризме!..»

– Вот сам и соврал! – радовался Симанский. – Соврал, брат! Эти люди жертвуют собой для целой страны, для огромного бессмысленного народа. Чтобы добиться прав для этого народа, небольшая, в сущности, кучка людей... лучших людей!.. готова гнить в тюрьмах!..»

– Да ты сам врёшь! Вот гнить-то вы как раз и не готовы! У вас это игра, вы уверены, что ничего вам за неё не будет! И никакие такие права, о которых ты тут рассуждаешь, не изменят никого из вас!..»

– Как ты можешь говорить это, когда вчера только у Фринляндов был обыск! И Яшку забрали. Яшка Фринлянд – в Лефортово! Понимаешь ты это? Яшка в Лефортово!

– Ха-ха-ха! У Фринляндов, говоришь?.. Вся эта ваша диссидентская чехарда с борьбой за права есть борьба за право уехать на жительство в Израиль. И попомни моё слово: когда все твои Яшки переедут в Израиль, диссиденты переведутся сами собой! И о правах для «этого народа» никто больше не вспомнит!»

Всё так и вышло, как говорил славянофил. Симанский разочаровался в диссидентстве и вообще в жизни, воскликнув однажды: «О, фальшивая, ненастоящая жизнь! Есть ли в тебе хоть что-нибудь истинное, подлинное, чистопробное!» С такими вот настроениями Симанский и его товарищ по фамилии Чудомех оказались в деревне. Жителям деревни было понятно сразу, что долго эти двое в деревне не проживут. И священник, в первый же день, придя познакомиться с новыми прихожанами, сразу об одном из них подумал, что этот долго здесь не задержится. Так всё и вышло. Чудомех встретил фельдшерницу и женился, а Симанский вернулся в Москву и стал издавать газету. Конечно же, оппозиционную. Ведь такие люди, как Симанский, ничего не умеют делать. Они привыкли бороться. А с кем или с чем – не столь и важно.

За фасадом этого рассказа, конечно же, скрыто намного больше. Восприятие скрытых тем, мотивов, психологических объяснений тех или иных событий, тех или иных поступков героев зависит во многом ещё и от житейского опыта читателя, и от широты его взглядов, и от информированности, и от многого другого. Но мне интересна в этом рассказе Светлана Замлеловой не только её мировоззренческая позиция в целом, но и сама жизнь простых людей, доживающих свой век в деревне. А приезд двоих героев рассказа, один из которых является вечным пламенным борцом, послужила лишь подсветкой, благодаря которой читателю становятся понятней многие причины нынешней, зачастую беспросветной и нищей, жизни в деревне.

Все рассказы и повести Светланы Замлеловой психологичны, что не раз уже отмечали критики. И во многих из них присутствует мистика. Самым ярким мистическим рассказом мне показался короткий, всего на пять страниц, рассказ «Поцелуй».

Он является пересказанной историей отца Варсонофия (в бытность свою врача Василия Ардалионовича Куницына), которую поведал его келейник отец Нафаил. Если коротко, то суть рассказа сводится к тому, что в больнице умирал старик Изюмов, звали которого Авениром Ельпидифоровичем. «Интересен старик Изюмов казался и разудалым именем своим, и многолетием, прописанным на всём его облике, так что даже борода его была подёрнута зеленью, как застарелый сухарь плесенью, но главным образом, вероятно, какой-то неотмирностью, сообщавшейся ему близостью к тому заветному краю, за который каждому предстоит перешагнуть и возврата из-за которого нет никому». Об умении Светланы Замлеловой мастерски создавать портреты своих героев речь ещё пойдёт впереди, а этот рассказ ценен другим. Старик, чувствуя приближение смерти, стал бормотать посиневшими губами: «Попа бы мне...». Но все сошлись на том, что старик пытается что-то напеть. Но на другой день врач, прислушавшись к его бормотанию, вдруг понял, что старик попа просит, но смалодушничал, отделался шуткой, после чего старик умер. А доктор, потеряв спокойствие, пошёл в морг к доктору Цветкову и между ними состоялся диалог:

«– Ты как думаешь, душа есть?»

– При мне никто из них не вставал, – отвечал Цветков, кивая на холодную комнату.

Они опять выпили.

– А Бог есть? Или там ...чёрт? – осторожно спросил Куницын.

Циничному патологоанатому, много лет проведшему в мертвецкой, стало смешно.

– Ты чего испугался-то больше? Суда справедливого? Или палача? – ухмыльнулся он.

Куницын молчал. Цветкову стало жаль его, и чтобы ободрить приятеля, он сказал:

– Брось ты всё это... Вера – дело такое... Для обывателя удобно – думать не надо... А ты докажи, предъяви... **Поцелуйся с чёртом** — тогда будет во что верить!..» Вот основная фраза диалога, выделим её жирным шрифтом.

Потом доктор Куницын, придя домой за полночь, не раздеваясь уснул. Проснулся же он от необъяснимого страха. За окном разгулялась непогода, росшая под окном берёза стучала в стекло. Обернувшись на шорох, доктор увидел бывшую жену, сидевшую за столом, хотя он помнил, что ключ оставался в замочной скважине изнутри. Дверь снаружи не могла быть открыта. «Он ужаснулся этой мысли. Но она, точно угадав, о чём он подумал, тихо сказала:

– Ключ лежал на полу...

Она не договорила.

– «Зачем ты...», – хотел было спросить он, но она поднялась проворно и, коснувшись пальцами его губ, сказала тихо:

– Поцелуй меня...»

Затем после описания страхов доктора, причину которых он не смог бы и сам называть, наступает кульминация:

«Её лицо вдруг точно раздвоилось. Как будто за одним лицом пряталось другое. И если первое было как обычно красиво холодной и наглой красотой, то второе, прячущееся за первым и как бы выглядывающее из-за него, было безобразно и отталкивающе. Он заглянул ей в глаза – она смотрела с дикой, жестокой радостью, точно знала о его видении и наслаждалась его страхом. Он захотел оттолкнуть её от себя с силой, так, чтобы она упала, но не смог шевельнуть и рукой, как если бы прирос к ней всем телом. Новая волна ужаса поднялась в нём и обессилела его...»

Он очнулся утром на своём диване и тотчас вспомнил всё, что было ночью. Он помнил, во что была одета жена, помнил вкус её сиреневой помады и запах духов. Но никаких следов пребывания её в комнате не было. Входная дверь оказалась закрытой изнутри, ключ плотно сидел в скважине, всё было в полном порядке...»

Светлана Замлелова, как я убедился, прочитав две её книги, никого открыто не призывает к вере, но так уж случается, что прочитав тот или иной её рассказ, ту или иную повесть, ту или иную сказку, в очередной раз убеждаешься в том, что Бог есть,

как бы его кто ни величал: вселенским ли разумом, высшей ли силой, или как бы кто ни упорствовал в отрицании Его.

Рассказы Светланы Замлеловой настолько реалистичны, настолько жизненны, герои её рассказов настолько нам знакомы и близки по собственному ли опыту, по опыту ли наших родственников и друзей, что кажутся не придуманными автором, а реальными, живущими где-то рядом. Просто автор забыл указать точное место проживания того или иного героя своего рассказа. Иногда, прочитав очередной рассказ, думаешь: «Не может быть, чтобы это придумала молодая женщина. Наверное, она была свидетелем тех событий, о которых поведала в рассказе». Такие ощущения были у меня и тогда, когда я читал рассказ «Василий Иванович», в котором *«Василий Иванович скучал. Он скучал и пил. Пил и безобразничал. И до того всем надоело, что не осталось вокруг человека, который бы не кривился при имени Василия Ивановича Пошехонова. А Василий Иванович, между тем, с детства алкал великого и прекрасного. И мечтал! Мечтал беспробудно... И тосковал смертельно. Пришло время, и все мечты, показавшиеся нелепыми и постыдными, отлетели куда-то в эмпиреи, где и растворились окончательно. А Василий Иванович познал, что всё самое розовое и перламутровое находится на дне бутылки. Что есть жизнь человеческая, как не борьба со скукой? И каждый борется с ней, как умеет»*.

В этом рассказе есть всё: и первопричина пьянства героя, и мистика, поскольку было видение Василию Ивановичу, и попытка вернуться к трезвому образу жизни, не без помощи церкви, конечно же. Но правда этого рассказа заключается в том, что насколько лёгок и незаметен для пьющего человека путь вниз, настолько и тяжёл путь обратно, в гору, с растраченными уже физическими и духовными силами. Вот и герою этого рассказа Василию Ивановичу путь к нормальной жизни оказался не по силам, а вернее – сама жизнь трезвая ему уже не принесла облегчения. И однажды произошло то, что и должно было произойти. *«Когда на другой день вернулись Анисья Осиповна с братом, первое, что они увидели, войдя в комнату, был Василий Иванович, восседавший торжественно на диване. Рядом с ним покоилась белая тарелка с серебряной каймой, а на тарелке – шмоток какой-то еды, определить которую, не отведая, никто бы не смог. На полу, у ног Василия Ивановича, стояли остальные тарелки из сервиза»*. А дальше Василий Иванович, воскликнув: *«А-а! Богомольцы!..»* пустился в пляс. *«Весь вид Василия Ивановича выражал победу света над тьмой, просвещения над мракобесием, идеалов свободы над вековым рабством»*. А потом Василий Иванович начинает бить купленный женой во время недолгой его трезвости сервиз. Бьёт с наслаждением. И заканчивается рассказ так: *«Крест, небольшое серебряное распятие, обыкновенно покоившееся на груди Василия Ивановича, раскачивался на белом шнурке, обвивавшем шею, то взмывая сквозь распахнутый ворот, то со шлепком ударяясь о его многогрешную плоть»*.

И хорошо было Василию Ивановичу».

Только и остаётся вздохнуть и подумать о том, что, к сожалению, образ такого вот мужичка сегодня на Руси должно искать не надо. Такие судьбы сплошь и рядом. И заканчиваются они зачастую намного драматичней как для самих «Василиев Ивановичей», так и для окружающих их родных и близких людей. И множится сиротство детей. Да и жизнь с такими вот, как герой рассказа Светланы Замлеловой, родителями мало чем отличается от сиротства.

В рассказах Светланы Замлеловой среди героев очень много странных людей. Автор-то к ним относится вполне доброжелательно, с любовью описывая все особенности их характеров, все их выкрутасы, слегка иронизируя над ними, иногда повествуя от первого лица. И вспоминаются «чудики» Василия Макаровича Шукшина с их необычными судьбами, с их отношением к окружающему миру, немножко отличающимся от отношения к нему большинства. И как мне показалось, проза Светланы Замлеловой ближе других стоит к прозе Василия Шукшина. И я не боюсь ошибиться, сказав, что в ряду учителей или любимых писателей Светланы Замлеловой, вероятно, стоят не только Николай Васильевич Гоголь, любовь к которому ощущается, не только Михаил Афанасьевич Булгаков, с кем она не побоялась посоревноваться, написав рассказ «Иуда», но и Василий Макарович Шукшин. Мысль о родстве прозы Светланы

Замлеловой с прозой Василия Шукшина пришла потому, что и тот и другой задаются вопросом: «Что с нами происходит?!» И каждый отвечает на эти вопросы по-своему. Разница в том, что герои Светланы Замлеловой принадлежат, чаще всего, к поколению, которое росло уже в постперестроечное время. И это поколение живёт уже в других реалиях, в других ритмах, в других морально-этических координатах, а вернее – зачастую за пределами всякой морали или в координатах размытых, для удобства их нарушения, конечно. В такие, размытые или сдвинутые координаты Светлана Замлелова и поселила главного героя своего рассказа «Муся», повествуя от первого лица и постепенно раскрывая нутро героя рассказа и всю мерзость его приспособленческой натуры. И неискренность, а по правде сказать – лживость, которой пропитано всё существо этого героя. И так сумела выписать характер и поведенческий образ героя, что чувство брезгливости к нему посещало меня всякий раз, когда я перечитывал этот рассказ. Тонкое знание психологии, умение создать психологические портреты своих героев – одна из самых сильных сторон прозаика Светланы Замлеловой. Если бы она действовала более прямолинейно, наставительно, повествовала в назидательном тоне, это, всего скорей, оттолкнуло бы читателей или оставило их равнодушными. А здесь происходит обратная реакция. Ведь кроме главного героя рассказа есть его противоположность – скромная, обаятельная, добродушная девушка, полюбившая и попавшая под влияние хлюста, паразитирующего на её добродетели. А хлюст – молодой человек, приехавший из провинции, учащийся на режиссёрском факультете, чем очень гордится, и живущий на деньги, которые присылает ему брат. Познакомившись случайно со своей подругой, он начинает тянуть и из неё деньги, да так умело, что он, вроде бы, к этому и не причастен, а подруга добровольно приносит деньги, чтобы он смог вернуть долг. Перечитывая рассказ, невольно за девушку переживаешь, хотя после первого прочтения уже знаешь, что смогла эта добрая душа разобраться в ничтожном человеке, который столько времени паразитировал на её чувствах и на способности женской натуры жалость к человеку принимать за любовь.

Сказать, что Светлана Замлелова клеймит пороки человеческие, нельзя. Она не провозглашает борьбу с пороками, она даже не даёт оценок этим порокам, иногда повествуя даже от первого лица. Но она умеет так высветить не самые лучшие стороны человеческой натуры и поставить героев своих в такие условия, что остаётся только ахнуть и удивиться в очередной раз, откуда же у молодого прозаика столько житейского опыта, откуда она черпает сюжетные линии, как ей удаётся так тонко и точно высветить все психологические нюансы в поведении героев. Будь то герой её рассказа «Муся», будь то героиня рассказа «Тварь», так точно названного, что после знакомства с этим существом женского рода вслед за автором только и выдохнешь по окончании рассказа: «Вот тварь!» И подумаешь тут же, что тварей таких развелось нынче много, они живут по своим законам, ими утверждённым. Они давно уже и людьми-то называться не должны, они хищники. Ради достижения своих корыстных целей им ничего не стоит переступить через близкого человека, у них нет никаких моральных устоев. Но у них есть бульдожья хватка и животные инстинкты. А ещё умение мимикрировать.

Светлана Замлелова – мастер детали. Она умеет живописать. Её рассказ «Красный день календаря», всё из той же книги «Гностики и фарисеи» я перечитывал и во все раз пять, переносясь вместе с героинями её рассказа в сельскую местность, ибо четверо сестёр Свинолуповых решили вдруг поехать на праздничные дни на дачу к одной из сестёр. Раньше этот день календаря народ кратко называл «Октябрьская», подразумевая 7 ноября – годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции. События развиваются в рассказе, как я понял, где-то в Подмосковье, и читателям не трудно представить дождливый день в эту пору и три километра просёлочной дороги, а вернее – колеи, заполненной дождевой водой и жидкой грязью. И четверых женщин в возрасте от 57 до 60 лет, как указано в рассказе. Время вечернее, освещение никакого. Снега ещё нет, идёт непрерывный нудный дождик. Дорога определяется лишь наощупь. Мне в таких условиях и по таким дорогам хаживать приходилось. Могу подтвердить, что действо это не для слабонервных. А тут ещё женщины и, мягко говоря, не совсем молодые. Да городские, к тому же. Да в руках у каждой

по два полных пакета с одеждой и снедью. Но, как говорится, дорогу осилит идущий. И сёстры Свинолуповы благополучно добираются до деревни, в которой и находится дача одной из сестёр, а вернее – половина кирпичного дома, от сырости ли, от того ли, что дом давно не отапливается, покосившегося. А дальше сёстры борются с грязью и затхлым запахом, который я, при чтении рассказа, ощущал так, как будто был в это время вместе с героями рассказа. И даже сейчас, вспоминая, я запахи эти чувствую. Но сестры растапливают печь, накрывают на стол, выпивают шампанского, поют песни. *«От жары, от того, что устали и проголодались, как-то быстро пьянеют. Без причины вдруг делается весело, все говорят в голос, смеются, Хочется шампанского!*

– *За ревалюсью!* – кричит Валентина Пантелеймоновна, ударяя своим стаканчиком о стаканчики сестёр и расплёскивая золотистую жидкость.

– *Уррра-а!* – вторит ей Неонилла Пантелеймоновна, позабыв про чиновничью гордость.

– *Да здравствует велик актыяпска сасиалисисья ревалюсья!* – подхватывает Лукерья Пантелеймоновна.

Смешно всем до слёз. До боли в животе, до немоты, когда уже не можешь смеяться, а только безмолвно сотрясаешься и стонешь.

И только Алефтина Пантелеймоновна, относящаяся всерьёз и к Октябрьской революции, и ко всем её вождям, не смеётся, а только в ужасе смотрит на сестёр. Всё то, что они выкрикивают, кажется ей страшным кощунством». А дальше сёстры, не обращая внимания на увещевания Алефтины, продолжают в том же духе:

– *« Не плачь, Аляка! Лучшие рассказы, как Зимний брала!*

– *Ура-а!* – подхватывает Неонила Пантелеймоновна. – *За взятие Зимнего!*

– *Как не стыдно!* – не унижается Алефтина Пантелеймоновна. – *Вот послушайте, что писал Антон Павлович Чехов... – и, закрыв глаза, она цитирует по памяти. – “А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба...” Это мальчик пишет письмо своему дедушке!.. И вот ещё: “Меня все колотят, и кушать страсть хочется”. Понятно вам?! “Кушать страсть хочется!” и Алефтина Пантелеймоновна многозначительно кивает на стол». Но сёстры, послушав Алефтину Пантелеймоновну, вспомнив Ваньку Жукова, героя рассказа А.П. Чехова, продолжают своё действие:*

– *« Ми-ильй де-едушка-а-а! Канстанти-ин Мака-арави-ич! У-у-у!*

– *Канстанти-ин Мака-арави-ич! Ы-ы-ы!* – подхватывает Лукерья Пантелеймоновна».

Всё вроде бы как в праздник. Ночью, когда дрова в печи прогорели, дом выстыл, сёстры замёрзли, и, чтобы не идти на улицу и не колоть дрова под дождём, вытащили из шкафов и сундуков разное тряпье, которым укрылись и до утра выжили. А утром, не сговариваясь, засобирались обратно, нарушив прежние планы. И вот картина, которая меня больше всего взволновала и натолкнула на разного рода размышления: *«У крайнего дома стоит дед с сигаркой в разноцветных – жёлтых, стальных, золотых – зубах; одет он в потёртый ватник и высокие кирзовые сапоги. На голове у него выцветший картуз. Лицо у деда красное, сморщенное и, точно слезами, покрыто дождевыми каплями; щёки сплошь заросли серебристой щетиной.*

Деревенские жители обычно с любопытством и настороженностью относятся к приезжим. Вот и теперь старик не сводит своих прищуренных глаз с сестёр. А когда сёстры ровняются с ним, говорит:

– *Здравствуйте...*

А тон, с которым он произносит своё приветствие, значит: “Кто такие? Откуда будете? К кому приезжали? Зачем?”»

Рассказ-то длился дальше, и автор живописал и природу на обратном пути четверых сестёр, и их воспоминания прежней жизни в сравнении с нынешней, а я всё думал и думал об этом вот старике, стоящем под дождём в потёртом ватнике и с сигаркой в зубах. В портрете этого старика вместились целая эпоха. Подумалось и о том, что не так просто жить в деревне. Набегами в выходные или праздничные дни эту жизнь не возьмёшь, да и не поймёшь. В деревне надо жить постоянно, подчинившись

её временным ритмам, накрепко связанным с временами года и соответствующими им погодными условиями, заведённым ещё далёкими предками традициям и обычаям, нарушив которые человек легко может осложнить свой быт, а то и загубить жизнь. А дачники – они и есть дачники. Хотя, справедливости ради, надо заметить, что многие деревни нынче ещё и живы-то благодаря дачникам, которые, купив заброшенные дома, приезжают на лето, сажают огород, привозят внуков. Как-то ненавязчиво, а вскользь, Светлане Замлеловой в этом рассказе удалось сказать намного больше, чем только о судьбе четверых сестёр. И я ей, как читатель, очень благодарен. Рассказ этот вошёл в моё существо и там прижился. Я всё время его вспоминаю, как вспоминаю всё время стихи Николая Рубцова, как вспоминаю «Вологодские бухтины» или «Плотницкие рассказы» Василия Белова, как вспоминаю героев романа Николая Дорошенко «Запретный художник» или героев романа Евгения Чебакина «Безымянный зверь». Да я уж для себя книгу Светланы Замлеловой «Гностики и фарисеи» поставил в один ряд с лучшими образцами русской прозы и уверен, что она ещё не раз подтвердит правоту моего выбора.

Кроме рассказов в книге «Гностики и фарисеи» имеются и две повести: «Пошлая история» и «Абрамка». Обе они отразили наше время, и каждая по-своему интересна. Первая из повестей живописует нынешние нравы и устремления молодых женщин. В центре повествования находится главная героиня Сашенька Мироедова, провинциальная девица, окончившая институт по специальности «библиотековедение и библиография». Повесть сама по себе интересна не только развитием сюжета, но и созданными типажам, портретной галереей, созданной Светланой Замлеловой, психологией развития отношений между людьми. Светлана Замлелова проводит свою героиню Сашеньку Мироедову по лестнице скоротечных событий от полной беспорочности до полной безнравственности, когда, сделав первый шаг навстречу пороку, она не могла уже остановиться и в конце концов пала настолько низко, что даже не замечала, что содержащий её любовник стал запросто подкладывать её в постель своих партнёров по бизнесу, отношения с которыми он ставил выше любых нравственных законов и человеческих понятий.

Но если бы мне пришлось выбирать между двумя повестями или ответить на вопрос: какая из повестей мне больше понравилась, я отдал бы предпочтение повести «Абрамка». А на вопрос: «Почему?» – я вряд ли смог бы легко ответить. Наверное, тем эта повесть хороша для меня, что сюжетом своим раздвинула время, организовав различные события и собрав колоритнейшие портреты своих героев, опять же в небольшом провинциальном городке, вокруг смерти старухи, отметившей накануне сто пятую годовщину. Звали старуху Марией Ефимовной Люггер. Была она легендой и достопримечательностью города, поскольку являлась участницей двух революций и Гражданской войны. На похороны этой легендарной старухи вдруг приезжает из Америки младший из правнуков. А к главе городка приезжает погостить его родная дочь Лиза, с которой отец не виделся двадцать лет. Повествование ведётся от лица падчерицы этого самого главы города, девицы насколько умной и проницательной, настолько и ехидной. Абрамка, чьим именем и названа повесть, всего лишь юродивый паренёк, появившийся некстати на поминках умершей старухи и отравленный падчерицей главы города из хулиганских побуждений, от нечего делать, от дури, от желания противопоставить себя всем, от безнаказанности. И смерть Абрамки ещё сильнее высветила особенности характеров действующих в повести лиц. И ещё одна сюжетная линия этой повести зацепила мои чувства. Это отношения главы города Ивана Петровича и отца Мануила, местного священника, воспротивившегося тому, чтобы на монастырском кладбище устраивали капище из снесённых по всему городу скульптур разных революционеров, включая и В. Ленина. И как бы глава города ни добивался своего, какие бы хитроумные ходы не выдумывал, но отец Мануил так и не благословил Ивана Петровича, считая кощунством размещать на монастырском кладбище памятники тех, чьи жертвы на нём покоились. Он умер, не в силах поднять руку для благословения.

А правнук умершей старухи, уехав из города даже не попрощавшись, был задержан на таможне в аэропорту при попытке вывоза старинных икон.

Легко представить, что после того, как разъехались из города собранные по воле автора повести американский правнук Люггер, художник Илья, с которым жила падчерица главы города и Лиза, родная дочь Ивана Петровича от первого брака, жизнь этого провинциального города войдёт в обычную колею, люди будут вспоминать старуху Люггер, а ещё её проворовавшегося правнука и Абрамку. Но воспоминания об этом будут всплывать из прошлого всё реже и реже.

Я думаю, что книга Светланы Замлеловой «Гностики и фарисеи» очень скоро встанет в один ряд с лучшими произведениями современной русской прозы, несмотря на малый тираж. Настоящая литература всегда находит дорогу к читателям.

2

«Посадские сказки» – новая книга Светланы Замлеловой, вышедшая в этом году в Москве. Она необычна во всём. Во-первых, события трёх сказок происходят, вроде бы, в позапрошлом уже веке в небольшом городке, хотя ни место, ни время в сказках не указано. И лишь некоторые приметы и названия, некоторые штрихи, рисующие образ жизни в посадах этого городка указывают на время, в котором и происходят события сказок. Во-вторых, читая сказки, всё время думаешь: «Сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок». И многие события сказок вполне могли иметь место и в прошлом веке, и в веке нынешнем, да всего скорее они и происходят вокруг нас, о чём автор и хочет иносказательно сообщить читателям. В первой сказке Светлана Замлелова решила посоревноваться с Николаем Васильевичем Гоголем, как мне показалось. И ей это вполне удалось. Вторая сказка несёт в себе некоторые элементы детектива, что только добавляет интерес к её событиям и сюжетным линиям. А третья сказка мистическая. Все они объединены тем, что события их происходят в посадах одного небольшого провинциального городка и героями их являются его жители. Пересказывать эти сказки нет никакого смысла. Скажу лишь, что написаны они прекрасным языком и читаются не просто легко, а захватывающе. Я читал дважды и оба раза не отрываясь.

